2Б
60
А 98
Ассирия
и Вавилон

DB
60
A98

Н. И. Ашмаринъ.

БОЛГАРЫ и ЧУВАШИ.

ПОГАШЕНО 1985

Проведена ... 19

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

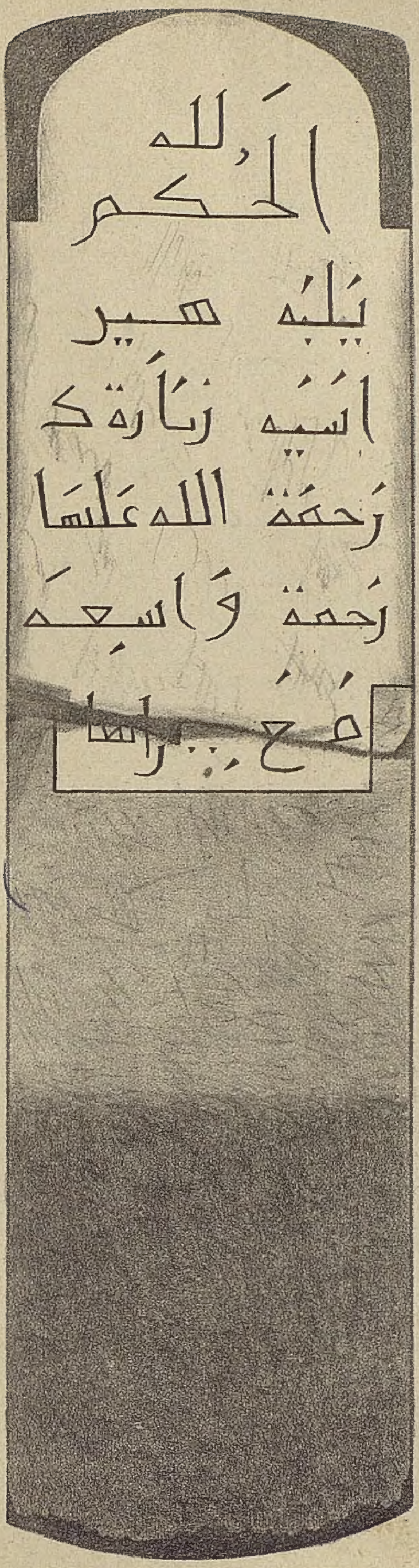
Нет

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Каталовъ*.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
530472

(Отдѣльный оттискъ изъ XVIII тома „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“ за 1902 годъ).



Байглычевскій камень.

Къ вопросу о волжскихъ болгарахъ и ихъ отношеніи къ нынѣшнимъ чувашамъ.

Вопросъ о происхожденіи и языкѣ волжскихъ болгаръ, какъ извѣстно, до сихъ поръ нельзя считать окончательно исчерпаннымъ, хотя его надлежащее разрѣшеніе имѣетъ весьма важное значеніе для историческаго и этнографическаго изученія Поволжья. Имѣя въ рукахъ различные матеріалы, почерпнутые изъ нарѣчій волжскихъ инородцевъ и, по моему мнѣнію, могущіе пролить нѣкоторый свѣтъ на довольно темную для науки область болгаровѣдѣнія, я рѣшился составить небольшой обзоръ тѣхъ свѣдѣній, какія представляетъ намъ литература о Волжской Болгаріи, дополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми соображеніями, вытекающими изъ разсмотрѣнія имѣющихся въ нашемъ распоряженіи лингвистическихъ данныхъ. Такъ какъ главною цѣлью настоящаго очерка служило лишь сообщеніе результатовъ изысканій въ области языковѣдѣнія, то я долженъ замѣтить заранѣе, что болѣе или менѣе подробное обозрѣніе всѣхъ другихъ источниковъ по занимающему насъ предмету не могло войти въ тѣ довольно узкія рамки, которыя были отведены мною для предлагаемой статьи.

При изслѣдованіи вопроса о волжскихъ болгарахъ мы не можемъ пройти молчаніемъ нѣкоторыя другія, болѣе древнія народности, поэтому я и начну здѣсь свою рѣчь съ послѣднихъ, а именно съ гунновъ, къ которымъ, какъ мы увидимъ далѣе, болгары стояли въ весьма близкихъ отношеніяхъ.

I.

По извѣстіямъ, почерпаемымъ въ китайскихъ источникахъ, *хіунгну* или *хіунъ-ю* были кочевымъ народомъ, который начиная съ X в. до Р. Х. обиталъ въ степныхъ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Китая. Около половины третьяго столѣтія до Р. Х. этотъ народъ сталъ пріобрѣтать важное значеніе и сильно распространяться все дальше и дальше за предѣлы своей первоначальной родины. Силу этого народа чувствовали не только китайцы, но и другія сосѣднія племена, и многочисленная часть послѣднихъ была принуждена покинуть свои прежнія обиталища и переселиться на новыя мѣста. Послѣ расцвѣта гуннскаго могущества, продолжавшагося три столѣтія, сила гунновъ, въ началѣ нашей эры, стала значительно ослабѣвать подъ вліяніемъ внутреннихъ неурядицъ, и южная часть этого народа признала надъ собою владычество Китая. Что касается сѣверныхъ гунновъ, то китайцы заключили противъ нихъ союзъ съ сосѣдними племенами, и около 93 г. по Р. Х. имъ удалось одержать верхъ надъ гуннскими ордами, что и вызвало распаденіе гуннскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужило однимъ изъ первыхъ важнѣйшихъ толчковъ къ передвиженію гунновъ на западъ. Въ первой половинѣ II вѣка Маринъ Тирскій уже опредѣляетъ мѣстопребываніе гунновъ (*χουνοί*) на границахъ Европы, а Птолемей, одинъ изъ географовъ этого столѣтія, уже называетъ рѣку Уралъ ея тюркскимъ наименованіемъ *Δάϊξ*, которое является у Менандра Протектора въ формѣ *Δαΐχ* и соотвѣтствуетъ тюркскому Jajыk или Цajыk. Въ 374 г. масса западныхъ гунновъ перешла черезъ Волгу подъ предводительствомъ одного вождя, по имени Баламира, и покорила себѣ алановъ, пастушескій народъ, обитавшій въ степяхъ между Волгою и Дономъ. Соединившись вмѣстѣ, гунны и аланы перешли въ бродъ Меотійское Болото и бросились на готское государство Эрманариха, которое, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, должно было отказаться отъ безполезнаго сопротивленія. Послѣ пораженія остготовъ Эрманариха и послѣдовавшаго затѣмъ бѣгства вестготовъ, гуннскія орды Баламира подвигались все дальше и

дальше на западъ, занимая опустѣвшія отъ выселенія жителей области, и въ скоромъ времени незатѣйливыя юрты кочевниковъ появились и на среднемъ теченіи Дуная. Время правленія Аттилы (433—454) представляетъ собою самый блестящій періодъ гуннскаго могущества, но послѣ загадочной смерти этого вождя, когда началась вражда между его преемниками, подвластные имъ народы возмутились и силою оружія вернули себѣ прежнюю свободу. Мѣстность по рѣкамъ Дунаю и Тиссѣ была очищена отъ кочевниковъ, и, перекочевавъ обратно за Прутъ и Днѣстръ, масса гунновъ снова распалась на отдѣльныя мелкія орды, разселившіяся на обширномъ пространствѣ степей, между рѣками Днѣпромъ и Дономъ.

По мнѣнію J. Marquart'a, автора сочиненія Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften, подъ именемъ *Ирника*, второго изъ князей, правившихъ у дунайскихъ болгаръ и означенныхъ въ извѣстномъ именикѣ болгарскихъ кагановъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи, нужно понимать не кого другого, какъ любимаго сына Аттилы *Эрнака*, который, послѣ пораженія, нанесеннаго гуннамъ гепидами, и распаденія великаго гуннскаго государства, удалился со своею ордою въ самый отдаленный уголъ Малой Скиѳіи и, вѣроятно, занялъ мѣстность между устьями Дуная и рѣкою Днѣстромъ. Преемникомъ Ирника былъ *Куртъ*, или, какъ его называютъ византійскіе писатели, *Куврать*, племянникъ того самаго гуннскаго князя *Органа*, который въ 619 г., вмѣстѣ съ знатными лицами изъ гунновъ, обратился въ христіанскую вѣру [1]). Такимъ образомъ, первыя историческія извѣстія о болгарахъ неразрывно связываютъ имя этого народа съ именемъ гунновъ.

Какъ по свидѣтельству дошедшаго до насъ списка болгарскихъ князей, такъ и по показаніямъ другихъ историческихъ источниковъ, болгары, почти до послѣдней четверти VII в., безпрерывно жили на лѣвомъ берегу Дуная, въ углу, образуемомъ этою рѣкою и рѣкою Днѣстромъ [2]). Отсюда они

издавна совершали набѣги на придунайскія земли. Около 635 г. болгарскій князь Куврать освободилъ свой народъ отъ владычества аваръ, которые въ 623 и 626 г.г. грозили даже Константинополю, и выгналъ аварскія войска, стоявшія въ его странѣ. Новый періодъ болгарской исторіи начинается съ княземъ Исперихомъ, при которомъ болгары перешли черезъ рѣку Дунай и покорили жившихъ въ Мизіи славянъ. О поселеніи болгаръ на правомъ берегу Дуная мы читаемъ у Θеофана подъ 679 г. по Р. Х., а Никифоръ упоминаетъ о немъ непосредственно передъ константинопольскимъ соборомъ 680 г. У перваго они являются подъ именемъ *Οὐννογούνδουροι Βούλγαροι*, а у второго—*Οὖννοι καὶ Βούλγαροι*, а также *Οὐνογούνδόυροι*. Константинъ Багрянородный, говоря о переходѣ болгаръ черезъ Дунай, сообщаетъ, что переправа ихъ черезъ эту рѣку произошла въ концѣ царствованія императора Константина IV Погоната († 685 г.), и что тогда сдѣлалось извѣстнымъ и ихъ настоящее имя, такъ какъ раньше ихъ называли оногундурами.

У греческихъ авторовъ встрѣчается слѣдующее преданіе о разселеніи болгарскихъ колѣнъ, впрочемъ значительно уклоняющееся отъ истиннаго хода событій. Страна, которая нѣкогда называлась Великою Болгаріею и была родиною котраговъ, соплеменниковъ унногундуръ-болгаръ, лежала около Меотійскаго Болота (Азовскаго моря) и на Куфисѣ (Кубани). Когда Куврать, князь этой Болгаріи, скончавшійся въ царствованіе Константина IV, умирая, оставлялъ послѣ себя четырехъ сыновей, то онъ старался внушить имъ, чтобы послѣ его смерти они никогда не разставались съ своими исконными обиталищами. Не смотря на совѣты отца, дѣти князя поступили такъ, какъ это имъ показалось удобнымъ, и разошлись со своими ордами въ разныя стороны. Первая орда, подъ предводительствомъ старшаго, *Баяна*, осталась на прежнихъ мѣстахъ, на Меотійскомъ Болотѣ; вторая, съ своимъ вождемъ *Котрагомъ*, будто бы перешла черезъ р. Донъ и расположилась напротивъ первой; третья, подъ пред-

водительствомъ *Аспаруха*, переправилась черезъ Днѣстръ и поселилась на узкой полосѣ земли, лежащей въ углу между Днѣстромъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ, которая называлась по-старославянски Ѫглъ, по греческимъ документамъ *ὄγγλος*, и которой татарами было дано наименованіе того же самаго значенія—*Буджакъ*. Четвертая орда перешла Дунай и помѣстилась въ Паннонiи, гдѣ и подчинилась аварамъ, а пятая дошла до Италiи и тамъ покорилась римлянамъ. Когда такимъ образомъ народъ разъединился, то изъ внутреннихъ областей страны *Βεζυλία* выступилъ страшный народъ хазары, обитавшiй близъ сарматовъ, покорилъ всѣ тѣ мѣста на Понтѣ и сдѣлалъ своимъ данникомъ также и Баяна, князя Великой Болгарiи.

Въ этомъ разсказѣ есть значительная хронологическая ошибка, такъ какъ раздѣленіе болгарскихъ колѣнъ началось въ гораздо болѣе древнюю эпоху, и болгары кочевали по Дунаю много ранѣе VII вѣка. Какъ намъ извѣстно, еще передъ уходомъ остготовъ изъ Мизiи въ Италiю (487) остготскому королю Теодориху Великому уже приходилось сражаться съ болгарами, при чемъ онъ поразилъ одного непрiятельскаго предводителя. Въ 504 г. войска этого государя опять бились въ Паннонiи съ болгарами, а съ 499 г. происходили частыя нападенiя болгаръ на провинцiи, лежащiя къ югу отъ Дуная: Мизiю, Ѳракiю и Иллирiю.

Что касается болгарскаго племени, обитавшаго въ Паннонiи, то намъ извѣстно, что, поссорившись тамъ съ аварами, эти болгары, въ числѣ 9000 человѣкъ, бѣжали вмѣстѣ съ своими семьями къ франкамъ и просили у ихъ короля Дагоберта позволить имъ перезимовать въ Баюварiи; Дагобертъ далъ имъ просимое разрѣшенiе, но потомъ приказалъ ихъ всѣхъ истребить. Это кровавое происшествiе относится къ девятому году царствованiя короля Дагоберта (631—32). Однако часть этихъ болгаръ избѣжала кровавой сѣчи; позднѣе они пришли въ Италiю, гдѣ лонгобарды отвели имъ для поселенiя древнiе самнитскiе города Сепинумъ, Бовiанумъ и

Эзернію. Во времена лонгобардскаго историка Павла Діакона († 800), они еще говорили на болгарскомъ языкѣ, хотя уже всѣ знали и по-итальянски (Marquart, 72—86).

Болгары, занимавшіе мѣста между р.р. Дунаемъ и Днѣстромъ, какъ уже было сказано выше, перешли на правый берегъ Дуная, покорили лишенныхъ всякой политической организаціи славянъ Мизіи и положили основаніе первому болгарскому государству. Такъ какъ они были гораздо малочисленнѣе славянъ и значительное число ихъ погибало въ войнахъ съ Византіею, то они, естественно, должны были ославяниться, причемъ имя завоевателей перешло на побѣжденную ими славянскую народность.

Второе болгарское государство было основано на сѣверѣ, вѣроятно тѣми болгарскими племенами, которыя, оставшись на своей родинѣ, позднѣе стали распространять свою территорію далѣе, вверхъ по теченію р. Волги. Объ этомъ государствѣ мы узнаемъ очень поздно, не ранѣе 922 г., когда упоминается о первыхъ сношеніяхъ волжскихъ болгаръ съ арабами; извѣстія же болѣе ранней эпохи ничего намъ о немъ не говорятъ. Первыя свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сливаются Кама и Волга, восходятъ ко времени знаменитаго готскаго короля Эрманариха, который, около 350 г., подчинилъ своей власти, въ числѣ другихъ народовъ, также народы Mordens, Merens и Srem(n)iscans. Подъ этими именами, говоритъ академикъ Куникъ, не трудно узнать, коль скоро мы отбросимъ слабое готское окончаніе им. п. мн. ч. *ans* (утонченное *ens*), теперешнихъ финскихъ мордвиновъ, вымершую, но безъ сомнѣнія очень близко стоявшую къ финскимъ черемисамъ мерю и, наконецъ, самихъ черемисовъ, которые сами себя называютъ *мари*, а у чувашей называются сармиссъ (слѣдуетъ: çармăс или çармăç, чит. *ćармы̆с*, *ćармы̆ć*). Что касается болгаръ и чувашъ, то о нихъ у Іорданиса, писавшаго около 550 г., еще нѣтъ и помину, такъ какъ эти племена тогда еще не появлялись въ мѣстахъ ихъ позднѣйшаго поселенія и пришли туда, по мнѣнію Куника, вѣроятно лишь тогда, когда

или авары подчинили себѣ болгарское племя или когда возраставшее могущество хазаръ стало грозить этому племени опасными осложненіями. Послѣднее событіе, продолжаетъ онъ, кажется, совершилось довольно поздно, въ VII столѣтіи.

Первыми извѣстіями о Волжской Болгаріи, которыя относятся къ началу X в., мы обязаны арабскому писателю Ибнъ-Фадлану, начинающему собою длинный рядъ арабскихъ историковъ и географовъ, писавшихъ между прочимъ и о болгарахъ. Изъ оставленныхъ ими по большей части отрывочныхъ замѣтокъ можно видѣть, что въ X столѣтіи болгары представляли изъ себя сильный народъ, жили осѣдло въ городахъ, имѣли развитыя торговыя сношенія съ окрестными странами, исповѣдывали исламъ и управлялись самодержавнымъ государемъ. Однако о племенномъ происхожденіи волжскихъ болгаръ тѣ же восточные писатели сообщаютъ намъ лишь весьма сбивчивыя извѣстія, и, какъ выражается нашъ оріенталистъ Григорьевъ, недостатокъ положительныхъ свѣдѣній открылъ здѣсь, какъ и вездѣ, обширное поприще для предположеній.

Греки обозначали Волжскую Болгарію именемъ „Черной“ (*Μαύρη Βουλγαρία*), а арабы называли ее внутреннею; кромѣ этихъ названій мы также встрѣчаемъ у позднѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ и другое. Плано Карпини, въ своемъ повѣствованіи, упоминаетъ о волжскихъ болгарахъ трижды, и всегда подъ двойнымъ именемъ—*Bileri* id est Magna Bulgaria („Билеры, т. е. Великая Болгарія“), а Рубруквисъ говоритъ: „Etilia est major fluvius, quam unquam viderim, et venit ab aquilone, de Majori Bulgaria tendens ad meridiem“.—„Я никогда не видалъ рѣки больше Этиліи; она течетъ съ сѣвера, направляясь отъ Великой Болгаріи въ полуденную сторону)“. Что касается названія Minor Bulgaria („Малая Болгарія“), то подъ этимъ наименованіемъ въ средніе вѣка понимали Болгарію на Дунаѣ. По извѣстіямъ, находимымъ у арабскихъ писателей, земля болгаръ лежала смежно съ землею буртасовъ, находившеюся между хазарскими и болгарскими владѣніями,

на разстояніи пятнадцати дней пути отъ первыхъ, и жили болгары на берегу рѣки Итиль, которая впадаетъ въ море Хазарское (Каспійское), протекая между землями хазарской и славянской. Согласно тѣмъ же извѣстіямъ, болгары дѣлились на три особыхъ отдѣла, изъ которыхъ одинъ назывался *Берсула* (برصولا), другой *Эсегель* (اسكل اسفل), а третій *Болгаръ*, причемъ всѣ они жили смежно, въ одной и той же мѣстности. [3]) Что между волжскими болгарами существовали какія-то подраздѣленія, объ этомъ свидѣтельствуютъ и русскія лѣтописи, упоминающія ихъ подъ различными наименованіями. Однако, такъ какъ всѣ эти названія, повидимому, служили для отличенія различныхъ частей одного и того же народа лишь по мѣстамъ, ими занимаемымъ, по именамъ нѣкоторыхъ рѣкъ и урочищъ, т. е. въ чисто географическомъ отношеніи, то позволительно думать, что племенныя отличія этихъ группъ могли быть весьма незначительными.

Въ различное время границы болгарской территоріи простирались отъ Уральскаго хребта до рѣкъ Суры и Оки, отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самары; но на всемъ этомъ пространствѣ наряду съ болгарами, вѣроятно, жили и другія народности, которыя частью живутъ въ этомъ краю и до сихъ поръ (Григ.).

Исторія волжскихъ болгаръ дошла до насъ лишь въ весьма неясныхъ чертахъ, такъ какъ эта знаменитая отрасль болгарскаго народа, кромѣ нѣсколькихъ надгробныхъ камней и небольшого числа монетъ [4]), не оставила послѣ себя никакихъ другихъ памятниковъ письменности. По извѣстіямъ, сообщаемымъ арабскими писателями, кади города Болгара Якубъ-Ибнъ-Нуманъ написалъ во второй половинѣ XII в. „Исторію Болгаріи,“ но это сочиненіе до нашего времени не сохранилось. Самыя раннія и наиболѣе важныя извѣстія о болгарахъ принадлежатъ арабскимъ писателямъ и путешественникамъ, изъ которыхъ нѣкоторые побывали въ землѣ волжскихъ болгаръ сами. Кромѣ того, важныя свѣдѣнія объ этомъ наро-

дѣ заключаются въ русскихъ лѣтописяхъ, а у также различныхъ историковъ, писавшихъ о завоеваніяхъ монголовъ.

Какъ намъ передаютъ арабскіе писатели, страна, которую занимали болгары, состояла изъ болотистыхъ мѣстностей и дремучихъ лѣсовъ, среди которыхъ и обиталъ этотъ народъ. Въ особенности изобиловало въ ихъ странѣ орѣховое дерево, которое тамъ образовывало цѣлые лѣса, простиравшіеся въ длину и ширину на десятки фарсанговъ. Ибнъ-Фадланъ также разсказываетъ намъ объ одномъ неизвѣстномъ ему деревѣ необыкновенной вышины, стволъ котораго былъ безъ листьевъ, вершина походила на вершину пальмы, а листья были тонки и собраны вмѣстѣ. Болгары приходили къ извѣстному имъ мѣсту въ стволѣ этого дерева, пробуравливали его и подставляли сосудъ, въ который текла изъ пробуравленнаго отверстія жидкость, вкусомъ превосходившая медъ. Если человѣкъ пилъ ея много, то пьянѣлъ, какъ отъ вина. „У нихъ, говоритъ онъ дальше, есть зеленыя, весьма кислыя яблоки; дѣвицы ѣдятъ ихъ и становятся жирными.“ „Змѣй, продолжаетъ Ибнъ-Фадланъ, я видѣлъ у нихъ множество, такъ что около вѣтви дерева обвивается ихъ десятокъ и больше; ихъ не убиваютъ и онѣ не причиняютъ имъ никакого вреда.“

Болгары были народомъ земледѣльческимъ и воздѣлывали всякаго рода зерновой хлѣбъ: пшеницу, ячмень, просо и другія хлѣбныя растенія; но въ особенности славились они своими торговыми сношеніями съ окружавшими ихъ народами. Черезъ болгарскія владѣнія шли всѣ товары изъ мусульманскихъ земель на сѣверъ Европы и обратно; Кама и Вятка служили для нихъ удобными путями для веденія торговыхъ сношеній съ различными финскими народностями, жившими на востокъ и на сѣверъ отъ ихъ страны, тогда какъ по Волгѣ они сносились съ племенами, занимавшими побережья Каспійскаго моря, а также съ западными и сѣверозападными областями Руси. Кромѣ того, между Болгаромъ, Ховарезмомъ и Хорасаномъ производилась постоянная торговля при посредствѣ каравановъ. Очень важныя свѣдѣнія о товарахъ, вывози-

мыхъ изъ Болгаріи сообщаются у Мукаддеси. Говоря о Хоарезмѣ (нынѣшней Хивѣ) онъ перечисляетъ слѣдующіе предметы торговли, вывозимые изъ этой страны и привозимые туда изъ Болгаріи: мѣха собольи, бѣличьи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, заячьи; козьи шкуры, воскъ, стрѣлы, крупную рыбу, шапки, бѣлужій клей, рыбьи зубы (т. е. мамонтовые или моржовые клыки), бобровую струю, янтарь, юфть, медъ, орѣхи лѣсные и грецкіе, мечи, кольчуги, березовый лѣсъ, невольниковъ изъ славянъ, овецъ и рогатый скотъ. Часть этихъ товаровъ привозилась въ Болгаръ изъ Руси, земли буртасовъ, веси и перми. Точно также намъ извѣстно изъ историческихъ источниковъ, что спросъ на мѣха нѣкоторыхъ звѣрей, которые уже не водились въ Волжской Болгаріи, заставлялъ предпріимчивыхъ болгаръ пускаться въ далекія путешествія, куда они отправлялись или на лодкахъ, водою, или сухимъ путемъ, даже на собакахъ. Арабамъ было извѣстно, что болгары вели на крайнемъ сѣверѣ нѣмую торговлю съ югрою, вымѣнивая у послѣдней мѣха на острые желѣзные товары. Такъ Абу-Хамидъ Аль-Андалуси сообщаетъ намъ о торговлѣ болгаръ простыми грубыми клинками, которые покупались ими въ мусульманскихъ владѣніяхъ и привозились къ сѣверному племени юра (югрѣ), платившему за нихъ купцамъ высокую цѣну. Объ употребленіи этихъ клинковъ югрою у арабовъ существовалъ баснословный разсказъ. По словамъ Абу-Хамида, они бросали одинъ изъ такихъ мечей въ море, и изъ моря выплывала большая рыба; за этого рыбою гналась другая, еще больше первой, которая попадала на мелкое мѣсто и не имѣла силъ съ него сдвинуться. Тогда югра въ лодкахъ подплывали къ этой рыбѣ и названными здѣсь клинками вырѣзывали изъ нея огромные куски мяса. Мясо это они съѣдали и часто наполняли имъ цѣлые дома. Если же они не бросали въ море подобнаго меча, то большая рыба не появлялась, и тогда у нихъ наступалъ голодъ. Объясненіе этого разсказа, по мнѣнію Хвольсона, заключается въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о мечахъ, а о гарпунахъ, ко-

торыми пользовалась югра при ловлѣ китовъ или ловлѣ рыбы вообще.

У другихъ арабскихъ писателей мы находимъ извѣстіе, что чужеземные купцы, посѣщавшіе Поволжье, доходили только до болгаръ, болгарскіе же купцы доходили и до югры, съ которою они имѣли торговыя сношенія.

О торговлѣ волжскихъ болгаръ съ Персіею и Индіею существуютъ извѣстія Идриси, Ибнъ-Эль-Варди, Абульфеды и др. писателей, а помимо того ея существованіе доказывается нѣкоторыми древними находками, сдѣланными въ разное время на территоріи болгарскаго царства.

Помимо упомянутыхъ нами выше кожаныхъ издѣлій, которыми славились болгары и которыя подъ именемъ *болгарскихъ* были извѣстныя по всему Востоку и даже въ западной Европѣ [5]), нѣкоторые предметы, находимые на территоріи ихъ древняго царства, даютъ намъ полное основаніе предполагать, что болгары дошли до большого совершенства также и въ искусствѣ обработки металловъ. Имъ были хорошо извѣстны плавка мѣди и ковка желѣза; изъ мѣди они выдѣлывали грубую домашнюю утварь, а изъ мѣдной и бронзовой проволоки приготовляли различныя необыкновенно тонкія вещи. Желѣзо болгарскихъ находокъ до того хорошо, что нынѣшніе кузнецы очень охотно употребляютъ его для различныхъ работъ. Надо замѣтить, что умѣніе добывать изъ земли металлы также не было чуждо болгарамъ, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Болгаріи сохранились и до нашего времени слѣды древнихъ рудниковъ.

Относительно состоянія умственной культуры у волжскихъ болгаръ могутъ свидѣтельствовать дошедшія до насъ имена нѣкоторыхъ болгарскихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ, какъ мы уже видѣли выше, написалъ болгарскую исторію, другому принадлежало самостоятельное сочиненіе по медицинѣ и комментаріи къ сочиненіямъ, написаннымъ другими восточными учеными. Кромѣ того, сохранилось извѣстіе объ астрономическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ однимъ болгарскимъ уче-

нымъ въ мѣстности, лежавшей на разстояніи около 700 верстъ къ сѣверу отъ г. Болгара. Къ сожалѣнію, болѣе подробныя свѣдѣнія о древней болгарской образованности до нашего времени не дошли.

Ахмедъ-Ибнъ-Фадланъ, пріѣзжавшій во главѣ посольства въ Болгарію при аббасидскомъ халифѣ Муктедирбиллахѣ (въ 922 г.), оставилъ намъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о странѣ и нравахъ болгаръ. Послы отправились изъ Багдада 21 іюня 921 г. по Р. Х. и, направляясь черезъ Ховарезмъ (Хиву), прибыли къ царю болгаръ почти черезъ годъ послѣ выѣзда, 11 мая слѣдующаго года.

Путешествіе ихъ отъ Ургенджа, столицы Ховарезма, до земли болгаръ продолжалось семьдесятъ дней, что составляетъ около 2500 верстъ. Болгары встрѣтили пословъ халифа съ большимъ почетомъ; когда послѣдніе находились отъ мѣстопребыванія болгарскаго царя на разстояніи двадцати четырехъ часовъ пути, то онъ выслалъ для ихъ встрѣчи четырехъ подчиненныхъ ему царей, а также своихъ дѣтей и братьевъ, которые встрѣтили приближавшихся путешественниковъ съ хлѣбомъ, мясомъ и просомъ и затѣмъ примкнули къ ихъ отряду. Самъ царь встрѣтилъ гостей на разстояніи двухъ фарсанговъ отъ своего жилища и предложилъ имъ обѣдъ въ своей палаткѣ, во время котораго собственноручно раздавалъ присутствовавшимъ разрѣзанное на куски мясо. „Таковъ у нихъ обычай, говоритъ Ибнъ-Фадланъ, что никто не дотрогивается до кушанья, пока не подастъ ему самъ царь; а когда царь подастъ, то ему приносятъ особый столъ. Такимъ образомъ принесли каждому изъ сидѣвшихъ передъ нимъ столъ, и каждый изъ насъ ѣлъ особо, на своемъ столѣ... Когда окончили ѣду, каждый изъ насъ унесъ оставшееся на его столѣ домой. Послѣ этого онъ велѣлъ принести напитокъ изъ меда, называемый у нихъ سجو (*сиджу*), который стали пить и онъ и мы.“ На торжественномъ пріемѣ, сдѣланномъ гостямъ, рядомъ съ царемъ сидѣла также и его супруга.

Тотъ же самый писатель разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ странѣ болгарскаго царя столько чудесъ, что ихъ и не

перечесть. „Одно изъ нихъ то, говоритъ онъ, что въ первую ночь, которую мы провели въ его странѣ, увидѣлъ я около часа передъ заходомъ солнца, что небесный горизонтъ сталъ весьма красенъ, а въ воздухѣ услышалъ громкіе голоса и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и вотъ: облако, красное, какъ огонь, находилось близъ меня; изъ него то и исходили шумъ и голоса, въ немъ видны были какъ бы люди и кони, а въ рукахъ этихъ фигуръ были луки, копья и мечи; я различалъ и представлялъ ихъ себѣ. И вотъ, показалось другое подобное облако, въ которомъ я также видѣлъ людей съ оружіемъ и копьями, и оно устремилось на первое, подобно тому, какъ одинъ полкъ конницы нападаетъ на другой. Мы были этимъ испуганы и стали съ покорностью молиться Богу, а жители страны издѣвались надъ нами и удивлялись нашему поведенію.

Мы смотрѣли все, какъ одно облако неслось на другое; они то смѣшивались оба на нѣкоторое время, то снова раздѣлялись, что продолжалось до часа ночи; затѣмъ они исчезли. Мы спрашивали объ этомъ царя, и онъ намъ объяснилъ, что его предки разсказывали, будто это поклонники дьяволовъ и отвергающіе ихъ, которые сражаются каждый вечеръ и никогда не прекращаютъ своей борьбы.“ Вмѣстѣ съ этимъ явленіемъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ сѣверное сіяніе, Ибнъ-Фадлана поразила краткость лѣтней ночи въ Болгаріи: ночь была тамъ столь непродолжительна, что, по словамъ царскаго портного, бесѣдовавшаго съ Ибнъ-Фадланомъ, когда ставили на огонь горшокъ во время вечерней молитвы, то не успѣвалъ онъ свариться, какъ уже наступало время молитвы утренней.

Особые обычаи, встрѣченные путешественникомъ въ Волжской Болгаріи, также поразили его и запечатлѣлись въ его памяти. Встрѣчаясь съ царемъ, болгаринъ снималъ съ себя шапку и клалъ ее подъ-мышку; мужчины и женщины ходили на рѣку и купались вмѣстѣ, голыми, ничѣмъ не закрываясь одни отъ другихъ. Однако при этомъ они никогда не позволяли себѣ предосудительныхъ поступковъ, такъ какъ неосторож-

ные прелюбодѣи навлекали на себя жестокое возмездіе. Если же случалось, что кто-нибудь бывалъ уличенъ въ подобномъ преступленіи, кто бы только онъ ни былъ, то болгары вбивали въ землю четыре кола, привязывали его къ нимъ по рукамъ и по ногамъ и разсѣкали его сѣкирой, начиная отъ шеи и до самыхъ бедръ. Тому же самому наказанію подвергались и виновныя женщины, а затѣмъ разсѣченныя на части тѣла преступниковъ вѣшались на дерево. Совершенно такимъ же образомъ поступали у нихъ и съ ворами. У другого арабскаго писателя, Ахмеда Туси, встрѣчается извѣстіе, что если кто-либо изъ нихъ убивалъ другого, то убійцу запирали въ деревянный сундукъ, который потомъ вѣшали на высокомъ столбѣ, оставляя несчастнаго преступника умереть тамъ отъ стужи или отъ солнечнаго зноя. Между прочимъ, мы обязаны Ибнъ-Фадлану слѣдующимъ страннымъ извѣстіемъ: если встрѣчали человѣка подвижнаго и свѣдущаго въ дѣлахъ, то болгары говорили: этому человѣку приличествуетъ служить Богу; поэтому они брали его, надѣвали ему на шею петлю и вѣшали его на дерево, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока не распадался на части. Существуетъ довольно основательное предположеніе, что здѣсь идетъ рѣчь не о комъ другомъ, какъ о колдунахъ или о знахаряхъ. Такое объясненіе можетъ быть подкрѣплено показаніемъ одного араба, Абу-Хамида Андалуси, лично посѣтившаго болгаръ въ XII в. Относительно обращенія послѣднихъ съ колдуньями онъ разсказываетъ весьма любопытную вещь. „Каждыя двадцать лѣтъ—передаетъ этотъ писатель—старухи въ этой странѣ заподазриваются въ колдовствѣ. Это производитъ сильное волненіе въ народѣ. Тогда собираютъ старухъ и, связавъ имъ руки и ноги, кидаютъ ихъ въ протекающую тамъ большую рѣку. Ту, которая выплыветъ, считаютъ колдуньею и сожигаютъ, ту же, которая станетъ тонуть, объявляютъ невинною и освобождаютъ [в])“.

По словамъ того же Ибнъ-Фадлана, въ болгарской землѣ весьма нерѣдко бывали грозы; когда молнія ударяла въ чей-нибудь домъ, то послѣ того болгары боялись приближаться

къ подобному жилищу и оставляли его необитаемымъ, пока его не уничтожало время, такъ какъ они были увѣрены, что на мѣстѣ, пораженномъ молніею, почіетъ гнѣвъ Божій. Аналогичныя суевѣрныя воззрѣнія на ударъ молніи Френъ указываетъ и у другихъ народовъ, именно у вотяковъ и у калмыковъ.

Верховная власть въ Волжской Болгаріи принадлежала царю, подъ властью котораго находилось нѣсколько подчиненныхъ ему мелкихъ царьковъ; повидимому было также и высшее сословіе, нѣчто въ родѣ знати, которое Троицкая лѣтопись называетъ въ одномъ мѣстѣ словомъ трунове. Не знаю, есть ли возможность объяснить это слово изъ восточныхъ языковъ, но замѣчу только, что это наименованіе, если мы отбросимъ славянское окончаніе им. п. мн. ч. ове, напоминаетъ собою названія нѣсколькихъ селъ и деревень, расположенныхъ въ уѣздахъ Козмодемьянскомъ, Буинскомъ и Царевококшайскомъ. Въ первыхъ двухъ уѣздахъ мы находимъ чувашскія селенія подъ именемъ Трунново, называющіяся по-чувашски *Тăрăн* (*Тӑрӑн*), а въ послѣднемъ есть дер. Трунова, около которой видна какая-то насыпь, слывущая въ народѣ подъ названіемъ кургана [7]). Какъ извѣстно, слова, обозначающія званіе и должности, вообще нерѣдко являются также и въ наименованіяхъ населенныхъ мѣстъ. Это доказывается, напримѣръ, словомъ Тарханъ, подъ которымъ извѣстно нѣсколько десятковъ селеній, находящихся въ различныхъ поволжскихъ губерніяхъ. Названія деревень въ формѣ *Турхан*, *Торхан* (*Турһан*, *Торһан*), встрѣчаются также и въ разныхъ мѣстахъ чувашскаго края; кромѣ того, тѣмъ же самымъ словомъ у чувашъ с. Тюрлемы Чебокс. у. обозначаются лица, нѣкогда получившія жалованныя земли, а у другихъ чувашъ оно употребляется въ значеніи личнаго языческаго имени и фамильнаго прозвища.

Доходы болгарскаго царя состояли изъ податей, собираемыхъ съ народа. Какъ разсказываетъ Ибнъ-Фадланъ, каждый, кто занимался земледѣліемъ, бралъ все собираемое съ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
530472

поля себѣ, царь же не получалъ изъ хлѣбныхъ продуктовъ ничего; ему давали только по бычачьей шкурѣ съ каждаго дома; а когда, по его приказанію, отрядъ войска отправлялся въ набѣгъ на ту или другую страну, то и онъ получалъ на свою долю извѣстную часть добычи. По словамъ другого арабскаго писателя, Ибнъ-Даста, подать своему царю болгары платили лошадьми и другими вещами. Съ каждаго мужчины, вступавшаго въ бракъ, царь взималъ въ свою пользу по верховой лошади, а когда въ Болгарію приходили мусульманскія купеческія суда, то владѣльцы ихъ были обязаны платить за право торговли опредѣленную пошлину, десятую часть своихъ товаровъ.

Пищу болгаръ, по Ибнъ-Фадлану, составляли просо и конина, хотя въ ихъ странѣ также родилось очень много пшеницы и ячменя; у нихъ не было другого масла, кромѣ рыбьяго жира, и онъ замѣнялъ для нихъ оливковое и кунжутное масло, вообще употребительныя на востокѣ.

Объ остаткахъ кочевой жизни, замѣчающихся въ бытѣ волжскихъ болгаръ, мы находимъ любопытное извѣстіе у Эль-Балхи († между 935—951), который сообщаетъ о жителяхъ болгарскихъ городовъ Болгара и Сувара, что они, въ лѣтнее время, покидали свои зимнія жилища и расходились изъ городовъ по войлочнымъ юртамъ. Нѣчто подобное говоритъ намъ Ибнъ-Даста также о хазарахъ, которые съ наступленіемъ весны выходили изъ городовъ въ степь, гдѣ и оставались до приближенія зимы.

Въ странѣ, которую занимали волжскіе болгары, было нѣсколько городовъ; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ дошли и до насъ въ тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ черпаются матеріалы для болгарской исторіи. Столицею болгарскаго царства былъ городъ, извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Великаго Города;* относительно мѣстонахожденія его существуютъ различныя мнѣнія; одни отождествляютъ его съ городомъ Болгаромъ, развалины котораго можно видѣть и до сего времени около села Успенскаго-Болгаръ, въ Спас. у.

Казан. губ.; другіе (Шпилевскій) считаютъ Великимъ Городомъ другой болгарскій городъ, Буляръ, на развалинахъ котораго, при рѣчкѣ Биляркѣ, притокѣ Черемшана, построенъ нынѣшній пригородъ Чист. у. Казан. губ. Билярскъ. Арабскій географъ Абульфеда говоритъ о городѣ Болгарѣ подъ статьею „Биляръ“ и думаетъ, что оба эти названія относятся къ одному и тому же городу. По свидѣтельству Андалуси, *Биляръ*, вмѣсто *Болгаръ*, было извѣстно уже въ началѣ XII вѣка, и имя это считалось тогда за первоначальное и туземное. Болгарскій историкъ Якубъ-бенъ-Нуманъ говорилъ навѣщавшему его Андалуси, что названіе *Биляръ* ихъ городъ получилъ отъ нѣкоего Биляра, который ввелъ у нихъ мусульманство, и что это первопачальное имя впослѣдствіи было арабизировано и превращено въ *Болгаръ*. Но это, какъ справедливо замѣтилъ Хвольсонъ, безъ сомнѣнія невѣрно: въ дѣйствительности было два различныхъ города, наименованія которыхъ, благодаря значительному звуковому сходству, подали естественный поводъ къ ихъ смѣшенію. Въ китайскихъ источникахъ страна или столица болгаръ упоминается подъ именемъ *Buliarh*, и то же самое имя слѣдуетъ читать и на одной китайской географической картѣ, относящейся къ первой половинѣ XIV вѣка [8]). Плано Карпини зналъ Болгарію подъ тѣмъ и другимъ наименованіемъ (см. выше), а въ Венгріи, какъ мы увидимъ далѣе, выходцы изъ Волжской Болгаріи были извѣстны подъ именемъ *bileres*. Приведенное выше мнѣніе г. Шпилевскаго, что подъ Великимъ Городомъ нашихъ лѣтописей слѣдуетъ разумѣть именно Буляръ, находитъ себѣ непосредственное подтвержденіе въ словахъ Мукаддеси, которыхъ не могъ объяснить Хвольсонъ и объясненія которыхъ я не нашелъ и у г. Шпилевскаго. Извѣстіе Мукаддеси, что Болгаръ лежитъ у рѣки Итиль и находится ближе къ морю, чѣмъ столица, повидимому, указываетъ совершенно опредѣленно, что здѣсь говорится не о другой какой-либо столицѣ, а именно о столицѣ болгарской, которою былъ г. Буляръ, дѣйствительно болѣе удаленный отъ Каспійскаго моря, нежели городъ Болгаръ.

Развалины древней столицы Волжской Болгаріи лежатъ около нынѣшняго пригорода Чистоп. у. Казан. губ. Билярска; здѣсь, на вершинѣ горы, по словамъ татарскаго историка половины XVI в. Хусамъ-эдъ-Дина Болгарскаго, находятся могилы трехъ великихъ шейховъ; одинъ изъ нихъ—Ходжа Асгаръ, иначе Маалюмъ-Ходжа; другой—Абдулла-Ходжа-Чубаръ, извѣстный подъ именемъ Абдуллы; третій—Шейхъ-Мухаммедъ. Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ изъ одной татарской челобитной 1677 г. имя перваго изъ этихъ шейховъ читается *Балынъ-Гозя*, и о немъ въ ней сочинена басня, называющая его царемъ бусурманскаго Булымерскаго города за Камой-рѣкой. Имя этого шейха, повидимому, должно было пользоваться весьма громкою славою, въ этомъ мы убѣждаемся, напримѣръ, изъ того обстоятельства, что у чувашъ, обитающихъ въ различныхъ мѣстностяхъ, онъ сдѣлался предметомъ почитанія, обратившись въ какое-то божество. Такъ извѣстно, что чуваши деревни Масловки Чебокс. у. обожали его подъ именемъ Мелĕм-Хуçа (*мэл́ӗм-ħуз́а*), а въ Курмышскомъ уѣздѣ Симб. губерніи тотъ же святой носитъ имя Валĕм-Хуçа (*Вал́ӗм-(ħуз́а)*, и тамъ въ честь его совершается особое моленіе, во время одного обряда, называемаго по-чувашски „тайăн сăра“ (*тајы̆н зы̆ра*, т. е. малое пиво). Въ одной изъ имѣющихся у меня чувашскихъ рукописей, среди именъ различныхъ божествъ, упоминаемыхъ во время моленій и записанныхъ въ с. Сунчелеевѣ Старо-Мокшинской вол. Чистоп. уѣзда, значится наряду съ именемъ самого Валĕм-Хуçа также и имя его матери (Валĕм-Хуçа амăшĕ), при чемъ въ сноскѣ подъ страницею сдѣлано объясненіе: Валĕм-Хуçа—Пӳлерти таса çăл, т. е. *Валĕм-Хуçа—чистый* (или *святой*) *источникъ билярскій* [a]). Такое превратное объясненіе имени шейха, разумѣется, доказываетъ только одно, что нынѣшніе чуваши уже забыли его подлинное значеніе; что же касается самаго культа Маалюмъ-Ходжи, слѣды котораго мы находимъ у чувашъ, то подобный культъ вѣроятно имѣетъ за собою весьма глубокую давность, такъ какъ Маалюмъ-Ходжа извѣстенъ даже чувашамъ тѣхъ мѣст-

a) См. Шпилев., 62.3.

ностей, гдѣ не знаютъ и о самомъ существованіи Билярска. То же самое божество „Мелĕм-Хуçа“ и мать его, „Мелĕм-Хуçа амăшĕ“ упоминается въ доставленномъ мнѣ спискѣ языческихъ боговъ, которые были призываемы во время тăхăр йал ҕӳкĕ (*тӹhӹр јал ҫӳ̆ᵢӘ*), т. е. *моленія девяти деревень*, совершеннаго около с. Бурундукъ Буин. у. Симб. губ. въ августѣ 1901 г. На этомъ моленіи какъ самому Мелĕм-Хуçа, такъ и его матери было принесено въ жертву по гусю. Чуваши с. Н. Кармаловъ Белеб. у. Уфим. губ., переселенцы изъ Казан. губ., молятся тому же божеству подъ именемъ Ваҕăм-Хуçа (*Вал́ӹм-hуз́а*).

Казанскіе татары знаютъ этого болгарскаго шейха подъ именами خواجه بالم (хуџа Балäм) или بالم آتا (Балäм ата), т. е. отецъ Балямъ (Ахмаровъ, Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г. на юго-востокъ Каз. губ. съ археол. цѣлью).

Недалеко отъ г. Болгара, какъ сообщаетъ арабскій писатель Эль-Балхи, лежалъ другой болгарскій городъ, Суваръ, гдѣ, такъ же, какъ и въ первомъ, находилась главная мечеть. Дома тамъ были деревянные и служили зимними жилищами; лѣтомъ же жители расходились изъ города по войлочнымъ юртамъ. Мусульманскій проповѣдникъ Болгаръ говорилъ этому автору, что число жителей обоихъ названныхъ городовъ простиралось до 10000 человѣкъ. Кромѣ Болгара и Сувара одна персидская рукопись называетъ третій большой городъ въ Болгаріи—Асбаль или Эсбель. У персидскаго писателя XII ст. Ахмеда Туси приводятся названія еще нѣсколькихъ другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ странѣ болгаръ, а именно: Бассовъ, Марха, Арнасъ и еще одно имя, которое трудно прочесть. По поводу этихъ именъ можно сдѣлать нѣкоторыя сближенія, сравнивая, напримѣръ, названіе *Марха* съ именемъ одной чувашской деревни Козм. у., Сятра-Касовъ, которая извѣстна у чувашъ подъ наименованіемъ Çатра-Марка (*С'атра-Марга*), а названіе Арнасъ съ именемъ Арняшъ, названіемъ деревни Мамад. уѣзда Казан. губ. Этимъ сравненіемъ я, разумѣется, не хочу сказать того, чтобы подъ названными

инородческими селеніями я прямо разумѣлъ древніе болгарскіе города,—я только считаю возможнымъ найти тождество названій у тѣхъ и другихъ, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что одно и то же наименованіе нерѣдко служитъ къ обозначенію цѣлаго ряда селеній.

Помимо „Великаго Города“, въ которомъ, какъ было замѣчено выше, слѣдуетъ видѣть Буляръ, русскія лѣтописи упоминаютъ о городахъ Бряхимовѣ, прозванномъ славнымъ, о Керменчукѣ и Тухчинѣ, мѣстоположеніе котораго остается неизвѣстнымъ, и объ Ошелѣ, слѣды котораго Георги указываетъ близъ с. Кирельскаго, при устьѣ р. Кирелки.

Мукаддеси упоминаетъ еще объ одномъ городѣ въ странѣ болгаръ, имени котораго въ рукописи Хвольсонъ разобрать не могъ. По словамъ Мукаддеси, этотъ городъ лежалъ на одномъ берегу рѣки и былъ больше обоихъ упомянутыхъ выше городовъ, Болгара и Сувара. Жители, продолжаетъ онъ, которые сперва были евреями и потомъ сдѣлались мусульманами, когда то уходили къ берегу моря, но теперь возвратились въ городъ.,, Какъ ни темно это послѣднее извѣстіе, говоритъ Хвольсонъ, тѣмъ не менѣе оно все-таки любопытно; во-первыхъ, потому, что мы видимъ изъ него, какъ далеко на сѣверъ распространилась еврейская религія, вѣроятно изъ Хазаріи, а во-вторыхъ, потому, что узнаемъ отсюда о томъ, какъ болгары когда-то удалялись къ берегу моря и во время Мукаддеси возвратились на прежнія свои жилища. Это переселеніе легко можно сопоставить съ набѣгомъ руссовъ въ 968 г. и принять за послѣдствія набѣга.“ Этимъ же страшнымъ набѣгомъ руссовъ при Святославѣ Хвольсонъ объясняетъ переселеніе мусульманскихъ приволжскихъ болгаръ въ Венгрію около 970 г. Тамъ имъ были отведены мѣста для поселенія на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ они и основали городъ Пештъ. Эти переселившіеся изъ Болгаріи мусульмане назывались въ Венгріи *билерами* (bileres), т. е. болгарами и исмаилитами (Hismahelitae de terra Bular), т. е. мусульманами; впослѣдствіи они играли въ Венгріи важную роль въ

качествѣ откупщиковъ и управляющихъ финансами; несмотря на всевозможныя гоненія и притѣсненія, слѣды существованія ихъ доходятъ до половины XIV в.

Пріѣздъ арабскихъ пословъ Халифа Муктедира въ 922 г. есть первое событіе въ исторіи волжскихъ болгаръ, о которомъ мы имѣемъ достовѣрныя извѣстія. Это посольство было отвѣтомъ на письмо болгарскаго царя Алмаса, въ которомъ онъ просилъ халифа прислать ему такого человѣка, который могъ бы обучить его вѣрѣ, наставить его въ законахъ ислама, построить ему мечеть и поставить ему каѳедру (минбаръ) для того, чтобы онъ имѣлъ возможность призывать свой народъ къ богопочитанію „по всей своей странѣ и во всѣхъ областяхъ своего государства“. Однако, какъ мы видимъ изъ описанія посольства, ученіе Пророка проникло къ болгарамъ еще раньше этого времени, и слѣдовательно письмо Алмаса было только выраженіемъ его естественнаго стремленія усвоить себѣ болѣе основательно правила новой религіи и упрочить ея распространеніе среди своихъ подданныхъ.

О принятіи болгарами ислама мусульманскіе писатели передаютъ много чудеснаго. Какъ намъ извѣстно изъ исторіи, подобные совершенно невѣроятные разсказы сопровождаютъ неизмѣнно всѣ древнія повѣствованія, относящіяся къ принятію младенчествующими народами новаго, болѣе опредѣленнаго религіознаго ученія. Сдѣлавшись адептами новой религіи, волжскіе болгары заявили себя весьма ревностными мусульманами. Такъ, согласно разсказу русской лѣтописи, передъ самымъ монгольскимъ нашествіемъ, они безчеловѣчно умертвили одного купца-христіанина, пріѣхавшаго по торговымъ дѣламъ въ ихъ городъ и не желавшаго отречься отъ своей вѣры. Изъ словъ нѣкоторыхъ восточныхъ писателей также можно видѣть, что болгарскіе паломники ходили и въ Мекку, для совершенія необходимаго у мусульманъ хаджа. Однако при значительномъ раздробленіи народа по областямъ и удѣламъ, религія болгаръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ восточныя извѣстія, не могла быть общею, и въ то время, какъ большая

часть ихъ исповѣдывала исламъ и имѣла въ своихъ селеніяхъ мечети и школы, съ мюэззинами и имамами, другіе изъ нихъ пребывали въ прежнемъ язычествѣ, сохраняя обычаи своихъ предковъ. По своему характеру, болгары не были народомъ воинственнымъ, какъ это нѣкоторые предполагаютъ, имѣя въ виду ихъ войны съ буртасами и хазарами, земли которыхъ лежали смежно съ болгарскою, а также ихъ враждебныя отношенія къ русскимъ, съ которыми они вели почти безпрерывную борьбу. Скорѣе можно думать, что они были миролюбивымъ и кроткимъ народомъ, и только невозможность спокойной жизни съ ихъ воинственными сосѣдями заставляла ихъ нерѣдко покидать свои мирныя занятія и поднимать оружіе въ свою защиту. Если они и старались иногда занять тотъ или другой чужой городъ, то это дѣлалось ими не въ цѣляхъ грабежа или грубой наживы, а лишь изъ одного желанія пріобрѣсть выгодный торговый пунктъ, въ видахъ расширенія торговой дѣятельности. Но и въ этомъ случаѣ способы, къ которымъ они прибѣгали для пріобрѣтенія новыхъ владѣній, были не насиліе, огонь и мечъ, а пріемы болѣе мирнаго свойства, основанные на уговорахъ и взаимныхъ соглашеніяхъ [a]).

Историческія свѣдѣнія о волжскихъ болгарахъ, заключающіяся въ русскихъ лѣтописяхъ, касаются, главнымъ образомъ, слѣдующихъ событій:

1. *Походъ Кія*, основателя г. Кіева, который будто-бы „таже на волжскія и камскія болгары ходивъ и побѣди“, значится только въ Никоновской лѣтописи, и потому, какъ замѣчаетъ г. Шпилевскій, весьма недостовѣренъ.

2. *Походъ руси* и разореніе ею г. Болгара въ 968 или 969 г., передаваемый Ибнъ-Хаукалемъ, не находитъ себѣ прямого подтвержденія въ русскихъ лѣтописяхъ и поэтому оставляетъ мѣсто для сомнѣнія.

3. *Походы Владимира*. Подъ 985 г. въ лѣтописяхъ упоминается о побѣдоносномъ походѣ на болгаръ Владимира Святого. Однако только одна Никон. лѣтопись указываетъ, противъ какихъ именно болгаръ былъ совершенъ этотъ по-

a) Лихачевъ, 3.

ходъ, и называетъ болгаръ низовскими. Новѣйшіе историки разумѣютъ здѣсь болгаръ камскихъ, тогда какъ по мнѣнію Татищева названный походъ относится къ болгарамъ дунайскимъ.

„Иде Володимиръ на болгары съ Добрынею уемъ своимъ въ лодьяхъ, а торкы берегомъ приведе на конѣхъ, и тако побѣди болгары. И рече Добрыня Володимиру: „Съглядахъ колодникъ, и суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не платити, пойдевѣ искать лапотникъ“ И сътвори миръ Володимиръ съ болгары, и ротѣ заходиша собою, и рѣша болгаре: „Тали не буди мира межи нами, оли же камень начнеть плавати, а хмель грязнути“.

Въ Никон. лѣтописи также говорится о походѣ Владимира на болгаръ (неизвѣстно, какихъ) въ 994 г., а въ 997 г., по словамъ той же лѣтописи, „ходи Володимеръ на булгары волоѫскія и камскіе, и одолѣвъ плѣни ихъ“. Другія лѣтописи объ этомъ походѣ молчатъ.

4. *Посольство волжско-камскихъ болгаръ къ Владимиру съ предложеніемъ принять ихъ вѣру.*

„Придоша болгаре вѣры бохъмичи, глаголюще: „Яко ты князь еси мудръ и смысленъ, и не вѣси закона; да вѣруй въ законъ нашь и поклонися Бохъмиту“. Рече Володимиръ: „Кака есть вѣра вапа?“ Они же рѣша: „Вѣруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды таѩныя, а свинины не ѣсти, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творити блудную; дасть Бохъмить комуждо по семьдесятъ женъ красъныхъ, и избереть едину красну и всѣхъ красоту възложить на едину, и та будетъ ему жена; здѣ же, рече, достоить блудъ творити всякый; на семъ же свѣтѣ аще будетъ кто убогъ, то и тамо; аще ли богатъ есть здѣ, то и тамо“; и ина многа лесть, ея же нелзѣ писати срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любяше жены и блуженіе многое, и послушаше сладько; но се бѣ ему не любо, обрѣзаніе удовъ, и о яденьи свиныхъ мясъ, а о питьи отинюдь; рекъ: Руси веселье пити, не можемъ безъ того быти“. (Ипат. лѣт.)

5. *Торговыя сношенія.* У Татищева подъ 1006 г. сказано о торговомъ договорѣ, заключенномъ волжскими болгарами съ Владимиромъ, а подъ 1024 г. первоначальная лѣтопись свидѣтельствуетъ о торговыхъ сношеніяхъ между болгарами и суздальцами.

„И мятежь великъ и голодъ во всей странѣ той (Суздальской) бысть идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша“ (Ипат. лѣт.).

6. *Взятіе болгарами г. Мурома.* Какъ свидѣтельствуетъ Ипат. лѣтопись, подъ 1088 г.,—„взяша болгаре Муромъ“.

Взятіе этого города, по словамъ Татищева, было отмщеніемъ за ограбленіе и убійство многихъ болгарскихъ купцовъ разбойниками, свирѣпствовавшими въ тѣ времена на рр. Волгѣ и Окѣ.

7. *Осада болгарами Суздаля.* Въ 1107 г. болгары пришли ратью, обступили г. Суздаль и умертвили много народа по селамъ и погостамъ; однако люди, сидѣвшіе въ городѣ, сдѣлали вылазку, и болгары были перебиты.

8. *Половецкіе князья, отравленные болгарами.* Въ нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописяхъ, подъ 1117 г., сказано: „Придоша половци къ болгаромъ, и выслa самъ князь болъгарскый пити съ отравою, и пивъ Аепакъ и прочіи князи вси помроша“.

9. *Поселеніе болгаръ въ Суздальской землѣ.* Когда Юрій строилъ въ Суздальской области новые города и созывалъ туда отовсюду людей, то въ числѣ новыхъ поселенцевъ были также и болгары (Татищевъ). Болгары же приходили въ Суздальскій край и въ качествѣ мастеровъ, даже для постройки христіанскихъ церквей. По извѣстіямъ Твер. лѣтописи, супруга кн. Андрея Боголюбскаго была родомъ болгарка.

10. *Подвозъ хлѣба отъ болгаръ въ 1229 г.* Въ этомъ году, какъ говорятъ лѣтописи, по всей русской землѣ была дороговизна хлѣба и голодъ. Татищевъ къ этому прибавляетъ:

„Болгары возили жита по Волгѣ и Окѣ во всѣ грады русскіе, и продавали, и тѣмъ великую помочь сдѣлали. Князь же болгарскій прислалъ въ даръ къ вел. кн. Юрію 30 насадовъ съ житами, которые кн. вел. принялъ съ благодареніемъ, а къ нему послалъ сукна, парчи съ золотомъ и серебромъ, кости рыбьи и другія изящныя вещи“.

11. *Походъ 1120 г.* Въ лѣтописяхъ о немъ упоминается кратко: „Георгій (Юрій Долгорукій) ходи на болгары, и взя полонъ многъ, и полкъ ихъ побѣди“.

12. *Походъ Андрея Боголюбскаго въ 1164 г.* Въ этотъ походъ болгары были разбиты и князь ихъ бѣжалъ; русскіе взяли г. Бряхимовъ и сожгли нѣсколько другихъ городовъ. Въ память этого событія было установлено празднество, совершаемое понынѣ 1 авг.

13. *Походъ 1172 г.* Въ этомъ году тотъ же князь посылалъ на болгаръ своего сына Мстислава, который однако едва успѣлъ спастись самъ.

14. *Походъ 1184 г.* Этотъ походъ былъ вызванъ вторженіемъ болгаръ въ земли муромскія и рязанскія, гдѣ они „учинили великое разореніе“. Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ предпринялъ на нихъ походъ. Къ нему присоединились различные русскіе князья и половцы. Вмѣстѣ съ ними русскіе обложили осадою Великій Городъ въ землѣ серебряныхъ болгаръ, но племянникъ великаго князя, Изяславъ, былъ смертельно раненъ на приступѣ, и это заставило Всеволода отказаться отъ дальнѣйшей осады. Заключивъ съ болгарами выгодный миръ, великій князь возвратился въ г. Владимиръ.

15. *Походы 1186 и 1205 г.г.* Оба этихъ похода на болгаръ были снаряжаемы вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ.

16. *Въ 1218 г. болгары взяли Устюгъ.* По этому поводу Юрій Всеволодовичъ послалъ на болгаръ съ войскомъ своего брата Святослава, который сжегъ городъ ихъ Оше́ль (1220 г.). Послѣ этого событія между русскими и болгарами былъ заключенъ миръ.

17. *Христіанскій мученикъ въ Болгаріи.* Въ 1229 г., какъ намъ говоритъ Лавр. лѣтопись, въ Великомъ Городѣ принялъ мученическую кончину одинъ богатый христіанинъ, посѣщавшій разные города по торговымъ дѣламъ. Въ слѣдующемъ 1230 г. мощи этого мученика, названнаго въ лѣтописяхъ Авраамiемъ, были перенесены въ г. Владимиръ. Изъ лѣтописи также видно, что въ Великомъ Городѣ въ это время жили русь-христіане и что тамъ было христіанское кладбище.

18. *Завоеваніе Болгаріи татарами.* Это завоеваніе, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, относится къ 1236 г.

„Придоша отъ восточныѣ страны во Болгарьскую землю безбожнии татаре и взяша славный Великый городъ болгарьскый, и избиша оружьемъ отъ старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множство, а городъ ихъ пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша“.

19. *Болгары и Орда.* Въ житіи кн. Ѳеодора Ростиславича, Смоленскаго и Ярославскаго чудотворца, помѣщенномъ въ „Минеяхъ Четіихъ“ Макарія, сказано, что послѣ нашествія Батыева „начаша ходити русстіи князи и болгаре въ Орду, ко царю отчинъ своихъ просити у царя на столованіа своа“. Это извѣстіе, говоритъ г. Шпилевскій, свидѣтель-

ствуетъ о томъ, что, подобно русскимъ князьямъ, и владѣтели болгарскіе получали изъ Орды ярлыки на княженіе.

20. *Мученикъ Θеодоръ*. Подъ 1323 г. въ русскихъ лѣтописяхъ помѣщено извѣстіе о мученической смерти христіанина Θеодора, замученнаго болгарами за православную вѣру.

21. *Завоеваніе болгаръ Булактемиромъ*. Въ 1361 г., когда въ ордѣ свирѣпствовали внутренніе раздоры, по извѣстіямъ лѣтописей, „Булактемирь (Пуладъ-Тимуръ), князь ордынскій, болгары взялъ, и всѣ городы по Волзѣ и улусы, и отня весь Волъжескій путь“. Въ 1367 г. этотъ князь, какъ передаютъ лѣтописи, предпринялъ походы на Нижегородское княжество, но былъ принужденъ бѣжать и былъ убитъ въ Ордѣ.

22. *Набѣги ушкуйниковъ*. Набѣги эти повторялись неоднократно; въ одинъ изъ подобныхъ набѣговъ „разбойники“ изъ Великаго Новгорода взяли болгарскій городъ Жукотинъ (1359 г.). Таковые же набѣги ушкуйниковъ лѣтописи упоминаютъ подъ 1366, 1369, 1370, 1374, 1391 и 1409 г.г. Въ одинъ изъ послѣднихъ походовъ (1374 г.) ими былъ взятъ и г. Болгаръ.

23. *Походы русскихъ на болгаръ въ 1370 и 1376 г.г.* Слѣдствіемъ перваго похода было сверженіе князя болгарскаго Асана и возведеніе на его мѣсто „Салтана Бакова сына“ (Воскр. лѣт.); во время второго похода болгарскіе князья отдѣлались выкупомъ, въ размѣрѣ 5000 руб.; однако русскіе причинили имъ при этомъ немало зла: „суды ихъ и села и зимницы пожгоша, а людей изсѣкоша“.

24. *„Бой на Лысковѣ“ въ 1411 г.* Въ этомъ бою, представляющемъ продолженіе борьбы между Москвою и Суздалемъ, участвовали князья болгарскіе и жукотинскіе, которые, какъ и раньше, стояли на сторонѣ суздальскихъ князей, противъ Москвы.

25. *Походъ болгарскихъ татаръ къ Галичу и Костромѣ въ 1429 г.* Говоря объ этомъ неудачномъ для татаръ походѣ,

Воскр. Лѣтопись упоминаетъ рядомъ „татаръ и бесерменъ“; по этому поводу г. Шпилевскій высказываетъ соображеніе, что, можетъ быть, въ этомъ мѣстѣ лѣтописи идетъ рѣчь о двухъ различныхъ народностяхъ, а потому и подъ *бесерменами* здѣсь слѣдуетъ разумѣть не татаръ, а коренныхъ туземцевъ Болгаріи, которые исповѣдывали исламъ.

26. *Завоеваніе Болгаріи кн. Пестрымъ въ 1431 г.* Въ этомъ году вел. кн. Василій Темный посылалъ съ ратью на волжскихъ болгаръ князя Ѳеодора Пестраго, который взялъ ихъ и плѣнилъ всю ихъ землю (Вескр. лѣт.). Подробностей объ этомъ плѣненіи лѣтопись не представляетъ никакихъ; повидимому оно было не слишкомъ прочнымъ, потому что, спустя четырнадцать лѣтъ послѣ завоеванія Болгаріи, великій князь Василій Васильевичъ оказался и самъ плѣнникомъ въ этой странѣ. (См. Шпилевскій, 103—191).

II.

Происхожденіе волжскихъ болгаръ, о которомъ древніе источники не сообщаютъ намъ точныхъ свѣдѣній, долгое время служило предметомъ довольно гадательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разнорѣчивыхъ предположеній. То же самое можно замѣтить и о происхожденіи болгаръ дунайскихъ. Относительно національности болгаръ, жившихъ на Волгѣ и Камѣ, мы имѣемъ нѣкоторыя показанія арабскихъ писателей, изъ которыхъ, впрочемъ, по ихъ разногласію, нельзя вывести никакихъ вполнѣ опредѣленныхъ заключеній. Такъ, напр., мы видимъ, что Ибнъ-Фадланъ называетъ болгаръ славянами, Масуди принимаетъ ихъ за тюркское племя, а нѣкоторые изъ восточныхъ писателей, говоря о славянахъ, подданныхъ царя болгарскаго, утверждаютъ, что и сами славяне не что иное, какъ туркп. Шемсъ-эдъ-Динъ Димешки, космографъ начала XIV в., упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ о паломничествѣ, совершенномъ многими болгарами въ Мекку черезъ Багдадъ, гдѣ пилигримы запасались всѣмъ необходимымъ для путешествія, и при этомъ замѣчаетъ, что болгары, на вопросъ, что они за народъ, отвѣ-

чали: „Мы народъ, родившійся между тюрками и славянами“. Смыслъ этого отвѣта, говоритъ Хвольсонъ, по всей вѣроятности, тотъ, что они принимали себя за народъ, смѣшанный изъ тюрковъ и славянъ. Такъ понималъ этотъ отвѣтъ и Френъ. Что касается самаго термина: „*славяне*“, то относительно его слѣдуетъ имѣть въ виду, что имя صقلبى (мн. ч. صقالبه) могло обозначать у арабовъ не только одни славянскія племена, но также и племена финскія, и служило у нихъ вообще для наименованія бѣлокожихъ обитателей сѣверовосточной части Европы [a]. Названіе же волжскихъ болгаръ тюрками, какъ мы увидимъ дальше, имѣло достаточное основаніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи языка, на которомъ говорилъ этотъ смѣшанный народъ.

Говоря о происхожденіи болгаръ, Григорьевъ замѣчаетъ, что въ ихъ этнографіи есть весьма важные поводы усмотрѣть тюркское („татарское“) начало, такъ какъ, напримѣръ, между собственными именами дунайскихъ болгаръ встрѣчаются слова чисто тюркскія; названія городовъ Волжской Болгаріи звучатъ также по-тюркски; фонетическія измѣненія заимствованныхъ словъ (именно въ словѣ *Бохмитъ* بلمط) также даютъ серьезный поводъ считать ихъ народомъ тюркскаго происхожденія. Кромѣ того, мнѣніе о неславянскомъ происхожденіи болгаръ находитъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописи Нестора, который не упоминаетъ ихъ при перечисленіи славянскихъ народовъ и даже противополагаетъ ихъ славянамъ, поставляя болгаръ отдѣльно, наряду съ хазарами, уграми и аварами. Въ византійскихъ источникахъ, говоритъ Иречекъ, между славянами и болгарами наблюдается строгое различіе. Въ житіи св. Димитрія Солунскаго (VIII в.) сказано, что въ совѣтѣ болгарскаго царя были люди, которые знали по-гречески, по-болгарски и по-славянски. У греческихъ лѣтописцевъ VIII в. строго различаются состоявшіе подъ предводительствомъ кня-

---

a) Ср. въ словарѣ قاموس (Kāmūs)—صقلاب—*бѣлолицый человѣкъ; румяный человѣкъ.* См. также И. Шишмановъ, 658.

зей Тервеля и Крума болгарскіе и славянскіе отряды. Что же касается тѣхъ доказательствъ, которыя приведены у Григорьева въ пользу славянизма волжскихъ болгаръ, то они едва ли могутъ считаться состоятельными. Почтительность къ царю, выражавшаяся у болгаръ въ сниманіи шапки и держаніи ея подъ-мышкой, вовсе не исключительно славянскій обычай [8]). Купанье обоихъ половъ вмѣстѣ въ рѣкахъ наблюдается и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Такъ древніе галлы, по свидѣтельству Цезаря, купались въ рѣкахъ вмѣстѣ, безъ различія пола. У финновъ-суоми мужчины и женщины и теперь моются въ общихъ баняхъ, что весьма поражаетъ заѣзжаго иностранца. Повѣріе о молніи, какъ замѣтилъ Френъ, существуетъ у вотяковъ и калмыковъ; употребленіе питейнаго меда распространено у всѣхъ поволжскихъ инородцевъ. Что же касается до названія этого болгарскаго напитка, приводимаго Ибнъ-Фадланомъ, بجع, въ которомъ Сенковскій, а за нимъ Френъ и Уваровъ увидали будто-бы русскую *сычевку*, то оно еще подлежитъ большому сомнѣнію. Во-первыхъ, необходимо замѣтить, что подобнаго слова въ русскомъ языкѣ не существуетъ [8]). Дѣло въ томъ, что имена на „овка“ произведенныя отъ глаголовъ, имѣющихъ передъ окончаніемъ неопр. наклоненія звукосочетаніе *ти*, никогда не измѣняютъ основного *т* этого сочетанія въ *ч*. Примѣры этому мы видимъ въ словахъ: *колотовка*, *мутовка*, *винтовка*, отъ глаголовъ: *колотить*, *мутить*, *винтить*. Отъ гл. *сытить* мы ожидали бы формы *сытовка*, а не *сычевка*. Послѣднее же слово, на самомъ дѣлѣ совершенно неупотребительное, кажется намъ вполнѣ естественнымъ только по той причинѣ, что оно составляетъ совершенно правильное производное отъ названія извѣстной птицы, *сычъ*. Слово *сычевка* могло бы быть названіемъ деревни, улицы, урочища, притона и т. п., какъ и нѣкоторыя другія слова, образовавшіяся путемъ прибавленія того же самаго суффикса, напр. *Воробьевка*, *Грачевка*, *Хмелевка*, *Комаровка* и др.

Точно также и въ словѣ *владавацъ*, которое Сенковскій увидалъ въ арабскомъ начертаніи имени болгарскаго царя بلطوار, слѣдуетъ усматривать лишь весьма неудачную конъ-

ектуру, основанную на простомъ недоразумѣніи, такъ какъ южно-славянской формы *владаваць*, на которую опирается этотъ ученый, на самомъ дѣлѣ не существуетъ [a]. Какъ мы увидимъ ниже, малопонятное болгарское реченіе بلطوار, встрѣчающееся въ сочиненіи Ибнъ-Фадлана, можетъ имѣть и другое, гораздо болѣе вѣроятное объясненіе.

Несостоятельно также и утвержденіе Григорьева, будто названія нѣкоторыхъ болгарскихъ городовъ нельзя не признать славянскими; къ таковымъ названіямъ онъ относитъ: *Жукотинъ*, *Керменчукъ*, *Басовъ* и *Исбиль* или *Исболъ*. Какъ теперь извѣстно, названіе второго города происходитъ отъ тюркскаго *кärмäн*, укрѣпленіе, и селеніе съ тождественнымъ названіемъ существуетъ и въ Крыму [9]); а названіе третьяго города, *Басова*, могло происходить и отъ тюрк. слова, означающаго *поле* (каз.-тат. басыу باصو, чув. пусă (*пузы*), *пос*, *пус*, поле; курмыш. чув. посу—чит. *позу*—паровое поле). Утвержденіе же Григорьева, что имя города *Исбиля* или *Исбола*, упоминаемаго у Ибнъ-Хаукаля, явно начиналось двумя согласными а потому не могло быть ни тюркскимъ ни финскимъ, не подкрѣплено имъ никакими доказательствами. Наоборотъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что это слово такъ и произносилось, какъ оно написано въ его второй редакціи, потому что мы знаемъ имя одного болгарскаго кавхана *Эсбула* (*ὁ Ησβουλος ὁ καυχανός*) [10]), а намъ извѣстно, что названія населенныхъ мѣстъ весьма нерѣдко получаютъ свое начало отъ личныхъ именъ ихъ основателей или первыхъ поселенцевъ.

Разнорѣчія арабовъ въ вопросѣ о племенномъ происхожденіи болгаръ вполнѣ совпадаютъ и съ ихъ представленіями о языкѣ этого народа. Между тѣмъ какъ Эль-Балхи сообщаетъ намъ, что языкъ болгаръ похожъ на языкъ хазарскій (ولسان بلغار مثل لسان الخزر), Ибнъ-Фадланъ, напротивъ, заявляетъ, что никакой языкъ не равенъ послѣднему; а Хаджи Хальфа придерживается того мнѣнія, что языкъ и нравы болгаръ похожи на языкъ и обычаи руси. Такимъ образомъ извѣстія восточныхъ писателей не могутъ разрѣшить интере-

a) См. И. Шишмановъ, стр. 664.

сующаго насъ вопроса о происхожденіи и языкѣ болгаръ. Намъ остается только одинъ болѣе или менѣе надежный источникъ, откуда можно почерпнуть нѣкоторыя указанія въ этой весьма темной области: подобнымъ источникомъ являются тѣ обломки древне-болгарскаго языка, которые дошли до насъ въ весьма скудномъ количествѣ, почти исключительно въ именахъ собственныхъ, въ названіяхъ лицъ и числительныхъ именахъ.

Имѣя въ виду нѣкоторые тюркскіе элементы, замѣченные въ дошедшихъ до насъ остаткахъ древняго болгарскаго языка, нужно считать весьма естественнымъ, что ученый міръ, добиваясь разрѣшенія давно занимавшей его загадки о племенномъ происхожденіи болгаръ, съ теченіемъ времени направилъ свое вниманіе на изученіе той тюркской національности, которая, сохраняя черты исконной осѣдлости, занимаетъ въ настоящее время значительную часть территоріи, принадлежавшей древнему Болгарскому царству на Волгѣ. „Когда я сталъ себѣ выяснять—писалъ въ 1878 г. академикъ Куникъ—прошлое и настоящее положеніе приволжскихъ народовъ, особенное мое вниманіе обратили на себя остатки чувашей (въ губ. Казанской, Симбирской и др.), и я скоро пришелъ къ убѣжденію, что въ чувашахъ мы имѣемъ остатокъ одной группы старо-тюрковъ, которые, еще задолго до вторженія татаръ, поселились въ мѣстности, нынѣ обитаемой чувашами (среди волжскихъ финновъ). Чѣмъ болѣе я вдумывался въ отношеніе чувашей къ вымершимъ камскимъ болгарамъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ чувашахъ мы встрѣчаемъ, если не остатки такъ называемыхъ бѣлыхъ или серебряныхъ болгаръ (камскихъ болгаръ), то все же одну изъ тюркскихъ отраслей, къ которой принадлежали и жители болгарскаго ханства въ среднемъ Поволжьѣ, а также убѣждался въ томъ, что когда-нибудь при помощи чувашскаго языка, равно какъ при пособіи встрѣчающихся еще и до настоящаго времени въ землѣ чувашей собственныхъ и топографическихъ названій, ученые внесутъ свѣтъ въ область изученія древне-тюркскаго элемента, замѣчаемаго у хагано-болгаръ на Дунаѣ, у черныхъ болгаръ на

Кубани, у хазаръ и у другихъ незначительныхъ тюркскихъ племенъ, извѣстныхъ намъ почти только по однѣмъ русскимъ лѣтописямъ. Открытый въ 1866 г. неизвѣстный до сихъ поръ памятникъ измѣнилъ это предположеніе въ твердую увѣренность".

Оставляя на нѣкоторое время въ сторонѣ вопросъ объ этомъ памятникѣ, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ статьи другого ученаго, венгерца Б. Мункачи, извѣстнаго многими весьма цѣнными трудами въ области мадьяро-финскаго языкознанія.

„Что касается—говоритъ онъ*)—тюркскаго культурнаго вліянія, которое выказывается въ отдѣльной жизни мадьярскаго народа и которое уже, слѣдовательно, надлежитъ отнести къ болѣе поздней эпохѣ, то въ этомъ отношеніи показаніе языковыхъ данныхъ рѣшительно обнаруживаетъ два различныхъ народа. Языкъ одного изъ нихъ могъ быть если не совершенно прямымъ предшественникомъ чувашскаго, то несомнѣнно къ нему весьма близкимъ, самое большее отличавшимся отъ него лишь какъ областное нарѣчіе. Его звуковыя особенности характеризуются, какъ можно въ томъ убѣдиться по мадьярскимъ словамъ: 1) измѣненіемъ конечнаго или срединнаго *z* въ *r*, случаи котораго: *ökör* (обще-тюркское *öküz* и только въ чувашскомъ *vǫgǫr*, раньше* *ökör*)[1], *borjú* (обще-тюрк. *bozagu*, тат. *bẽzau*, только въ чувашкомъ *pǫrǫ*) [2], gyűrű (т. *jüzük*)[3], *iker* (тур. *ikiz*)[4], *ir*-(т. *jaz*-)[5], *karó* (т. *kazuk*)[6], *tenger* (т. *teñiz*)[7], *sár* болото (т. *saz*)[8];—2) исчезновеніемъ въ концѣ словъ общетюркскаго *k*, *g*, или растворенiемъ его въ двугласной или долгой гласной, чему примѣры: *borsó* (обще-тюрк. *burčak*, только въ чувашскомъ: *pǫrźa*)[9], *ünő* (обще-тюрк. *inäk*, только въ чув. *ĕńä*)[10], *betű* (т. *bitik*)[11], *bölcső* (т. *bešik*)[12], *gyapju* (т. *japak*)[13],

---

*) См. его статью „A magyar fémnevek őstörténeti vallomásai" (Первобытно-историческія показанія названій металловъ у мадьяръ), помѣщенную въ журналѣ Ethnographia, 1894, I f., 21 l.

gyűrű (т. *jüzük*), *gyűszű* (т. *jüksük*)[14], *sarú* (т. *čaruk*)[15], *söprű* (т. *šeprek* „дрожжи, осадокъ“)[16], *tanú* (т. *tanuk*)[17], *ocsú* (т. *walčîk*)[18], *turó* (т. *torak*)[19], *káva* (т. *kabak*)[20], *bóda* (т. *baldak*)[21], *hanga*[22] *fű* (т. *kamgak*, „чертополохъ“?); — 3) измѣненіемъ твердыхъ *a*, *o*, *u* въ начальномъ слогѣ въ *i* или *e* (первоначально, вѣроятно, въ *î* или *ê*), напр.: *tinó* (обще-тюрк. *tana*, только въ чув. *tîna*)[23], *tiló* (татар. *talkê*, чув. *tîlê*)[24], *bika* (т. buka)[25]; disznó (т. *toñuz*)[26], *birka* (киргиз. *marka*)[27], *hilinta*[28], *kigyó*[29], *szirony*[30], *csikó*[31], *csihol*[32], *csipa*[33], *szigony*[34], *sirály*[35], *szittyó*[36], *hernyó*[37], *gyertya*[38], *béka*[39] (см. Ethnogr. IV, 179, далѣе 166, 295—299 сс.).

---

[1]) Чув. вăкăр (чит. *вŏгŏр*, *вы̆гы̆р*), быкъ. [2]) Чув. пăру (чит. *пы̆ру*, у Мункачи ошибка), теленокъ. [3]) Чув. çĕрĕ, ядр. çĕр (чит. *ćŏ̆рŏ̆*, *ćэ̆рэ̆*, *ćŏ̆р*), кольцо. [4]) Чув. йĕкĕр (чит. *jэ̆ĭэ̆р*, *jэ̆ıэ̆р*), двойной. [5]) Чув. çыр (чит. *ćыр*, *ćир*), пиши. [6]) Слово это означаетъ по-мадьярски *колъ* и происходитъ отъ тюрк. *казы*, копай, рой; можетъ быть отъ того же корня происходитъ козм.-чув. карă (*кары̆*), кар—инструментъ для долбленія деревянной посуды. [7]) Однако у чувашъ только тинĕс (*т́ин́э̆с*, *тин́э̆с*, *тен́э̆с*), море. [8]) Чув. *шур*, *шор*, болото. [9]) Чув. пăрça (*пŏрз́а*, *пы̆рз́а*), горохъ. [10]) Чув. ĕне (*э̆н́э*), корова. [11]) Betű — буква. [12]) Колыбель. [13]) Шерсть. [14]) Наперстокъ. [15]) Башмакъ. [16]) Чув. çĕпре (*ćŏ̆прэ*, *ćэ̆прэ*), дрожжи. [17]) Чув. тынă (*тыны̆*), свидѣтель. См. переводъ Евангелія 1820 г., стр. 134. [18]) Крошка. [19]) Козм. чув. *тора*, сыръ. [20]) Заборъ. [21]) Рукоятка. [22]) Ackersenf, crica vulgaris. [23]) Чув. *тына*, козмод. также *тынашка*, телка. [24]) Чув. тылă (*тылы̆*), мялка. [25]) Быкъ. [26]) Чув. сысна, козм. у. также сысҥа (*сысна*, *сысн́а*), [27]) Овца (съ короткою, курчавою шерстью). [28]) Качель, чув. у Золотн. „йаланч“, id. [29]) Змѣя. [30]) Тонкая крашеная кожа, чув. сăран (*сы̆ран*, *сŏрâн*), сыромятная кожа. [31]) Жеребенокъ, чув. т̆ыха (*т́ыһа*, *тыһа*), *т́иҕä*. [32]). Высѣкать искры огнивомъ; чув. ҕых (*ч́ых*), вталкивать,=каз.-тат. *тык?* [33]) Гной въ глазахъ. [34]) Трезубецъ для ловли рыбы. [35]) Чайка, срав. чув. шăркалҕă (*шы̆ргал́ҕы̆*), чирокъ. [36]) Ситовникъ. [37]) Гусеница. [38]) Свѣча, чув. çурта, çорта (*ćурда*, *ćорда*). [39]) Лягушка. [40]) Муравей; чув. хăнтăла, хăнтла, хăнкăла, хăнкла, хăмăтла (*хы̆нды̆ла*, *хы̆нтла*, *хы̆нгы̆ла*, *хы̆нгкла*, *хŏмŏтла*), морд. эрз. *k'end'al*, морд. мокш. *k'elda*, клопъ.

Изъ тюркскихъ элементовъ мадьярскаго языка ясно видно, что этотъ языкъ, близкій къ „древне-чувашскому“, изъ котораго они происходятъ, дѣлился на нѣсколько нарѣчій и что, слѣдовательно, народъ, на немъ говорившій, могъ жить на большомъ пространствѣ. Доказательства тому: 1) что обще-тюркскій начальный *k* въ мадьяр. языкѣ является то въ формѣ *h*, то въ формѣ *k*, напр. *hangyál*[40], *homok*[41], *haris*[42], *harkály*[43], *hernyó*, *hilinta*, а съ другой стороны: *kan* (вепрь), *kancsó*[44], *kantár*[45], *kapu*[46], *korom*[47], *kos*[48], *karvaly*[49], *kigyó*, *karó*, хотя обѣ группы являются съ чувашскими признаками, напр. по гласнымъ перваго слога въ словахъ *hernyó*, *hilinta* и *kigyó*.— 2) что обще-тюркскій начальный *j*, наряду съ обычною формою *gy* (чит. *д'*), въ нѣкоторыхъ случаяхъ является въ формѣ *sz* (чит. *с*), каковое явленіе въ исторіи языка не могло произойти отъ послѣдовательнаго измѣненія, какъ въ томъ до сихъ поръ были увѣрены наши языковѣды, но объясняется только діалектическимъ уклоненіемъ. Примѣры подобнаго уклоненія рядомъ съ словами: *gyümölcs*[50], *gyom*[51], *gyöngy*[52], *gyapju*, *gyékény*[53], *gyáva*[54], *gyúr*[55], *gyűrű*, *gyűszű*, *gyertya*, *gyalom*[56]—слѣдующіе: *szél* (*sz*=рус. *с*), обще-тюрк. *jel*, чув. *s'il*)[57], *szőlő* (татар. *jizläk*, чув. *s'ȋrla* „ягода“)[58], *szűcs* (чув. *s'ėwės'*, *s'ülz'ė* „портной“, отъ слова *s'ülä*, татарскаго *jüjlä* „шить)[59], *sajt* (осман. *jogurt* „кислое молоко“, койбальск. *t'ört* „сыръ“: чуваш. *ćȯγȯt* „сыръ“[60]

---

[41]) Песокъ. [42]) Дергачъ, чув. карăш (*карыш*). [43]) Дятелъ. [44]) Кружка для вина. [45]) Узда. [46]) Дверь, ворота. [47]) Сажа, чув. хăрăм (*хŏрŏм*, *хырым*). [48]) Баранъ. [49]) Кобчикъ, срав. чув. буин., цив. караппăл (*караппыл*), курм. караплă (*караплы*), цив. (Ковалин. волость) также „*кара́ппул*“ (съ удареніемъ на среднемъ слогѣ, вопреки общему правилу)—коршунъ? [50]) Плодъ, чув. çимĕç (*ćи*$_м$*ӘĆ*). [51]) Плевелы, чув. çом, çум (*ćом*, *ćум*), [52]) Жемчугъ, чув. ĕнҕĕ (*ӘńζӘ*). [53]) Палочникъ, чув. ҕакан (*ц́аган*). [54]) Трусъ. [55]) Мѣсить, чув. çăр (*ćŏр*, *ćыр*). [56]) Неводъ, чув. çилĕм (*ćилӘ*$_м$). [57]) Вѣтеръ, чув. çил (*ćил́*). [58]) Ягода, чув. çырла (*ćырла*, *ćирла*). [59]) Слово „портной“ я встрѣчалъ у чувашъ въ формахъ: çĕвĕçĕ (*ćӘ*$_в$*ӘзӘ*), çĕвĕç (*ćӘ*$_в$*ӘĆ*), çӳвĕçĕ (*ćӳ*$_в$*ӘзӘ*), çӳçĕ (*ćӳзӘ*), отъ çĕвĕ, çӳ (*ćӘ*$_в$*Ә*, *ćӳ*), шовъ, шитье. [60]) Чув. ҕăкăт (*ч́ыгыт*, *ц́ыгыт*), сыръ.

и *süveg* (чуваш. *s'ėl'ėk*, персид. и восточно-тюрк. *jelek*).[1] Что обѣ группы этихъ словъ носятъ признаки чувашизма, доказываетъ несомнѣнно звуковое образованіе словъ *gyűrű* и *szőlő*. Наряду съ языкомъ, отмѣченнымъ перечисленными здѣсь особенностями, представителями отпечатковъ другого тюркства служатъ слова: *árok*[2], *bicsak* (cs=рус. ч)[3], *homok*[4], *hurok*[5], *tulok*[6], *túzok*[7], *pocsék*[8], далѣе *horog*[9], *szúnyog*[10], *bélyeg*[11], *sereg* (s=ш)[12] и *sőreg*[13], которыя соотвѣтствуютъ обще-тюркскимъ: *arîk*[14], *bîčak*[15], *tuǧdak*[16], *čerig*[17] и т. д., и которыя удержали конечную гортанную согласную обще-тюркскихъ формъ, а не утеряли ее, какъ мы видѣли въ примѣрахъ, помѣщенныхъ выше.

Наконецъ вопросъ состоитъ въ томъ, какіе два изъ тюркскихъ народовъ, часто упоминавшихся въ связи съ древними мадьярами, могли быть тѣ, отъ которыхъ произошли эти слова. Категоріи понятій, къ которымъ они относятся, показываютъ, что они могли быть пастушескими или даже до извѣстной степени земледѣльческими народами; слово же *hír* (вѣсть, араб. خبر, хабар, чув. хыпар, чит. *хыбар*) показываетъ, что въ VIII в. у нихъ могли быть живыя сношенія съ арабами, а слѣдовательно можно предположить, что у нихъ началъ распространяться исламъ. Такимъ народомъ, какъ извѣстно, были въ тѣ времена на среднемъ теченіи Волги бол-

---

[1]) Чув. çĕлĕк, ĕçлĕк (*ćэ́л́э̆к, ćэ́л́э̆ќ, э̆ćл́э̆к, э̆ćл́э̆ќ*) шапка. [2]) Ровъ; по чув. *вар*, зарывать. [3]) Ножъ, осм. *бычак*, каз.-тат. *пычак*; срав. чув. пăҕăкă, пăҕкă, пăҕăк (*пы̆ζы̆гы̆, пы̆ч́кы̆, пы̆ц̆ы̆к*), пила. [4]) Песокъ, каз.-тат. *көм*. [5]) Петля. [6]) Бычокъ. [7]) Ловушка. [8]) Грязь, чув. пылҕăк (*пыл́ζы̆к, пыл́ц̆ы̆к*) грязь, *пул́ц̆ы̆к*, калужина. [9]) Крюкъ. [10]) Мошка, чув. шăна (*шы̆на*), муха, [11]) Знакъ, древ.-слав. бѣлѣгъ, белѣгъ, билѣгъ, знакъ, символъ; бѣлегъ, листъ за царскимъ подписаніемъ; казан.-тат. білгі, *знакъ*, чув. ядр. палкă, козм. валкă (*палгы̆, валҕы̆*), столбъ на могилѣ, чув. тет. палă (*палы̆*), обще-чув. паллă (*паллы̆*), знакъ, паллă (*паллы̆*), извѣстный; срав. мадьяр. *bély*, знакъ. [12]) Толпа. [13]) Стерлядь. [14]) Канава, чув. цив. арăк (*ары̆к*), вешнякъ. [15]) Ножъ. [16]) Драхва. [17]) Войско, чув. çарă, çар (*ćары̆, ćар*).

гары, которые въ 922 г. приняли оффиціально исламъ и, какъ утверждаютъ арабскіе писатели, по своему языку стояли близко къ хазарамъ, т. е. были тюрками. Дѣйствительно Ибнъ-Росте (Ибнъ-Даста) также говоритъ: „между землею печенѣговъ и землею эскель-болгаръ лежитъ первый изъ краевъ мадьярскихъ", что въ соединеніи съ прочими обстоятельствами уже прямо дѣлаетъ яснымъ, что волжскіе болгары могли быть народомъ, который былъ въ состояніи оказать большое культурное вліяніе какъ на прочія сосѣднія угорскія народности, такъ и на мадьяръ въ эпоху переселенія народовъ. Правильность подобнаго заключенія подтверждается рѣдкими памятниками, оставшимися отъ ихъ языка, которые ясно указываютъ, что языкъ волжскихъ болгаръ тождественъ съ современнымъ чувашскимъ. Таковыми памятниками языка представляются найденныя между развалинами города Болгара надгробныя надписи, въ одной изъ которыхъ, по чтенію казанскихъ оріенталистовъ, число 700 выражено такъ: *ǯiati ǯör*[1], въ теперешнемъ чувашскомъ: *s'iććé-z'ör*[2] (тогда какъ обще-тюрк. *jedi jüz*); далѣе фрагментъ записи, найденной у дунайскихъ болгаръ и перечисляющей языческихъ князей (до 765 г.), въ которомъ годы жизни каждаго князя означены древне-болгарскими числительными, очевидно уже не понятыми греческимъ записывателемъ и копистами, и потому оставшимися въ искаженной формѣ, подобно нашему куманскому *Отче нашъ*. Эти числительныя всего болѣе могутъ быть сравниваемы съ чувашскими, напр.: древ.-болг. *шегоръ*: срав. чув. *sayẽ̊r* „восемь" (тур. *sekiz*), древ.-болг. *tvir*: ср. чув. *tọγọr* „девять" (тюрк. *tokuz*), древн.-болг. *več*: ср. чув. *vis's'ė* „три" (тюрк. *ṻč*), древ.-болг. *tut*: ср. чув. *tė-watte̊* „четыре" (тюрк. *tört*), древ.-болг. *соморъ*: срав. чув. *s'i-rėm* „двадцать" (тюрк. *jigirmi*) и т. д.—Въ качествѣ другого сосѣда мадьяръ у Ибнъ-Росте упоминаются печенѣги, что подтверждаетъ и свидѣтельство Константина Багрянороднаго, по словамъ котораго: „патцинакиты сначала жили у р.р.

---

[1]) جيات جور. [2]) Чув. çиђě çěр (*ćиџ̆ə ɜ̆ŏр, ćиζə̆ ɜ̆ə̆р*)—700.

Атиля (Волга) и *Ика* (Яикъ или Уралъ), а ихъ пограничными сосѣдями были мазары (*μάζαροι*) и узы (мадьяры и половцы)". Мы знаемъ хорошо, что печенѣги, какъ чрезвычайно ловкій конный народъ, могли быть учителями мадьяръ въ военной тактикѣ, а слѣдовательно, хотя въ исторіи тѣ и другіе и выступаютъ въ качествѣ взаимныхъ враговъ, но мы можемъ предположить, что раньше они могли находиться другъ къ другу въ дружественныхъ или скорѣе союзныхъ, а можетъ быть и подчиненныхъ отношеніяхъ. Интересно, что съ этимъ предположеніемъ совершенно согласуется то явленіе, что наименованіе печенѣговъ, которое звучитъ по-славянски *печенѣгъ*, по-гречески *πατζινακ*, по-арабски *beǯenek*, является въ мадьярскомъ языкѣ въ формѣ *besenyő*, т. е. являетъ въ своемъ окончаніи то же самое измѣненіе, какое, въ противность общe-тюркскому, мы встрѣчаемъ въ современномъ чувашскомъ языкѣ и въ древне-тюркскихъ элементахъ мадьярскаго. Это указываетъ на то, что мадьяры узнали имя печенѣговъ черезъ посредство болгаръ, точно такъ же, какъ имя нѣмцевъ (*né-met*) въ Паннoніи черезъ посредство славянъ; или что мадьяры вмѣстѣ съ болгарами, съ которыми они жили вѣроятно смѣшанно, находились въ сношеніяхъ съ печенѣгами, которые сами, какъ можно думать, называли себя формою *pečenek*, *beǯenek*, которую можно найти въ прочихъ источникахъ.

Эта форма аналогична съ формою словъ, приведенныхъ выше и не теряющихъ конечной согласной, поэтому мы въ правѣ думать, что таинственный тюркскій народъ, до сихъ поръ фигурировавшій подъ именемъ „древнихъ чувашъ" и другими именами, о которомъ мадьярское языкознаніе и этнологія говорятъ уже три десятка лѣтъ, какъ о культурномъ народѣ, оказавшемъ большое вліяніе на цивилизацію и языкъ мадьяръ,—былъ не кто иной, какъ, во-первыхъ, *болгары*, а кромѣ нихъ, вѣроятно, *печенѣги*".

Оставляя пока въ сторонѣ соображенія, высказываемыя здѣсь г. Мункачи по поводу именъ числительныхъ, сохранившихся въ фрагментѣ именика болгарскихъ князей, я позволю

себѣ замѣтить, въ цѣляхъ устраненія неточности, что отпаденіе конечнаго *к* (*х*) въ чувашскомъ языкѣ выдерживается далеко не во всѣхъ словахъ, и что, разбираясь въ чувашскихъ говорахъ, не трудно замѣтить то явленіе, что одно и то же слово у чувашъ различныхъ мѣстностей то теряетъ эту согласную въ своемъ окончаніи, то, наоборотъ, сохраняетъ ее. Примѣромъ этому могутъ служить слова: кунтă (*кундӹ*) и контăк (*кондӹк*), лукошко; пĕрҕĕ (*пӧ̆рцӧ̆*, *пэ̆рζэ̆*) и пĕрҕĕк (*пэ̆рζэ̆к*, *пӧ̆рцӧ̆к*), зерно; сыпă (*сыбӹ*)[1], и сыпăк (*сыбӹк*), суставъ; татă (*тадӹ*)[1] и татăк (*тадӹк*), отрывокъ; катă (*кадӹ*[1]) и катăк (*кадӹк*), отломокъ; томха (*томħа*) и тумхах (*тумħах*), кочка. (См. „Матеріалы“, 51 с.). Впрочемъ мое добавленіе ни въ чемъ не противорѣчитъ тому, что говоритъ г. Мункачи о древнечувашскомъ вліяніи на мадьяръ; оно только показываетъ, что явленіе отбрасыванія конечной гортанной началось у чувашъ еще въ древности и окончательно не завершилось и до сихъ поръ, и что нѣкоторыя слова, относимыя венгерскимъ ученымъ къ второй категоріи, т. е. къ словамъ, заимствованнымъ у другого тюркскаго народа, могутъ быть объяснены и изъ чувашскаго языка. Къ таковымъ заимствованіямъ я отношу, напримѣръ, мадьярское слово *pocsék*, грязь, которое гораздо ближе къ чув. пылҕăк (*пыл́цӹк*, *пыл́ζӹк*), грязь (козм.—тина), козм. чув. пулҕăк (*пул́цӹк*), калужина, нежели къ тюрк. *балчык*, глина, въ особенности если принять къ свѣдѣнію, что общетюркск. *а* перваго слога переходитъ въ чув. языкѣ въ *у* (*о*), а затѣмъ, на слѣдующей стадіи, въ *ы*[2].

Въ другой своей статьѣ „Az „ugor“ népnevezet eredete (О происхожденіи племенного наименованія *угры*, Ethnographia VI, 359 l. и далѣе) г. Мункачи, между прочимъ, касается сношеній

---

[1]) Слова „сыпă“, „татă“ и „катă“ употребительны лишь съ суф. прит. 3-го л., въ формахъ: сыппи (*сыппи*), татти (*таттиы*), катти (*каттиы*).

[2]) Срав. каз.-тат. *бар*, чув. *пур*, *пыр*, иди; каз.-тат. *бал*, чув. *пул*, *пыл*, медъ; каз.-тат. *урыс*, чув. вурăс, вырăс (*вурӹс*, *вырӹс*), русскій; каз.-тат. цабыш, чув. çупăç, çыпăç (*с́убӹс́*, *с́ыбӹс́*, *с́ибӹс́*), приставай, и др.

болгаръ съ *югрою*, народомъ, имя котораго, по его мнѣнію, пропсходитъ отъ *ugur* [11]) и было дано вогуламъ и остякамъ болгарами, которые вели торговлю съ югрою и слѣдовательно должны были оставить слѣды и въ языкѣ послѣдней. „Многочисленные тюркскіе элементы, находимые въ вогульскомъ и остяцкомъ языкѣ, говоритъ онъ, до сихъ поръ еще надлежащимъ образомъ не изслѣдованы, однако, даже при поверхностномъ обзорѣ, можно замѣтить между ними такіе, которые обнаруживаютъ прежде всего самую тѣсную связь съ чувашскимъ языкомъ. Таково, напр., извѣстное остяцкое слово *jaχ* „народъ, люди“, откуда произошло племенное наименованіе *As-jaχ* „обскіе люди“, т. е. остяки. Съ нимъ точно совпадаетъ пока необъяснимое изъ прочихъ тюркскихъ нарѣчій чувашское *jĕχ* „народъ, нація, родъ“ (Nyelvtud. Közl. XXI, 39), если принять во вниманіе, что въ этомъ языкѣ *ĕ* коренного слога часто соотвѣтствуетъ болѣе первичному *a*. Еще болѣе поучительно вогуло-остяцкое *jir* „жертва, жертвенное животное“, въ якутскомъ *ĭtĭk* „цѣнный, уважаемый, святой“, въ уйгурскомъ языкѣ древне-тюркскихъ надписей *ĭdĭγ* „жертва“ (Radloff, 296), у минусинскихъ татаръ *ĭzĭk* означаетъ лошадь, посвященную доброму духу (Золотн., 150): правильную копію этихъ словъ составляетъ чув. *jĕrĕχ*, которое служитъ названіемъ всевозможныхъ жертвенныхъ вещей (также и у вогулъ—различныхъ употребляемыхъ въ видѣ привѣсокъ серебряныхъ и оловянныхъ колецъ, узловъ изъ вѣтвей и т. д.), а въ особенности духа-фетиша. Этой послѣдней чувашской формѣ сооотвѣтствуетъ вогуло-остяцкая *jir*. Отсутствіе въ послѣдней окончанія тюркской формы не можетъ поражать насъ, такъ какъ мы знаемъ, что подобные случаи можно указать во многихъ мадьярскихъ словахъ тюркскаго происхожденія“.

Здѣсь г. Мункачи даетъ нѣсколько примѣровъ отпаденія конечной тюркской гласной, замѣчаемаго у мадьяръ; однако, такъ какъ эти примѣры принадлежатъ только мадьярскому языку, то они не имѣютъ силы для другихъ родственныхъ ему нарѣчій. Что касается слова *jŭx*, *jŏx* (йăх), „родъ, племя“,

котораго г. Мункачи не нашелъ ни въ одномъ изъ прочихъ тюркскихъ нарѣчій, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явнымъ недоразумѣніемъ. Слово это вовсе не исключительно чувашское, оно встрѣчается и въ алтайскомъ нарѣчіи, въ нѣсколько иной формѣ „*yk*“, имѣющей то же самое значеніе, что и чувашское „йăх“. Что касается лишняго звука *j* въ чувашской формѣ этого слова, то появленіемъ своимъ онъ обязанъ извѣстному свойству чувашскаго языка прибавлять согласный *j* къ нѣкоторымъ основамъ, начинающимся въ другихъ родственныхъ нарѣчіяхъ съ гласнаго звука. Эта особенность чувашской фонетики хорошо извѣстна и г. Мункачи (см. ibid., 362 l.). Однако бываютъ ли вообще случаи, чтобы иноязычные звуки *ŏ* или *ĭ* замѣнялись у вогулъ и остяковъ гласною *a*—мы не знаемъ; а что вогульско-остяцкое *a* въ словѣ *jaχ* не отражаетъ въ себѣ первоначальнаго тюркскаго *a*, это доказывается алт. словомъ *yk*. Отсюда можно вывести только то заключеніе, что слова *jaχ*, *jŏx*, *jĭx* имѣютъ различное происхожденіе; по крайней мѣрѣ ихъ сродство не подтверждается тѣми доводами, какіе приводитъ въ его пользу г. Мункачи. Другое сѣверно-вогульское слово, *surĭ*, кольцо, которое онъ далѣе сближаетъ съ чув. çĕрĕ (*ćŏрŏ*, *ćэрэ*), также можетъ навести насъ на сомнѣніе относительно достовѣрности его не финскаго происхожденія, если мы возьмемъ для сравненія слова изъ другихъ, родственныхъ вогульскому, нарѣчій, напр.: фин. *sormi*, палецъ, *sormus*, кольцо, эрз.-морд. *сур*, палецъ, *сурксь*, кольцо, и др. Передавая разрѣшеніе этого сомнѣнія на усмотрѣніе знатоковъ мадьяро-финскихъ нарѣчій, мы должны отмѣтить еще одно вогульско-остяцкое слово—*tōrėm* или *tąrėm*, „богъ, небо“, котораго нѣтъ въ прочихъ родственныхъ нарѣчіяхъ и которое г. Мункачи отожествляетъ съ чувашскимъ реченіемъ: Туррăм (*Туррăм*), „Боже мой“. Въ виду сомнительности всѣхъ прочихъ чувашскихъ элементовъ, указываемыхъ г. Мункачи въ вогульскомъ и остяцкомъ нарѣчіяхъ, я не рѣшаюсь высказать что-либо опредѣленное также и относительно послѣдняго сопоставленія, хотя и долженъ признаться, что

у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, которыя служили бы къ нему неоспоримымъ препятствіемъ.

Такимъ образомъ можно замѣтить, что присутствіе чувашскихъ элементовъ въ вогульскомъ и остяцкомъ нарѣчіяхъ пока нельзя считать за вполнѣ доказанный фактъ, что же касается наличности подобныхъ элементовъ въ языкахъ мадьярскомъ, черемисскомъ, вотскомъ и мордовскомъ [12]), то она въ настоящее время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Кромѣ того, г. Мункачи находитъ слѣды чувашизма даже въ славянскихъ нарѣчіяхъ, а мнѣ кажется, что слова, весьма сходныя съ чувашскими, замѣтны и въ нѣмецкомъ языкѣ [13]). Въ особенности наводнены чувашизмами нарѣчія черемисскаго языка, какъ горное, такъ и луговое, при чемъ оба эти нарѣчія, въ соединеніи съ другими языками, черпавшими слова изъ чувашскаго языка, каковы мадьярскій, вотскій и мордовскій, представляютъ довольно богатый матеріалъ, на основаніи котораго мы можемъ получить нѣкоторое представленіе о состояніи чувашскаго языка въ болѣе ранній періодъ его существованія. Такъ, напр., при разсматриваніи чувашскихъ заимствованій, принятыхъ въ черемисскій и вотскій языки, не трудно замѣтить, что эти заимствованія принадлежатъ еще къ той, вѣроятно довольно отдаленной, эпохѣ, когда чувашскому нарѣчію еще былъ свойственъ утерянный имъ впослѣдствіи самостоятельный небно-носовой звукъ *ң*. Въ этомъ насъ убѣждаютъ, напр., слѣдующія слова: черем. *он*, грудь, чув *ом, ум*, грудь, передъ, турец. اوك, передъ; гор. чер. *кäңгäшäш*, совѣтоваться, л. черем. *каңаш*, чув. *канаш*, каз.-тат. *кіңäш*, совѣтъ; луг. чер. *тан*, равный, гор. черем. *täң*, товарищъ, чув. *тан*, равный, тантăш (чит. *тандăш*), сверстникъ, каз.-тат. *тің*, равный, *тіңдäш*, сверстникъ; луг. чер. *шăңга*, г. чер. *шăңгä*, чув. шăна (чит. *шăна*), турец. سكك, муха; луг. чер. *аңăшăр*, г. черем. *äңгăсăр*, вот. *аңсăр*, чув. ансăр (чит. *анзăр*), узкій, отъ „ан“=каз.-тат. „із“, *ширина*, и „-сăр“=каз.-тат. „-сіз“, *безъ*; луг. чер.

чанга, г. чер. *цӑнгӑ*, вот. *чанга*, чув. ҷана (чит. *ćана*), мѣстами—ҷанка (*ćанга*, *чанга*), галка, и пр.

Широкое вліяніе, оказанное чувашами на нарѣчіе не только горныхъ, но и луговыхъ черемисъ, можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что тѣ и другіе находились долгое время подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ. О переселеніи части черемисъ за Волгу, которое произошло, повидимому, на глазахъ у чувашъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, воспоминаніе, сохранившееся въ народной словесности послѣднихъ. Одна чувашская пословица, записанная около двадцати лѣтъ тому назадъ и доставленная мнѣ въ рукописи, гласитъ: *черемисинъ сообразилъ только тогда, когда переправился черезъ Волгу* (Çармăс Атăл урлă каçсан тин астунă, тет. *Ćармыз Адыл урлы гаććан дин астуны*, дэт); можетъ быть эта пословица заключаетъ въ себѣ злую насмѣшку надъ несчастными черемисами, которые, подъ давленіемъ своихъ сосѣдей, переселились съ удобныхъ земель нагорнаго берега въ заволжскія болотныя дебри. На пространствѣ чувашскаго края мы до сихъ поръ встрѣчаемъ нѣкоторыя селенія, которыя носятъ названіе Çармăс (*Ćармыс*), явное доказательство того, что въ нихъ когда-то жило другое племя,—черемисы. Одна изъ этихъ деревень (Çармăс, Кубня) находится въ Буинскомъ уѣздѣ, двѣ другія—въ Ядринскомъ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдняго уѣзда слово „Çармăс“ употребляется только какъ названіе селеній, тогда какъ самихъ черемисъ, какъ народность, очевидно для устраненія неясности, тамошніе чуваши называютъ не просто „çармăс“ или „çармăç“, какъ во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ, а сложнымъ реченіемъ—çу-çармăс (*ćу-ćармыс*). Этимологія этого страннаго наименованія современному чувашину уже непонятна. По моему мнѣнію, есть основанія предполагать, что первая часть реченія—„çу“—равнозначуща каз.-тат. ɥау, врагъ, непріятель, алт. *jу*, война, такъ какъ тюркскій начальный j (ɥ) въ чувашскомъ нарѣчіи обыкновенно замѣняется зубно-альвеолярнымъ *ć*. Что звукосочетанія ɥау, jу могли явиться у чувашъ въ формѣ „çу“, дока-

[1]) Хурăнсур-Çармăс и Ту-çи-Çармăс. [14]).

зываетъ каз.-тат. слово ҷаулык, мишар. јаулык, *платокъ*, которое въ чувашскомъ языкѣ встрѣчается въ видѣ ҫулăк (*ćулйк*). Отъ того же самаго корня * „ҫу“, *врагъ*, *вражда*, я произвожу чув. ҫылăх (*ćылйх*, *ćилйх*), діалект. ҫывлăх (*ćывлйх*), ҫыллăх (*ćыллйх*), грѣхъ [a], которое заимствовано въ черем. языкъ въ формѣ *сулйк* и въ вотскій въ формѣ *ćӧлык*. Относительно перехода звуковъ здѣсь можно сравнить джаг. صاغ, каз.-тат. сау и чув. сывă (*сывй*), сыв, су, здоровый. Такимъ образомъ названіе „ҫу-ҫармăс“ могло первоначально означать: *врагъ-черемисинъ*. Если такое предположеніе справедливо, тогда это реченіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія чувашъ къ черемисамъ до переселенія послѣднихъ за Волгу. Можетъ быть это переселеніе было слѣдствіемъ уже забытой теперь борьбы между двумя народами, послѣ которой часть жившихъ „на горахъ“ черемисъ оказалась вынужденною уступить чувашамъ плодородныя земли праваго берега и удалиться въ лѣсныя трущобы и трясины.

Слово *суас* (*сӳăс*), которымъ луговые черемисы обозначаютъ въ настоящее время татаръ, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращало на себя того вниманія, котораго оно справедливо заслуживаетъ по своему важному значенію для опредѣленія національности древнихъ болгаръ. Въ татарскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, и слѣдовательно черемисы взяли его не оттуда; очевидно, что подлинникъ этого слова слѣдуетъ искать въ другихъ источникахъ. Съ самаго перваго раза насъ поражаетъ сходство этого имени съ тѣмъ наименованіемъ „ҷăваш“ или „ҷуаш“ (*ćйвăш*, *ćйвăш*, *ćуаш*), которое даютъ себѣ сами чуваши и подъ которымъ они извѣстны у многихъ, живущихъ по сосѣдству съ ними, народностей. Однако здѣсь сразу является и затрудненіе. Обращаясь къ звуковому составу черемисскихъ нарѣчій, мы не находимъ въ немъ объясненія, почему чувашское „ҷ“ передано у луговыхъ черемисъ не звукомъ *ч*, какъ наиболѣе близ-

---

[a] Ҫыллăх—въ с. Тюрлемѣ. Ср. тамъ же *аллан*, буин. *авлан*, козм., курм. *алан*, жениться.

кимъ къ чувашскому, а совершенно неподходящимъ къ послѣднему звукомъ *с*. Затрудненіе это устраняется, если мы припомнимъ, что по особому свойству чувашскаго языка звуки *ӷ́*, *ґ́* и *ґ* (ҕ), какъ въ началѣ, такъ и въ серединѣ, а равнымъ образомъ и въ концѣ словъ, нерѣдко замѣняются звукомъ *ć*, который у черемисъ, въ словахъ заимствованныхъ съ чувашскаго, передается твердымъ *с*. Такъ, напр., мы видимъ у чувашъ: ҕӑмӑр (*ӷ́ӳмӳр*, *ґ́ӧмӧр*) и *ćӳмӳр*, кулакъ; ҕарлан (*ӷ́арлан*, *ґ́арлан*) и *ćарлан*, чайка; çап-çара (*ćап-ćара*) и *чап-чара*, совершенно голый; çӑмах (*ćӳмах*, *ćӧмах*) и *чӳмах*, родъ лепешки; кӑçкӑр (*кӳćкӳр*), кӑҕкӑр (*кӳґ́кӳр*) и кӑшкӑр (*кӳшкӳр*), кричи; кулаç (*кулаć*), кулаҕ (*кулаґ́*), кулаҕӑ (*кулаҕӳ*), и колаҕӑ (*колаґ́ӳ*), бѣлый хлѣбъ, и др. Точно также конечныя чувашскія согласныя *ć* (ç) и *с*, замѣняя иногда другъ друга, могутъ чередоваться въ различныхъ мѣстныхъ говорахъ съ близкимъ къ нимъ звукомъ *ш*, что подтверждается нѣкоторыми примѣрами, каковы: кӗрӗç (*ќ́ӗрӗć*) и кӗрӗш (*кӗрӗш*), нанимайся; каврӑç (*каврӳć*) и козм. карӑш (*карӳш*), ясень; сырӑс (*сырӳс*) и сырӑш (*сырӳш*), ясли; хӗреç (*х́ӗрӗć*) и хӗрес (*х́ӗрӗс*), крестъ. Все это заставляетъ насъ предположить, что слово „ҕӑваш“ въ старину произносилось чувашами нѣсколько иначе, чѣмъ теперь, и именно въ одной изъ слѣдующихъ формъ: *ćуаć*, *ćуав*, *ćӳвać* или *ćӳвас* (çуаç, çуас, çӑваç, çӑвас); въ этомъ то болѣе древнемъ видѣ оно и было взято черемисами въ ихъ богатый чувашизмами языкъ.

Что касается исторической послѣдовательности чувашскихъ начальныхъ звуковъ *ć* и *ґ́* (*ӷ́*), то разсмотрѣніе различныхъ лингвистическихъ данныхъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что эта послѣдовательность носитъ въ чувашскомъ языкѣ двоякій характеръ. Въ то время, какъ первоначальное обще-тюркское *ч* въ началѣ словъ обыкновенно измѣняется у чувашъ въ согласную *ć*, что мы видимъ, напримѣръ, въ словахъ: çап (*ćап*), бить (каз.-тат. *чаб*); çухрӑм (*ćухрӳм*), верста (каз.-тат. *чакырым*); çатан (*ćадан*), плетень (каз.-тат. *чӣтӓн*); çерем (*ćэрэм*), лугъ (каз.-тат. *чӣрӓм*); çул (*ćул*), косить [каз.-тат. *чал* (діалектически, вм. *чаб*)]; çӑпан (*ćӳбан*), чирей [каз.-тат.

діалект. *чыуан* (вм. *сызлауык*)]; çавăр (*ćавăр*), вращать (османъ. *чăвір*), и пр.,—наоборотъ, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ чувашское *ч* (*ć*) развилось изъ первоначальнаго тюркскаго согласнаго *j*, оно получило свою современную форму не непосредственно изъ послѣдняго звука, а только путемъ постепеннаго измѣненія, пройдя *черезъ промежуточную стадію ć*. Доказательствомъ этому могутъ служить тѣ чувашскія слова, которыя мы находимъ въ языкахъ другихъ народовъ. Разсматривая ихъ, мы легко можемъ замѣтить, что даже въ такихъ древнихъ заимствованіяхъ изъ „чувашскаго“ языка, каковы, напр., заимствованія, сдѣланныя мадьярами, начальный тюркскій *j* уже передавался неодинаковыми звуками. Это доказывается, напримѣръ, словами: gyűrű, кольцо; gyékény, палочникъ; írписать; iker, четъ; szél, вѣтеръ, szűcs, скорнякъ, szőllő, изюмъ,—которыя соотвѣтствуютъ чувашскимъ: çĕрĕ (*ćĕрĕ*), кольцо; ҫакан (*ҫаган*), палочникъ; çыр (*ćыр*, *ćир*), пиши; йĕкĕр (*jĕгĕр*, *jĕйĕр*), двойной; çил (*ćил*), вѣтеръ; çĕвĕç (*ćĕвĕć*), портной; çырла (*ćырла*, *ćирла*), ягода [a], и тюркскимъ: османъ. *jűzűk*, кольцо; алт. *jäkän*, палочникъ; османъ. *jaz*, пиши; *ikiz*, двойни; *jäl*, вѣтеръ; каз.-тат. *ɥĕj*, шовъ; алт. jästäk, ягода. То же самое явленіе мы наблюдаемъ и въ чувашскихъ словахъ, вошедшихъ въ словарь черемисъ. Изъ мадьярскаго языка мы также убѣждаемся, что нѣкоторыя чувашскія слова, раньше начинавшіяся съ одинаковаго согласнаго звука, соотвѣтствовавшаго тюркскому *j*, впослѣдствіи образовали въ своемъ началѣ различные звуки; къ подобнымъ словамъ относятся приведенныя выше слова „çĕрĕ“ и „ҫакан“, венгерскія формы которыхъ gyűrű и gyékény доказываютъ прямо, что эти чувашскія реченія сначала начинались однимъ и тѣмъ же звукомъ. Такимъ образомъ начальное *ć* въ чувашскомъ *ćĕрĕ*, кольцо, очевидно развилось позднѣе, изъ какого-то болѣе ранняго звука, передававшагося у мадьяръ согласнымъ „gy“ (*ɟ*), такъ какъ древнее чувашское начальное *ć* выражалось мадьярами другимъ звукомъ, *sz* (=рус. *с*), какъ это видно изъ указанныхъ

а) Срав. также мадьяр. *gyermek*, дитя, и чув. çамрăк (*ćамрăк*), козм. (дер. В. Олгаши) çармăк (*ćармăк*), молодой.

выше словъ szűcs, szőllő и szél. Остается рѣшить, какому чувашскому звуку соотвѣтствуетъ мадьярское начальное „gy“. Слово gyász (*д'ăс*), означающее у мадьяръ *печаль* или *горе* и проникшее къ нимъ, какъ надо предполагать, изъ того же самаго источника, какъ и большая часть прочихъ тюркскихъ элементовъ ихъ языка, мнѣ кажется, можетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что мадьярское „gy“ вообще служило для выраженія тюркскаго („чувашскаго“) *j*. Слово это, въ формѣ *jöсы*, *jасы*, встрѣчается и въ черем. нарѣчіяхъ, и тамъ отъ него существуютъ и производныя: *jöсланаш*, *jасы-ланаш*, печалиться, *jöсландараш*, *jасыландараш*, печалить, безпокоить. Слово это, очевидно, чувашское, что доказывается аффиксами его производныхъ, хотя въ чув. языкѣ я подобнаго слова пока не нашелъ. Слово gyász, соотвѣтствующее черем. *jöсы*, *jасы*, можетъ для насъ служить доказательствомъ того, что мадьярское „gy“ ставилось въ началѣ тѣхъ именно чувашскихъ реченій, которыя начинались съ звука j[15]). Отсюда заключаемъ, что чувашское слово „ҕакан“, палочникъ, въ болѣе древнюю эпоху должно было произноситься* „йекен“ (*jэгэ́н*), и въ этомъ своемъ видѣ и вошло къ мадьярамъ въ формѣ gyékény. Такимъ образомъ современное *ӳ* въ этомъ чувашскомъ словѣ должно быть сравнительно новаго происхожденія, болѣе новаго, чѣмъ чувашское *ć*, отразившееся въ мадьяр. словахъ szél, szűcs и szőllő[a]). Если бы обще-тюркскій начальный *j*, въ эпоху заимствованія мадьярами чувашскихъ словъ, переходилъ въ чув. языкѣ также и въ *ӳ*, *ӳ*, то слѣды этого должны бы были сохраниться въ мадьярскомъ языкѣ; однако мы ихъ въ немъ не знаемъ. Въ соотвѣтствіе тюркскому *j* мы встрѣчаемъ въ началѣ принятыхъ мадьярами чув. словъ только звуки *sz* и *gy* (или долгое í, гдѣ стояло тюркское ji или $j\dot{i}$), но ни одинъ изъ этихъ звуковъ, какъ мы видѣли, чувашскаго *ӳ* или *ӳ* выражать не могъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ заклю-

---

[a]) Замѣчательно, что чувашская форма, промежуточная между „*йекен“ и „ҕакан“, сохранилась въ вотскомъ языкѣ, въ видѣ *ćакан*, „bastmatte“. См. Munkácsi B., Idegen elemek a votják nyelvben, NYK, XVIII k., 1 f., 120 l.

чить что переходъ обще-тюркскаго *j* въ чув. *ӳ* или *ӵ* (ҕ) нужно считать явленіемъ болѣе поздняго происхожденія.

Въ Шибулгинской волости Цивильскаго уѣзда мы знаемъ одну чувашскую деревню, извѣстную подъ именемъ Çăваç (*ćы-вać*); можетъ быть мѣстность, гдѣ теперь расположена эта деревня, была нѣкогда заселена другою народностью, и, составляя такимъ образомъ отдѣльную чувашскую колонію, помѣстившуюся среди населенія иного происхожденія, и была отмѣчена подобнымъ наименованіемъ въ отличіе отъ другихъ сосѣднихъ селеній, принадлежавшихъ другому племени. Если мы знаемъ и другія чувашскія селенія, названія которыхъ обличаютъ и понынѣ ихъ древнее не чувашское происхожденіе [напр. Ирçе (*Ирзэ́э*), названіе чув. деревни Козм. у., имя которой обязано своимъ происхожденіемъ повидимому нѣкогда жившей тамъ мордвѣ-эрзѣ (по-чув. ирçе—*эрзя*); *Пошкӳрт*, назв. чув. села того же уѣзда, гдѣ, по преданію, когда-то жили башкиры (чув. пушкăрт — башкиръ); Мишер-Касси (*мижэр-габбы*), имя чув. дер. Курм. у., отъ чув. мишер (*мижэр*), мещерякъ, и пр. и пр.],—то я не вижу основаній не допустить, что подобное же явленіе могло имѣть мѣсто также относительно названій деревень съ чисто чувашскимъ населеніемъ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ той же самой волости, къ которой принадлежитъ дер. „Çăваç“, есть другое селеніе, Пăртас (*Пӳрдăс*), указывающее своимъ названіемъ на другой народъ, нѣкогда враждовавшій съ волжскими болгарами, а именно нынѣ уже исчезнувшихъ буртасъ.

Допустивъ за всѣмъ здѣсь сказаннымъ нѣкоторую долю вѣроятности и принявъ за возможную тождественность словъ *суас* и „ҕăваш“, мы все-таки будемъ принуждены остановиться передъ трудною загадкою: почему луговые черемисы могли окрестить чувашами столь отъ нихъ въ наше время отличающихся татаръ? По моему мнѣнію, отвѣтъ на подобный вопросъ можетъ быть одинъ, и именно тотъ, что современные намъ чуваши представляютъ изъ себя не что другое, какъ прямыхъ потомковъ волжскихъ болгаръ, и что черемисы,

обозначая ихъ именемъ *суас*, впослѣдствіи перенесли это имя и на татарскихъ завоевателей края, которые, унаслѣдовавъ то политическое значеніе, какое сначала принадлежало болгарамъ, и отчасти и ихъ культуру и принявъ исламъ, стали потомъ сами приписывать себѣ болгарское происхожденіе. Такое перенесеніе племенного наименованія съ одной народности на другую было тѣмъ болѣе возможно, что сліяніе полудикихъ пришельцевъ съ культурными болгарами (мусульманами) совершилось съ медленною постепенностью, и прежнее болгарство совершенно незамѣтно подмѣнилось татарствомъ.

Въ видѣ дополненія къ здѣсь сказанному остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ настоящее время, какъ это извѣстно, черемисы, живущіе на правомъ берегу Волги, называютъ чувашъ сложнымъ наименованіемъ *суасла марій*, т. е. черемисами на „суасскій“ ладъ. Это названіе указываетъ ясно, что слово *суас* первоначально не означало *татарина*, такъ какъ чуваши, какъ исконные жители края, несомнѣнно были извѣстны черемисамъ ранѣе позднѣйшихъ пришельцевъ татаръ, а потому и не могли получить свое названіе отъ сравненія съ послѣдними. Переводить выраженіе *суасла марій* словами: „черемисы на татарскій ладъ“—было бы большою нелѣпостью, и поэтому, объясняя это выраженіе, можно придти только къ тому заключенію, что оно первоначально означало *очувашившихся черемисъ*, а впослѣдствіи было перенесено и вообще на чувашъ. Произошло это, вѣроятно, по той причинѣ, что горные черемисы имѣли сношенія только съ своими очувашившимися собратіями, жившими къ нимъ въ непосредственной близости, тогда какъ съ коренными чувашами имъ приходилось сталкиваться рѣже. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что самаго слова *суас*, помимо термина *суасла марій*, горные черемисы теперь уже не имѣютъ и внутренняго смысла выраженія „суасла марій“ не понимаютъ[16]). Что касается казанскихъ татаръ, то послѣдніе извѣстны горнымъ черемисамъ не подъ названіемъ *суас*, какъ у луговыхъ черемисъ, а подъ

именемъ *тадар*,[a]) самая форма котораго (по измѣненію глухого *т* между двумя гласными въ звонкое *д*) безспорно доказываетъ, что оно перешло къ черемисамъ не непосредственно, а только путемъ передачи отъ живущихъ по сосѣдству съ ними чувашъ[17]), у которыхъ татары называются „тотар“ (чит. *тодар*).

III.

Для сужденія о языкѣ древнихъ болгаръ мы имѣемъ весьма мало прямыхъ показаній; до насъ не дошло ни одного произведенія, на немъ написаннаго, хотя нѣкоторыя данныя, какъ мы уже видѣли, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что литературныя и научныя занятія не были чужды болгарамъ, обитавшимъ на Волгѣ. Памятники болгарскаго языка (если не считать тѣхъ словъ, которыя проникли отъ болгаръ въ языки другихъ народовъ), ограничиваются лишь весьма скудными остатками, къ которымъ нужно отнести: 1) рѣдкія слова, оставшіяся отъ языка гунновъ; 2) нѣкоторыя наименованія, сохранившіяся отъ древнихъ дунайскихъ болгаръ; 3) имена болгарскихъ кагановъ, переданныя намъ греческими авторами и сохранившіяся въ болгарскомъ именикѣ; 4) рѣдкія болгарскія слова, встрѣчаемыя въ русскихъ лѣтописяхъ и у арабскихъ писателей и 5) надписи на надгробіяхъ, существующихъ въ с. Болгарахъ и другихъ мѣстахъ. Попробуемъ разобраться въ тѣхъ показаніяхъ, какія даютъ намъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ.

1. Отъ языка гунновъ мы имѣемъ слѣдующія слова, звуковое строеніе которыхъ заставляетъ думать о ихъ близости къ чувашскому языку:

Var (*Вар*). Мункачи первый замѣтилъ, что это имя, которымъ, по свидѣтельству Іорданиса, гунны называли рѣку Днѣпръ (а по другимъ спискамъ—его притоки), являетъ въ своемъ строеніи признаки того самаго нарѣчія, изъ котораго мадьяры позаимствовали тюркскіе элементы своего языка.

---

[a]) Звукъ *а* перваго слога—особенность горно-черем. фонетики; срав. чув. *хола*, городъ, и горно-черем. *хала*, луг.-чер. *ола*; горн.-чер. *шаӡал*, луг.-чер. *щоӡал*, встань, и пр.

Какъ мы знаемъ, на другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ р. Днѣпръ носитъ названіе *Ӧзӱ* или *Ӱзӱ* [срав. въ другихъ нарѣчіяхъ *ӧзӓк*, *ӧзӧк*, „внутренность, чрево; грудь или брюхо (вмѣстѣ); рѣчка"; *ӧзӓн*, *ӧзӧн*, „сердцевина (дерева"); *ӧзӱ*, „мѣсто подъ ложкой (на груди)" *ӱзӱ*, „внутренность, нутро"[a]); каз.-тат. *ӱзӓн*, низменный, долина, *ӱзӓк*, сердцевина въ деревѣ и въ растеніяхъ; башк. *ӱδӓк*, сердцевина, долина въ горахъ, *ӱδӓн*, русло рѣки; киргиз. *ӧзӓк*, сердцевина дерева и др. растеній; узкая рѣчка; пищепроводъ; *ӧзӓн*, рѣка, рѣчка], и совершенно правильнымъ измѣненіемъ этого названія, основаннымъ на звуковыхъ свойствахъ языка, представляется чувашское *вар*, долина, средина, чрево, совершенно созвучное съ указаннымъ выше гуннскимъ словомъ. Первоначальное значеніе этого слова, очевидно, было: *углубленіе*, *внутренность*, *нутро*, а потомъ оно пріобрѣло и другія значенія, всецѣло вытекающія изъ перваго. Относительно звуковыхъ измѣненій здѣсь можно сравнить: тур. *ӧд*, каз.-тат. *ӱт*, чув. *ват*, желчь; каз.-тат. ӧлӓ̥ш, чув. валеç (*вал́эс́*), дѣли; каз.-тат. бөз, чув. пӑр (*пӧр*, *пы̆р*), ледъ; каз.-тат. сӧз, чув. сӗр (сӧ̆р, сэ̆р), цѣди.

Замѣтимъ, что наряду съ словомъ *вар*, долина, мы имѣемъ въ чув. языкѣ и другое слово—васан (*вазан*), лощина, откуда прилагательное васанлӑ (*вазанлы̆*), лощинистый; послѣднее слово любопытно въ томъ отношеніи, что оно доказываетъ весьма наглядно тотъ смѣшанный характеръ фонетическихъ явленій, который уже давно замѣченъ изслѣдователями въ языкѣ чувашъ. Принявъ во вниманіе перечисленныя выше тюркскія слова, не трудно замѣтить, что слово „васан" того же самаго происхожденія, что и слово „вар": какъ то, такъ и другое отмѣчены явною печатью своеобразной чувашской фонетики, съ тою только разницею, что обще-тюркское зубное *з* въ словѣ „васан" (чит. *вазан*), не превращено, какъ это обыкновенно бываетъ у чувашъ, въ альвеолярное *р*, а осталось безъ всякаго измѣненія. Какъ тюрк. слово *кӱз*, глазъ, звучитъ въ чув. языкѣ куç (*кус́*), а не *кур*, какъ мы предполагали бы

---

[a]) См. „Словарь алт. и аладаг. нарѣчій тюрк. яз." В. Вербицкаго.

по многочисленнымъ аналогіямъ, такъ и отъ тюрк. *ӱзӓн, ӧзӓн*, долина, рѣчка, мы могли бы ожидать въ чув. языкѣ формы *варан*, а не „васан“. Обѣ эти формы, какъ дѣйствительно существующая въ языкѣ „васан“, такъ и вытекающая изъ аналогіи **варан*, для насъ весьма важны, такъ какъ позволяютъ намъ сдѣлать попытку къ объясненію нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ землѣ волжскихъ болгаръ. По описанію болгарскаго городища, составленному въ XVIII в. и приведенному въ сочиненіи С. М. Шпилевскаго „Древніе города и др. булгар.-татар. памятники въ Казан. губ.,“ мы находимъ въ окрестностяхъ с. Болгаръ два слѣдующихъ названія, объясненіе которыхъ можно найти въ современномъ чув. языкѣ: 1) названіе озера *Еганъ-Базана* и 2) названіе озера *Щербецкаго*. Послѣднюю часть перваго названія, *Базанъ*, я произвожу отъ только что указаннаго чув. „васан“, а что касается до его первой части, *Еганъ*, то ее можно объяснять различно. Если слово *еганъ* считать за древнюю чувашскую форму, соотвѣтствующую современной ҫакан (*ҫаган*), палочникъ, typha (срав. горно-черем. *ҫӓгӓн*, осока, мадьяр. gyékény, палочникъ; алт. jäkän, тростникъ; каз.-тат. ҫікän, палочникъ), то можно думать, что названіе *Еганъ-Базанъ* означало на языкѣ древнихъ болгаръ *лощину или рѣчку, заросшую палочникомъ*, и соотвѣтствовало чувашскому выраженію „ҫакан васанӗ“ (*ҫаган вазаӈӗ*); если же допустить, что реченіе *еганъ* есть не что другое, какъ измѣненное русскою орѳографіею чувашское слово йохан, йухан (*joḫan, juḫan*), текущій (прич. отъ глаг. йух, йох, *течь*), тогда названіе озера должно означать *проточную ложбину*[a]).

Что опредѣленіе „йухан“, *текущій*, иногда присоединяется у чувашъ къ нарицательнымъ именамъ, означающимъ *рѣчку*, доказывается, напр., слѣдующимъ чувашскимъ четверостишіемъ:

Ҫӗлтӗр йухан ҫырмана
Ҫӗнтер карса ҫартӑмӑр;

---

[a]) Послѣднее предположеніе мнѣ кажется вѣроятнѣе. Можно думать, что озеро Еганъ-Базанъ, нынѣ уже не существующее, представляло собою остатокъ прежней рѣчки.

Хĕрпе хĕре çийекене
Вăййа тухми турăмăр.
[*Ц'ӘЛ́дӘр jуhан ćирмана*
Ц'ӘН́дӘр гарза ц́арды̆мы̆р;
Х'ӘрбӘ h'ӘрӘ ćиjӘгӘН́Ә
Вы̆jjа духми туры̆мы̆р].

„Текущую съ журчаніемъ рѣчку мы остановили, протянувши кружево; у тѣхъ, кто злословитъ о дѣвушкахъ съ другими дѣвушками, мы отняли возможность выходить въ хороводъ“.

Что касается названія озера Щербецкаго, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, могло получиться отъ чув. слова „шерпет“ (чит. шӘрбӘт, шӘрбӘт́), заимствованнаго изъ араб. языка (араб. شربة напитокъ) и означающаго у чувашъ сыту. Сравненіе вкусной рѣчной воды съ медовой сытой мы встрѣчаемъ и въ чувашскихъ народныхъ пѣсняхъ, напр. въ слѣдующей застольной:

Улăхрăм çӳлĕ тăв çине,
Антăм Йаруслав шывĕ çине;
Йаруслав шывĕ шерпет шыв,
Ӳпне выртса шыв ĕçрĕм.
[*Улы̆хры̆м ćӳ́лӘ̆ ды̆в з́ин́Ә*,
Анды̆м Jаруслав жывӘ̆ з́ин́Ә;
Jаруслав жывӘ̆ шӘрбӘт шыв,
Ӳ́пн́Ә выртса шыв ӘćрӘм].

„Поднялся я на высокую гору, спустился на Яруславъ рѣку. Яруславская[18]) вода—какъ сыта, припалъ я къ водѣ и напился“.

Возвращаясь къ названной выше формѣ* *варан*, которую можно было ожидать вмѣсто употребляемой теперь „васан“, я не могу пройти молчаніемъ названіе рѣки *Барана*, праваго притока р. Майны, на берегахъ котораго замѣтны до сихъ поръ слѣды старинныхъ городковъ. Весьма вѣроятно, что нынѣшнее названіе рѣки—Баранъ—есть древне-болгарское слово, лишь нѣсколько видоизмѣнившееся въ устахъ русскаго человѣка подъ вліяніемъ такъ называемой народной этимологіи. Точно такое же явленіе мы замѣчаемъ и въ словѣ *Базанъ*,

которое уже было нами упомянуто выше. Перемѣна болгарскаго *в* на *б* въ томъ и другомъ случаѣ заставляетъ предполагать, что или эти слова перешли въ русскій языкъ не непосредственно, а черезъ татаръ, или же, что звукъ *в* въ началѣ болгарскихъ словъ произносился не совсѣмъ такъ, какъ онъ произносится у нынѣшнихъ чувашъ[a]).

Аттила. Имя этого гуннскаго вождя нѣкоторые производятъ отъ тюрк. „ädi̥л, idi̥л“, чув. атăл (*адӣл*), большая рѣка, Атăл, Волга. У греческихъ авторовъ его имя пишется *Ἀττήλας* и *Ατήλας*, у латинскихъ—Attila, тогда какъ Волга называется у первыхъ *Ἀττίλας* или *Ἄτελ*. Если допустить, что имя одного изъ сыновей Аттилы, *Δεγγιζίχ*, происходитъ отъ тюрк. дінгi̥з, дäñiз, чув. тинĕс (*т́ин́ӡ*с, т*ин́ӡ*с, т*єн́ӡ*с), море, то происхожденіе имени самого вождя отъ вышеупомянутаго тюркскаго наименованія рѣки нужно признать вполнѣ возможнымъ.

Здѣсь представляется умѣстнымъ обратить вниманіе на греческую передачу тюркскаго названія рѣки Волги—*Ἄτελ* или *Ἀττίλας*. [b]) Мнѣ кажется, что появленіе въ этомъ переданномъ намъ греческими писателями тюркскомъ словѣ глухого *τ* вмѣсто звонкаго *δ* объясняется звуковыми особенностями того тюркскаго нарѣчія, откуда было взято это слово. Какъ извѣстно, соотвѣтствующая особенность свойственна нарѣчію чувашскому, которое не имѣетъ въ числѣ своихъ звуковъ многихъ звонкихъ согласныхъ; напр., въ немъ отсутствуютъ звуки *б*, *з*, *г*, *д*, *ж*, а есть только нѣчто подобное этимъ звукамъ, что-то среднее между *п* и *б*, *с* и *з*, *к* и *г*, *т* и *д*, *ш* и *ж*. Отраженіе сказаннаго свойства языка я вижу и въ приведенныхъ здѣсь греческихъ словахъ, а также и въ томъ имени, которое носитъ Волга у арабовъ—اتل, и предполагаю, что то нарѣчіе, изъ котораго почерпнуты эти наименованія, по своему звуковому строю стояло очень близко къ чувашскому языку. На томъ же самомъ основаніи я думаю, что арабское اتل

[a]) Однако всего скорѣе здѣсь можно заподозрить вліяніе народ. этимологіи, а именно созвучія съ рус. словами *баранъ* и *базанъ* (=крикунъ, „зѣвло́“).

[b]) У Рубруквиса—Etilia.

должно было прозноситься съ *фатхой* алифа (أَنِل), а не съ *касрой* (إِنِل), какъ у насъ обыкновенно принято читать это слово.

Kerka (*Керка*). Это имя, которое носила любимая жена Аттилы, возможно сравнивать съ чувашскимъ языческимъ именемъ Хĕркке (*х́ӗ*ркк*э*)[a]. Послѣднее имя происходитъ отъ слова „хĕр", дѣвушка, соотвѣтствующаго обще-тюркскому *kыз*; что же касается окончанія „ке*, кке" (широкозвучная форма— „ка, кка"), то оно, въ качествѣ диминутивнаго аффикса, встрѣчается и въ другихъ чувашскихъ личныхъ именахъ, каковы женскія: Серт̆укка (с*э*рд*укка*), Минкке (м*ин́*кк*э*), Пинеркке (п*ин́э*ркк*э*), Уљукка (*Ул́укка*), Уњукка (*Ун́укка*), Уњуркка (*Ун́уркка*) и мужскія: Йуманкка (*јуманкка*), Куракка, Петĕркке (п*э*д*ӗ*ркк*э*), Йаруска (*јаруска*) и др. Кромѣ имени Хĕркке мы знаемъ у чувашъ и другія личныя женскія имена, произведенныя отъ того же самаго слова хĕр (*х́ӗ*р); сюда относятся: Хĕрпик (*х́ӗ*рб*и*к), Хĕрпикке (*х́ӗ*рб*и*кк*э*), Хĕрђеней (*х́ӗ*р*ζэн́эј*), Хĕрислу (*х́ӗ*р*ислу*), Хĕртилет *х́ӗ*рд*ил́э*т) и пр.

2. Въ числѣ наименованій, сохранившихся отъ языка дунайскихъ болгаръ, замѣчу слѣдующія:

Κανας, καννας, κανες, соотвѣтствуетъ тюркскому *kaҕан*, *kaан*, *kан*, *хан*; въ чувашскомъ языкѣ это слово встрѣчено мною въ отдѣльности лишь въ верховомъ нарѣчіи, въ формѣ *хон*, ханъ [тотар хон (*тодар ћон*, вм. *тодар ћон́ӗ*) татарскій ханъ], откуда черем. *он*. Въ низовомъ нарѣчіи оно встрѣчается только въ сложныхъ названіяхъ какихъ-то двухъ мнѣ неизвѣстныхъ мѣстъ, Шур-Хун и Сар-Хун (*Шурћун*, *Сарћун*), которыя буквально означаютъ: *Бѣлый-Ханъ* и *Русый-Ханъ*. Въ числѣ чувашскихъ божествъ, призываемыхъ въ с. Сунчелеевѣ Чист. у Каз. губ., упоминается, между прочимъ, Шур-Хунта выртакан ырă амăшĕ, Шур-Хунта выртакан ырă (*Шур-*

---

[a]) Записано въ дер. Рысайкинѣ Бугуруслан. у. Самар. г. Языческія имена чувашъ разныхъ мѣстностей я предполагаю издать отдѣльно.

ħунда вырдаган ыр'амы̆жэ̆, Шурħунда вырдаган ыры̆), „мать святого, почивающаго въ Шуръ-Хунѣ, святой, почивающій въ Шуръ-Хунѣ“, и Сар-Хунта выртакан ырă амăшĕ, Сар-Хунта выртакан ырă (*Сарħунда вырдаган ыр' амы̆жэ̆, Сарħунда вырдаган ыры̆*), „мать святого, почивающаго въ Саръ-Хунѣ, святой, почивающій въ Саръ-Хунѣ“.

Υβιβη, υβηγη, υβιγι, υβυγη. Этотъ титулъ болгарскихъ князей, встрѣчающійся въ четырехъ довольно различныхъ редакціяхъ, Томашекъ считаетъ тождественнымъ съ половецкимъ öweghü, öwghü, *высокій, славный*; но такъ какъ по общему правилу тюркскаго словосочиненія опредѣленіе ставится всегда раньше опредѣляемаго, чего мы не видимъ, напр., въ сочетаніи *'Ωμορταγ κάννας υβιβη*, то такое объясненіе слѣдуетъ считать неправильнымъ. Имѣя въ виду возможность смѣшенія въ древнемъ письмѣ греческихъ буквъ *β, γ* и *μ*, я рѣшаюсь сдѣлать предположеніе, не прочитано ли это слово ошибочно, и не слѣдуетъ ли на надписяхъ читать *υμβυ* или *υμβι*. Въ верховомъ нарѣчіи чув. языка слово ĕмпӳ (*ӧ̆мбӳ*) означаетъ *царя*. Это слово, какъ я уже однажды имѣлъ случай разъяснить, происходитъ отъ тюрк. *ӧн*, великій и *пī*, князь, и такимъ образомъ первоначально означало главнаго изъ князей. Низовые чуваши слова „ĕмпӳ“ уже не знаютъ, и замѣняютъ его татарскимъ *патша*. Приведенное выше эллинизированное выраженіе, *'Ωμορταγ κάννας υβιβη* могло по-болгарски значить: *ханъ и верховный повелитель Омортагъ*. Предлагаемое здѣсь мною объясненіе, разумѣется, имѣетъ лишь условное значеніе, и можетъ быть или подтверждено или опровергнуто тѣми, кто имѣлъ возможность познакомиться съ подлинными надписями или ихъ точными снимками.

Βαιανός, ΒαΤβαιᾶν. Имя *βαιανός,—βαιᾶν* вѣроятно соотвѣтствуетъ тюркскому *бай*, богатый, которое нерѣдко входитъ и въ составъ личныхъ именъ. Въ современномъ чув. языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ прилагательное пойан, пуйан (*појан, пујан*), такъ какъ тюрк. *а* перваго слога у чувашъ измѣнилось почти вездѣ въ *о* или *у*. У вотяковъ[a]) мы находимъ слово

[a]) Въ с. Малыхъ Лызяхъ Казан. уѣзда.

Баjан въ значеніи личнаго женскаго имени, можетъ быть заимствованнаго ими отъ волжскихъ болгаръ; тоже самое имя встрѣчается и въ извѣстномъ древне-русскомъ литературномъ памятникѣ: „Слово о полку Игоревѣ“. Сочетаніе *ΒαΤβαιᾶν* J. Marquart предлагаетъ читать *ΒαΓβαιᾶν*=bäg Bajan.

Καμπαγάνος, Παγάνος, βαγαινος. Первое имя, какъ замѣтилъ J. Marquart,—сложное изъ *Καν Παγάνος*; второе и третье слова какъ будто имѣютъ одно общее происхожденіе. Имя *Παγάνος* можно производить отъ тюрк. *пак*, современнаго чув. пăх (*пых*), смотрѣть, наблюдать. По-чувашски пăхан (*пыһан*) есть причастная форма, въ значеніи: „смотрящій, наблюдающій“, а въ нѣкоторыхъ верховыхъ говорахъ это причастіе употребительно въ смыслѣ *округа, подлежащаго чьему-либо завѣдыванію* или *церковнаго прихода.* То же самое причастіе входитъ въ названіе одного чувашскаго божества, записанное В. К. Магницкимъ въ источной транскрипціи *Пыпыт-пыган* (слѣдуетъ: *пыһыт-пыһан*, пăхăт-пăхан?) и переводимое имъ въ одномъ мѣстѣ словами: „видящій отдаленное“, а въ другомъ выраженіемъ: „частный смотритель за моленіемъ чувашъ (!)“.

Самъчи, самъчиԥ, „домоправитель“. Это болгарское слово я произвожу отъ древне-чув. **сам*, число, счетъ, сохранившагося въ мадьярскомъ szám, имѣющемъ то же самое значеніе. Въ нынѣшнемъ чув. языкѣ это слово произносится *сум* и употребляется также въ нѣкоторыхъ сложныхъ выраженіяхъ, каковы: сума-су (*сума-зу*), „въ счетъ класть“, почитать, уважать; сум кăлар (*сум гылар*), высчитывать, сосчитывать [19]). Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ слово *число* произносится *сан*: переходъ конечнаго *н* въ *м* въ словахъ *самъчи, самъчиԥ, szám, сум* представляетъ характерную особенность чувашскаго языка. Слова самъчи, самъчиԥ (въ греческой передачѣ *Σαμψις, σαμψής*), гдѣ чи, чиԥ—тюрк. афф. имени дѣйствующаго чы, чi, чув. çă, çĕ (*сы, сэ*), могли первоначально означать *лицъ, завѣдывавшихъ отчетностью.*

Αλτζιϰ (Алцикъ). Имя этого болгарскаго вождя напоминаетъ названіе одной чувашской деревни Буинскаго у. Альшиховой, по чув. Алших (*Алжих*), которое, какъ и вообще

названія многихъ селеній чувашскаго края, могло вначалѣ употребляться въ значеніи личнаго имени [20]).

3. Имена болгарскихъ кагановъ, переданныя намъ греческими авторами и сохранившіяся въ болгарскомъ именикѣ.

Кувратъ (Κούβρατος). При имени этого болгарскаго князя вспоминается названіе одной деревни Каз. губ., Кубердѣевой, иначе Кривуши [a]). Какъ то, такъ и другое слово я произвожу отъ тюрк. kөт, у чувашъ Белеб. у. Уфим. губ. заимствованное кăт (*кы̆т*), присутствіе духа, благополучіе, счастье, козм. чув. хăт (*хŏт*), приглядность, и тюрк. бірді̥, берді̥, пäрді̥, соврем. чуваш. паҕĕ (*паʒ́ӗ, пац̆ӗ, парцӗ*), онъ далъ. Сложныя имена, послѣднею частью которыхъ служитъ глагольная форма *онъ далъ*, въ восточныхъ нарѣчіяхъ встрѣчаются нерѣдко.

Исперихъ или *Аспарухъ (Ἀσπαρουχ).* Такъ какъ греки, не имѣя особой буквы для обозначенія звука *ш*, неизбѣжно должны были изображать его другими знаками, то, имѣя въ виду, что окончаніе *yk* встрѣчается въ тюркскихъ именахъ въ значеніи диминутивнаго аффикса, я позволяю себѣ сравнивать это имя съ тюркскимъ именемъ *Ішпäрді̥ или *Äшпäрді̥, перешедшимъ, въ числѣ многихъ тюркскихъ личныхъ именъ, и къ луговымъ черемисамъ. Такъ, въ статьѣ „Епископъ на языческомъ мольбищѣ у черемисъ“, напечатанной въ № 19 Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1901 г., между прочимъ встрѣчаются черемисскія языческія имена *Актай Актамовъ* и *Ишпирда Ишкуатовъ.* Имя „Ишпирда“ сложено изъ двухъ словъ: „іш“=казан. тат., башкир. *іш*, равный, подобный, товарищъ; многочисленность; чув. йыш (*јыш*) семья, люди; йышши, йышшĕ (*јы*шш*и*, *јы*шш*ӗ*), подобный чему либо, ун йышши, подобный ему; йышлă (*јышлы̆*), многочисленный; въ словарѣ В. Вербицкаго äш, товарищъ; *äс*, *іс*, имѣніе, и „пірді̥“ [каз.-тат., башк. „бірді̥“, кирг. „берді̥“, чув. паҕĕ (*паʒ́ӗ, пац̆ӗ*), алт. „пäрді̥“, абакан. „пірді̥“], *онъ* (т. е. Богъ) *далъ.*

---

[a]) Шпилевскій, 405 с.

Тервель (*Τέρβελις*). Начальный слогъ этого слова напоминаетъ намъ каз.-тат. „Тәнгрі̣“, *Богъ*; „тәрі̣“, *икона*; адерб. „Тарі“, *Богъ*; чув. турă (*турꙑ*), богъ, торă (*торꙑ*), богъ, икона. Это слово, первоначально означавшее у тюркскихъ племенъ *небо*, можетъ входить также въ составъ личныхъ именъ. Чувашское „турă“ представляетъ изъ себя позднѣйшее измѣненіе тюркскаго „тәнгрі̣“, такъ какъ выпаденіе небно-носового звука *нг* въ срединѣ тюркскихъ словъ и замѣна первоначальнаго узкаго *э* широкимъ *а*, а потомъ превращеніе послѣдняго звука въ *у* суть явленія, не чуждыя чувашской фонетикѣ. Такъ, напр., вм. джагат. „кызынгыз“, *ваша дочь*, чуваши произносятъ: „хĕрĕр“ (*хʼӘрӘр*), вм. „кілдінгіз“, *вы пришли*,—килтĕр (*кил́дӘр*, *кил́дʼӘр*); вм. каз.-тат. „тәртә“, *оглобля*, —турта, торта (*турда*, *торда*), вм. кәкі̣рі̣, кривой,—кукăр, коккăр (*кугꙑр*, *коккꙑр*) и пр.

Вторая часть имени князя, *вель*, *βελ-ις*, могла въ дѣйствительности произноситься *бэл*, такъ какъ греки временъ Византіи уже не имѣли въ своемъ языкѣ звука *б* и потому, если онъ встрѣчался въ словахъ иностраннаго происхожденія, то замѣняли его звукомъ *в* (*β*). Слово bély (*бӘл́*), въ смыслѣ *знакъ*, мы находимъ въ современномъ мадьярскомъ языкѣ; но слово это не чисто-мадьярское, а заимствованное изъ того же самаго источника, откуда мадьяры взяли значительную часть тюркскихъ элементовъ своего языка, т. е. изъ того нарѣчія, которое носило въ себѣ отпечатокъ звукового строя, свойственнаго чувашскому языку. Въ другихъ тюрк. нарѣчіяхъ слово „знакъ“ встрѣчается въ формѣ: белгі̣ (кирг.), білгі̣ (каз.-тат., башкир.), пäлгі̣ (алт.), а въ современномъ чувашскомъ нарѣчіи оно произносится въ тетюш. гов. палă (*палꙑ*), паллă (*паллꙑ*) и въ прочихъ говорахъ паллă (*паллꙑ*). Звукъ *а* въ этомъ чувашскомъ словѣ, конечно, не первоначальный, но, по извѣстному фонетическому обыкновенію, получился изъ болѣе ранняго узкаго *э* (=франц. *è*): древніе чуваши должны были произносить его не палă (*палꙑ*), а *пелĕ (*пӘл́Ӛ*), и въ этой то формѣ это слово и перешло въ языкъ мадьярскій, въ ту эпоху, когда еще существовало болгарское

вліяніе на мадьяръ, т. е. во всякомъ случаѣ не позднѣе IX вѣка. Такимъ образомъ, имя болгарскаго князя, какъ мы видимъ, соотвѣтствуетъ въ точности тюркскому Тäнгрі̥-білгі̥ (сі̥), титулу одного тюркскаго хана, упоминаемаго въ Орхонскихъ надписяхъ, и въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: *Божій знакъ*. Въ современномъ чув. языкѣ реченіе „Божій знакъ“ произносится Турă палли (*Турӑ баллиш*) и имѣетъ значеніе *родинки, родимаго пятна*[a]). Послѣднее обстоятельство даетъ намъ твердую основу для объясненія страннаго имени болгарскаго князя. Какъ извѣстно, у нынѣшнихъ чувашъ, такъ же, какъ и у татаръ, существуетъ обыкновеніе давать тѣмъ изъ дѣтей, которыя родятся съ какимъ-либо знакомъ на тѣлѣ, особыя имена, произведенныя отъ слова, означающаго родинку; таковы, напр., каз.-тат. имена: Мінлі̥ (Мінні̥) Ҕалī (*Али съ родинкой*) и Мін-Ҷамал (жен. имя). Въ „Татарско-русскомъ словарѣ“ Н. Остроумова указаны два слова: мінкä и мінні̥кäj; первымъ татары называютъ женщину съ бородавками, а вторымъ—такого же мужчину. Въ объясненіе этихъ словъ тамъ же сказано: „Существуетъ повѣрье, что названія „мінкä“ и „мінні̥кäj“ способствуютъ уничтоженію бородавокъ“. Среди языческихъ именъ, употребляемыхъ и до сихъ поръ чувашами, встрѣчаются нѣкоторыя имена, очевидно произведенныя отъ тат. мін, *родинка* (бородавка); таковы мужскія имена: Миӈук (м*ин́ук*), Минлеккей (м*ин́лэ*кк*эj*), Минлипай (м*ин́либаj*) и женскія: Минкке (м*ин́*кк*э*), Миӈаслу (м*ин́аслу*), Минеҫ (м*ин́эс́*), Минеҫпи (м*ин́эс́*п*и*), Миннипикке (м*ин́ни*б*и*кк*э*) и Минйамал (м*ин́jамал*, отъ مينك جمال). По разсказу одного чувашина, уроженца с. Лѣсныхъ Кошекъ, Буин. у. Симб. губ., на его родинѣ была одна женщина-чувашка, по имени „Минкке“, которой это имя было дано по той причинѣ, что у нея на тѣлѣ были отъ рожденія какіе-то рубцы. Обычай давать новорожденнымъ подобныя имена, основанный

---

[a]) Ср. морд.-каратайское „täрі̥-тамга“, id. Paasonen, Die sogenannten Karataj - Mordwinen od. Karatajen. Helsingfors, 1902, s. 38.

на извѣстныхъ суевѣрныхъ воззрѣніяхъ, вѣроятно существуетъ и у другихъ тюркскихъ народовъ.

Севаръ. Считая *ар* тѣмъ же самымъ глагольнымъ аффиксомъ, какой мы замѣчаемъ въ чув. языческомъ имени *Туктар*, отъ тюрк. глагола *тукта*, чув. тăхта (*тӑхта*), остановиться; быть живучимъ [срав. чув. муж. имена: Тăхтамăш (*Тӳхтамӳш*), Тăхтаман (*Тӳхтаман*), Тăхти (*Тӳхтиы*)], можно предположить, что имя князя Севара произошло отъ гл. **сăв* (современ. чув. *сав*, осман. *сăв*), „любить“ и означаетъ въ переводѣ: *любимецъ*. Здѣсь умѣстно привести для сравнія каз.-тат. „сөйәркä“, любовникъ, любовница, гдѣ *кä* диминутивное окончаніе, прибавленное къ основѣ сөйәр, соотвѣтствующей въ осман. языкѣ формѣ *сăвăр*. Къ корню *сав*, *сăв*, любить, можно отнести и болгарское *Σαβινος*, имя зятя князя Кормисоша (J. Marquart, op. cit., 73), которое совершенно равнозвучно съ чув. языческимъ именемъ мужчины Савин (*Савин*).

Вихтунь. Принимая во вниманіе условія греческаго написанія, я читаю это имя *Бихтуан*, гдѣ первая часть *Бих* означаетъ князя (тюрк. бäк, бік, бäj, пī, срав. хазар. *Πεχ*), а вторая *туан* значитъ *рожденный*. Я сильно подозрѣваю, что то же самое реченіе *туан* входитъ также и въ составъ непонятнаго слова بلطوار, встрѣчающагося у Ибнъ-Фадлана. Можетъ быть, вмѣсто чтенія الحس بن شلكى بلطوار было-бы правильнѣе прочесть الحس بن شلكى بكطوان, т. е. *Алмаса, сына Шильки Биктуана*, считая „Биктуанъ“ за родовое имя? У современныхъ намъ язычествующихъ чувашъ мы встрѣчаемъ это слово только въ формѣ „Питукан“ (*пидуган*), т. е. не чисто чувашской, а заимствованной изъ какого-то другого родственнаго нарѣчія, весьма вѣроятно — отъ татаръ, что у чувашъ случается нерѣдко. Что форма Питукан не чисто чувашская, а заимствованная, доказываютъ чувашскія имена „Сартуан“ (*Сардуан*, [а]) изъ *сары*, русый, и *туан*, рожденный) и „Хоратуан“ (*Хорадуан*, изъ *хора*, черный, и того же *туан* [б]), подъ которыми извѣстны двѣ

[а]) Мѣстами—*Сардон*.

[б]) = обще-чув. тăван (*тӳван*).

знаменитыхъ киремети, почитаемыя чувашами западной части Козм. у. Чувашское имя „Хоратуан“ я вижу также въ названіи одной деревни, *Карадуванъ*, упоминаемой у г. Шпилевскаго и находящейся на р. Шошмѣ, на самой границѣ Казанскаго и Малмыжскаго уѣздовъ. Названіе *Карадуванъ* не татарское, это доказывается строеніемъ этого слова: звонкимъ *д* вмѣсто обще-тюркскаго *т* между двумя гласными и замѣною обще-тюркскаго *б* звукомъ *в*. Если бы это названіе происходило изъ каз.-татарскаго или мишарскаго нарѣчія, то оно, какъ извѣстно, произносилось бы не *Карадуванъ*, а „Каратыуҕан“ или „Каратуҕан“. Такимъ образомъ и это слово можно считать также за одинъ изъ немногочисленныхъ остатковъ древняго болгарскаго языка.

Телецъ (Τελέσιος, Τελέτζης). Это болгарское имя звучитъ какъ будто совершенно по-славянски; однако, если мы припомнимъ, напр., странное, во всякомъ случаѣ не русское названіе рѣки *Тельцы* (чув. Тилҫе, *тилз'э*), лѣваго притока р. Свіяги, то славянское происхожденіе имени этого князя можетъ намъ показаться сомнительнымъ.

Кορμέσιος (Кормисошъ). Это имя можно производить отъ чув. кĕрĕм (*к'ӗрӗм*), въ выраженіяхъ: йаш кĕрĕм (*йаш к'ӗрӗм*), ҫамрăк кĕрĕм (*ҫамрăк к'ӗрӗм*), молодецъ, молодой парень, и димин. афф еҫ (*эҫ*), который нерѣдко встрѣчается въ чув. языч. именахъ. Срав. мужскія имена чувашъ: Хĕрлеҫ (*х'ӗрлэҫ*), отъ хĕрлĕ (*х'ӗрлӗ*), красный, Тимĕр (*тимӗр*) и Тимĕреҫ (*тимӗрэҫ*). *Кĕрĕмеҫ могло означать *мальчика*, подобно тому, какъ женское имя „Хĕркке“ (см. выше, *Kerka*) буквально означаетъ *дѣвочку*.

Уморъ и *Омуртагъ (Οὔμαρος; Ὄμουρταγ)*. Въ современномъ чувашскомъ языкѣ имѣются слова: хăмăр (*хӑмӑр*), бурый (діалектически—темнокоричневый) [a]); Хăмартка (*Хӑмартка*), назв. чув. деревни Курм. у. (по-рус. *Кумарка*); ăмăрт-

---

а) Хăмăрлан (*хӑмӑрлан*, чебокс.), нахмуриться, насупиться. Въ д. Шумерлѣ Курм. у., какъ мнѣ передавали, есть чув. фамилія *Хуморовыхъ*.

кайăкĕ (*ы̆мы̆рт-кајы̆гэ̆*), козм. амăрт-кайăк (*амы̆рт-кајы̆к*), орелъ; ăмăрт (*ы̆мы̆рт, ŏмŏрт*), ăмăртлан, опережать (отъ *ум*, передъ): ăмăртса çийет (*ŏмŏртса з'ијэт́*), „ѣстъ, стараясь опередить другихъ“ (осман. *ӧн̄ӱрдӱшмӓк*, стараться опередить другъ друга, *ӧн̄ӱрдӱ*, передовой. (См. словарь اختری کبیر слова: سباق и قدم).

Такъ какъ начальное *х* въ чувашскихъ словахъ [а]) иногда исчезаетъ, чему могутъ служить примѣромъ слова: хăмсан и ăмсан (*хŏмзан, ы̆мзан*), зàриться на что, convoiter; хăвăш и ăвăш (*хы̆вы̆ш, ы̆вы̆ш*), жимолость; *хы̆ла* (козм.), *ола*, ăлав (*ы̆лав*), *лав*, подвода,—то имена „Уморъ“ и „Омуртагъ“ можно производить отъ трехъ основъ: вышеприведенной „хăмăр“, ея неупотребительной разновидности *хăмăрт и *хăмарт, которую мы встрѣчаемъ въ наименованіи дер. Кумарки—Хăмартка. Въ соотвѣтствіе съ двумя первыми формами каз.-тат. нарѣчіе представляетъ намъ два прилагательныхъ: „kөнгөр“, темнорусый, и „kөнгөрт“, коричневый (у крещ. татаръ д. Серды Лаиш. у.); угрюмый (въ словарѣ Остроумова). Что касается имени селенія „Хăмартка“, то здѣсь мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ производнымъ словомъ, въ которомъ „ка“—димин. аффиксъ. Это наименованіе могло первоначально принадлежать человѣку, бывшему основателемъ этой деревни, хотя его смысловое значеніе пока остается загадочнымъ. Въ отношеніи употребленія диминутивнаго аффикса можно сравнить нѣкоторыя изъ мужскихъ именъ, употребляемыхъ язычествующими чувашами, каковы: *Шуркка* (отъ шурă, *шуры̆*, бѣлый), Хураç (*Хурас́*) и Хураçка (*Хурас́ка*), отъ *хура*, черный [б]); Тимĕр (*тимэ̆р*) и Тимĕркке (*тимэ̆ркк*э), отъ „тимĕр“, желѣзо, а также имена прилагательныя: имшер (*имжэр*) и имшеркке (*имжэркк*э), худой, тощій; наҕар (*наζ́ар*) и наҕаркка (*наζ́аркка*), плохой; мăнтăр (*мŏндŏр*) и

а) А также и въ заимствованныхъ греческихъ, ср. *Χουνοί, Οὖννοι*, и *Οὖννοι*, *гунны*.

б) „Хураçка“ также кличка черной собаки (какъ у русскихъ—*Жучка*), отъ *хура*, черный + димин. афф „-*аç*“ + дим. афф. „-ка“.

мăнтăркка (*мӑндӑркка*), толстый, жирный. Болгарское „Омуртагъ“ мы можемъ разложить на элементы: *омурт* + димин. аффф. *аг*, который иногда замѣчается и въ чув. словахъ, напр. въ курм. маçак (*маз'ак*), мой дѣдушка со стороны отца (козм. маçи, *маз'и*), курм. *мамак*, моя бабушка со стороны отца (козм. мами, *мам и*), а также въ язык. именахъ мужчинъ: Исенек (*Изэ́нэк*) [а]), которое происходитъ отъ основы **изэ́н*—алт. *äзäн*, каз.-тат. *ісän*, здоровый [срав. чув. мужскія имена Исентей (*Изэ́ндэj*), Исаннай (*Изамбаj*) и Исанхаҕ (*Изанhаг'*)], и Ахматак (*Ахмад'ак*), отъ Ахмаҭ (*Ахмат*),—и предполагать, что имя *'Ωμουρταγ* (такъ же, какъ и *Οὔμαρος*) могло первоначально имѣть значеніе *темнорусый*.

Что касается чув. слова ăмăрт-кайăкĕ, ăмăрт-кайăк, амăрт-кайăк, „орелъ“, то этимологія первой части этого слова не совсѣмъ ясна. Если предположить, что ăмăрт получилось изъ болѣе ранняго *хăмăрт, то чѣмъ объяснимъ появленіе суффикса прит. 3-го лица въ словѣ кайăкĕ? Если бы ăмăрт было прилагательнымъ, то суффиксальное притяженіе было бы неумѣстно; кромѣ того, звукъ *а* въ началѣ этого слова въ козм. говорахъ какъ будто указываетъ на то, что низовое начальное ă въ формѣ „ăмăрт“ не первоначальное, а позднѣйшаго образованія. Съ первымъ затрудненіемъ однако справиться легче, потому что притяж. суффиксъ могъ здѣсь явиться лишь съ теченіемъ времени, когда отдѣльный смыслъ реченія „ăмăрт“ былъ забытъ и его стали считать за какое-то substantivum, а кромѣ того многіе говоры употребляютъ это слово во всѣхъ падежахъ безъ прит. суффикса (напр. род. „ăмăрт-кайăкăн“ дат.-вин. „ăмăрт-кайăка“, и пр.) [б]).

Если предположить, наконецъ, что имя „Омуртагъ“ есть производное отъ вышеназваннаго глагола „ăмăрт“, то окон-

---

а) —„ак“ и „-ек“—широкозвучная и узкозвучная формы одного и того же аффикса.

б) Однако и здѣсь неупотребленіе аффикса могло быть вызвано его позднѣйшимъ отпаденіемъ, что вообще не чуждо чув. языку. См. „Матеріалы“, стр. 380.

чаніе „*аг*“ можетъ быть объяснено какъ глагольный аффиксъ, образующій имена дѣйствующаго (noms d'agent).

Крумъ (*Κρουμος*). У чувашъ Козмодемьянскаго уѣзда сохранились старинныя личныя имена мужчинъ: Хăрăм (*Хӑрӑм*), происходящее, можетъ быть, отъ нариц. имени хăрăм (*хӑрӑм*), „сажа“, и Кăрăмкай (*Кӑрӑмгаj*), гдѣ—„кай“—димин. аффиксъ [a]).

Οσλα(ν)νας (*Осланъ*). Это собственное имя (см. И. Д. Шишмановъ, Критиченъ прѣгледъ на въпроса за произхода на прабългаритѣ, 661 с.) напоминаетъ тат. осман. *арыслан*, адерб. *аслан*, чув. арăслан (*арӑслан*),* услан, левъ. См. Примѣчанія, 21.

4. Образцы болгарскаго языка, дошедшіе до насъ въ русскихъ лѣтописяхъ и арабскихъ сочиненіяхъ, ограничиваются двумя словами: словомъ *трунове*, о которомъ мы уже имѣли случай говорить выше, и таинственнымъ سجو (сиджу) у Ибнъ-Фадлана, въ которомъ нѣкоторые видѣли не существующую въ русскомъ языкѣ *сычевку*. Такъ какъ, повидимому, то же самое слово встрѣчается и у Ибнъ-Даста, въ начертаніи السج, гдѣ ال—членъ араб. языка (см. А. Гаркави, 261), то, по моему мнѣнію, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, здѣсь можно предполагать искаженіе первоначальнаго текста. Сдѣлавъ лишь незначительное измѣненіе, я читаю это слово سم (*сим*), السم, такъ какъ конечная буква م въ арабскомъ написаніи представляетъ значительную возможность для смѣшенія ея съ конечнымъ ج. Слово „сим“ въ чув. языкѣ составляетъ названіе какого-то напитка, въ наше время, какъ кажется, уже неизвѣстнаго, хотя воспоминаніе о немъ сохранилось и по сію пору въ народной поэзіи чувашъ. Это видно, напр., изъ слѣдующихъ отрывковъ:

Сĕтел лартса, сим лартса
Пĕр ватăсăр килĕшмест.
Пирĕншĕн пуҫланă ишĕкĕр
Пиртен вара сим пултăр;

а) Имена эти записаны И. А. Аѳанасьевымъ.

Пирĕншĕн пĕçернĕ йашку-çăкăру
Пиртен кайран сим йултăр.
[сӘдэл́ *лартса*, сим лартса
пӘр *вадызыр* кил́ӘшмӘст.
пирӘн́жӘн́ *бус́ланы* пиζ́ӘгӘр
пирдэн́ *вара* сим *булдыр*;
пирӘн́жӘн́ бӘз'эрн́Ә *јашку-з'ыгыру*
пирдэн́ *гајран* сим *јулдыр*.]

Когда приготовишь столъ и поставишь „сим“, то не хорошо пировать безъ старыхъ людей. Пусть та бочка, которую вы почали для насъ, послѣ насъ обратится въ „сим“; пусть вмѣсто вашихъ яствъ, приготовленныхъ для насъ, послѣ насъ останется „сим“.

Въ другомъ отрывкѣ можно видѣть еще яснѣе, что слово „сим“ означало именно какой-то вкусный напитокъ:

Сирĕн хăтăрăн хĕрĕх кăшăллă пиҕĕки пур:
Пĕр пăккинҕен сим йухаť,
Тепĕр пăккинҕен пыл йухаť.
[сирӘн́ *ћыдырын х́ӘрӘх́ кыжыллы* пиζ́Әги *бур*:
пӘр *быккин́ζэн́* сим *јућат*,
тэбӘр *быккин́ζэн́ пыл јућат*.]

„У вашего свата есть бочка: изъ одной ея жалейки течетъ медъ, изъ другой жалейки течетъ „сим“.

Иногда также можно встрѣтить въ пѣсняхъ и другихъ произведеніяхъ слово „сим“ въ соединеніи съ словомъ „медъ“, въ видѣ парнаго слова „сим-пыл“ (*сим-был*).

5. Самымъ важнымъ памятникомъ древне-болгарскаго языка, дающимъ наиболѣе надежные матеріалы для сужденія о нарѣчіи, на которомъ говорили волжскіе болгары, слѣдуетъ считать тѣ надгробныя надписи, которыя были открыты въ с. Успенскомъ-Болгарахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ древняго болгарскаго государства. Тѣ изъ болгарскихъ надписей, которыя были найдены среди развалинъ города Болгара, какъ извѣстно, были впервые списаны по приказанію императора Петра Великаго, отданному имъ въ 1722 г.

когда этотъ государь отправлялся въ персидскій походъ. Три изъ этихъ надписей были армянскія, остальныя 47—мусульманскія и написаны арабскимъ письмомъ. Послѣднія надписи были переведены на русскій языкъ ахуномъ Кадыръ-Мухаммедомъ, сыномъ Сунчалеевымъ, и слободскимъ переводчикомъ Юсуфомъ Ижбулатовымъ. Русскій переводъ болгарскихъ надписей впервые напечаталъ Лепехинъ, подлинныя же надписи были въ первый разъ опубликованы извѣстнымъ оріенталистомъ Клапротомъ, въ Nouveau Journal Asiatique за 1831 г. Къ сожалѣнію, Клапротъ не имѣлъ у себя подъ руками самаго оригинала списка болгарскихъ надписей и былъ принужденъ руководствоваться лишь весьма плохою копіею, сдѣланною лицомъ, совершенно не знавшимъ языковъ и письма надписей. Это даетъ намъ возможность предполагать, что самая копировка могла быть весьма неточной. Подобную же неточность слѣдуетъ заподозрить и въ первоначальномъ списываніи эпитафій, такъ какъ не арабскія и не татарскія реченія, встрѣчающіяся на надгробіяхъ, не должны были быть понятными первымъ списывателямъ, и слѣдовательно могли подать поводъ къ ихъ произвольному искаженію или измѣненію. Иногда подобныя искаженія могли быть и невольными, но кромѣ того они также могли вызываться и другою причиною—весьма естественнымъ у невѣжественныхъ людей стремленіемъ „исправить“ непонятные для нихъ тексты и привести ихъ въ „надлежащій“ видъ. Кромѣ злополучнаго стремленія къ „исправленію“ надписей, татарскіе списыватели могли повредить ихъ и въ другомъ отношеніи: они могли выкидывать и исключать изъ текста нѣкоторыя странныя для нихъ выраженія, напримѣръ болгарскія числительныя имена, которыя, по ихъ начертаніямъ, иногда совершенно не похожи на татарскія; и, можетъ быть, этимъ и объясняется то странное обстоятельство, что во всѣхъ надписяхъ, снятыхъ въ XVIII столѣтіи, стоитъ одна и та же дата تاريخ جيات جور (700 г.), безъ прибавленія десятковъ и единицъ.

Въ 1852 г. Березинъ, въ статьѣ „Болгаръ на Волгѣ“, снова перевелъ на русскій языкъ всѣ эти надписи, слѣдуя

тексту Клапрота; кромѣ того, въ его статью вошло 25 новыхъ надписей, которыхъ нѣтъ въ числѣ снимковъ, сдѣланныхъ при Петрѣ Великомъ, и одна надпись съ береговъ р. Зая. „Въ настоящее время, говоритъ Березинъ, сохранилось въ Булгарѣ до 36 камней съ мусульманскими надписями: всѣ они представляютъ только эпитафіи. Изъ числа ихъ 10 эпитафій находятся въ снимкахъ, сдѣланныхъ по приказанію Петра Великаго; остальныя же или не были сняты въ то время или же недоступны, по своей испорченности, чтенію".

Спустя 11 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ статьи Березина были обнародованы три новыхъ болгарскихъ надписи, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ. Двѣ изъ нихъ находятся въ Симбирскомъ уѣздѣ, третья—въ Тетюшскомъ. Эти надписи были открыты муллою Хусейномъ Фейзъ-Хановымъ и описаны имъ въ его статьѣ „Три надгробныхъ болгарскихъ надписи", напечатанной въ IV т. „Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества" за 1863 г. Статья Фейзъ-Ханова имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ она первая способствовала установленію болѣе правильнаго взгляда на языкъ болгарскихъ эпитафій, и въ ней мы встрѣчаемъ первую весьма удачную попытку къ объясненію болгарскихъ надписей при помощи чувашскаго языка. Разборъ болгарскихъ надписей, сдѣланный Фейзъ-Хановымъ, показалъ также, что переводы эпитафій, сдѣланные Березинымъ (а также и Клапротомъ) были выполнены недостаточно правильно; это было вполнѣ естественно, такъ какъ ни тотъ ни другой изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, чтобы въ языкѣ болгарскихъ надписей могли оказаться чувашскія слова.

Лѣтомъ 1894 г. членъ-сотрудникъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ Г. Ахмаровъ совершилъ по порученію Общества поѣздку на юго-востокъ Казанской губерніи, съ цѣлью производства археологическихъ изысканій. Результатомъ этой поѣздки было, между прочимъ, обнаруженіе нѣкоторыхъ новыхъ надписей, всего въ числѣ шестнадцати, которыя и были г.

Ахмаровымъ приложены въ спискахъ къ отчету о сдѣланной имъ поѣздкѣ, представленному имъ въ названное выше общество.

Что касается самой послѣдней изъ открытыхъ до сихъ поръ болгарскихъ надписей, то она появляется впервые въ настоящей статьѣ и была скопирована мною лично съ старинаго камня, доставленнаго мнѣ священникомъ с. Байглычева Тетюшскаго у. Алексѣемъ Васильевичемъ Рекеевымъ. Камень этотъ былъ найденъ въ мартѣ 1900 г., при разборкѣ ветхаго деревяннаго храма въ чувашскомъ с. Байглычевѣ (*Эйбэс́*, Ейпеç), и надпись на немъ въ общемъ сохранилась превосходно. Къ несчастію, камень оказался расколотымъ у основанія надвое, такъ что послѣднее слово арабской надписи представляетъ при чтеніи нѣкоторыя затрудненія [a].

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь 93 болгарскихъ надписей, въ различныхъ мѣстахъ по р.р. Волгѣ и Камѣ, несомнѣнно, существуютъ и другіе памятники этого рода, которые еще ждутъ къ себѣ пытливыхъ изслѣдователей. Нѣкоторыя изъ надписей уже собраны, но, насколько мнѣ извѣстно, еще не прочитаны; къ таковымъ слѣдуетъ отнести надписи на древнихъ камняхъ, находящихся въ Казанскомъ Городскомъ Общественномъ Музеѣ.

Здѣсь я представляю тѣ замѣчанія, какія явились у меня въ результатѣ разсмотрѣнія текстовъ всѣхъ вышеуказанныхъ мусульманскихъ эпитафій.

---

a) По сообщенію о. Рекеева, преданіе говоритъ, что Байглычево основали два чувашина: Шай (*Шаj*) и Клаç (*Клас́*). Въ старинныхъ бумагахъ это селеніе писалось *Байкылычъ*, а послѣ *к* перемѣнили на *г*. Разобранный въ 1900 г. байглычевскій храмъ (первый храмъ въ этомъ селѣ) былъ построенъ въ 1761 или 1763 г.г., на казенный счетъ, отъ имени извѣстной Свіяжской Новокрещенской Конторы, для новокрещеныхъ инородцевъ этой мѣстности. Значитъ, онъ простоялъ на своемъ мѣстѣ около 140 лѣтъ. При разборкѣ этого храма найдено три каменныхъ надгробія съ арабскими письменами. Изъ нихъ два памятника оказались сдѣланными изъ мягкаго камня, по-

I. Надписи, помѣщенныя у Березина.

а. Мусульманскія надписи, снятыя въ началѣ XVIII в.

I. Въ этой надписи возбуждаетъ большое сомнѣніе имя فل, и именно начальною буквою ف; въ числѣ мусульманскихъ (арабскихъ) именъ подобнаго имени нѣтъ. Въ переводѣ Лепехина здѣсь стоитъ имя *Мамякъ*, основываясь на которомъ Березинъ допускаетъ „чтеніе ممق Мамыкъ или Мамукъ, употребительное у киргизовъ собственное имя“. Можетъ быть, чтеніе Лепехина правильнѣе, если принять во вниманіе чувашское языческое имя Мемеккей (*мэмэккэj*), которое я считаю сложнымъ изъ „Мемек“ и диминутив. аффикса „кей“ (срав. мужскія имена язычествующихъ чувашъ: Мăрса, Мурса (*Мăрза*, *Мурза*) и Мурсаккай (*Мурзаккаj*). Заключающееся въ этой эпитафіи имя سوار Березинъ читаетъ *Суваръ*, а у Клапрота оно читается Souwar. Какъ то, такъ и другое чтеніе не подкрѣплены никакими доказательствами; можетъ быть здѣсь слѣдуетъ читать *Сăвăр* или *Сăӳăр*, такъ какъ мы знаемъ имя одного болгарскаго князя—*Севаръ* (см. 62 стр.).

Березинъ напрасно считаетъ должнымъ читать اوغلى (*его сынъ*), вмѣсто значащейся на надгробіи формы اول; эта форма стоитъ на всѣхъ безъ исключенія надписяхъ, гдѣ встрѣчается слово *сынъ*, слѣдовательно подобное мнѣніе Березина совершенно неосновательно. Въ чувашскомъ языкѣ

чему письмена на нихъ почти пропали, остались лишь отдѣльныя слова, а третій памятникъ сохранился, кромѣ перелома, довольно хорошо. Всѣ эти надгробія, вмѣстѣ съ другими простыми камнями, лежали подъ стѣнами храма въ качествѣ фундамента или подставокъ. Откуда они были привезены или гдѣ стояли прежде, неизвѣстно, такъ какъ байглычевскіе чуваши даже и не знали, что подъ ихъ храмомъ есть камни-памятники.

слово *сынъ* является въ верховомъ нарѣчіи въ формѣ *ул*, въ низовомъ—ывăл (*ывъăл*); съ притяжательнымъ же суффиксомъ 3-го лица въ первомъ нарѣчіи видимъ улĕ (*улə̆*), во второмъ ывăлĕ (*ывъăлə̆*), „его сынъ“. Можно думать, что въ отсутствіи конечнаго ى въ болгарской формѣ اول (не اولى) отразилась звуковая неопредѣленность и краткость притяжательнаго суффикса 3-го л., который въ современномъ чувашскомъ нарѣчіи иногда совершенно исчезаетъ.

V. Мѣсто погребенія покойника здѣсь называется, какъ и во многихъ другихъ надписяхъ, словомъ زيارة, что значитъ *мѣсто благочестиваго посѣщенія* (въ каз.-тат. нарѣчіи *зыjарат*—кладбище [a]); на другихъ надгробіяхъ вмѣсто этого слова стоитъ выраженіе بلوكى *знакъ* или *памятникъ*. Слово بلوكى (بلوك + суфф. прит. 3-го л. ى) мы находимъ въ горно-черемисскомъ нарѣчіи, гдѣ оно произносится *пӓлӹк* [*pälək*, das Zeichen, das Merkzeichen, см. G. J. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsingfors, 1902 (Mémoires de la Soc. Finno-Ougr. XVII)], въ мадьярскомъ (bélyeg, знакъ) и въ древне-славянскомъ (ѯѣлѣгъ, белѣгъ, билѣгъ, знакъ, символъ). Въ чувашскомъ языкѣ, въ говорѣ чувашъ д. Большого Карачкина Козм. у., мною замѣчено слово валкă (*валӷы*), означающее, по объясненію старика-чувашина, отъ котораго я узналъ это слово, *крестъ, поставляемый на могилѣ*. Такъ какъ начальное чув. *в* иногда соотвѣтствуетъ въ другихъ говорахъ того же языка звуку *п* (напр., *вакша* и *пакша*, бѣлка, векша; МК *вус* и обще-чув. *пус*, копѣйка на ассигнаціи), то я предполагаю, что реченіе *валӷы* должно быть тождественнымъ съ ядрин. палкă (*палӷы*), въ сочетаніи çăва палки (*сӗва балги*), *намогильный столбъ*(?), употребляющемся въ значеніи браннаго выраженія. Послѣднее слово, къ сожалѣнію, было мною записано безъ объясненія отъ одного ядринскаго чувашина, про-

---

а) У арабовъ четвергъ называется يوم الزيارة, *день посѣщенія*, потому что въ этотъ день навѣщаются могилы умершихъ.

живающаго въ с. Ишакахъ Козм. у. Я почти увѣренъ въ томъ, что слово „палкă“ имѣетъ тотъ же самый смыслъ, что и *валгы*, потому что названія кладбища и намогильныхъ столбовъ вообще встрѣчаются въ бранныхъ выраженіяхъ, какъ у чувашъ, такъ и у другихъ инородцевъ. Таковы, напр., чувашскія слова: çăва (*ćыва*), масар (*мазар*), кладбище, çăва йопи (*ćыва јоби*) намогильный столбъ; луг.-черем. *шӱгар мэнгы*, намогильный столбъ, вотск. *шаj*, кладбище, и пр. [22]). Въ деревнѣ Щелканахъ Ковалинской волости Цив. уѣзд. первое названіе кладбища (çăва) употребительно только какъ бранный терминъ, тогда какъ самое кладбище называется „масар“. Возвращаясь къ болгарскому реченію بلوك ى, считаю нужнымъ замѣтить, что старинныя болгарскія надгробія извѣстны у нынѣшнихъ татаръ также подъ аналогичнымъ названіемъ „таш бӧлгӧ“, *каменный знакъ* (طاش بيلگى). То же самое наименованіе Таш-Бӧлгӧ носитъ одна тат. деревня Спас. у. Каз. губ. (по-русски Ташъ-Буляки), родина болгарскаго историка Хусамъ-эдъ-Дина. Всѣ приводимыя здѣсь соображенія, касающіяся слова بلوك ى, какъ мнѣ кажется, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно его основного значенія.

VII. Если чтеніе الى правильно, тогда это слово соотвѣтствуетъ современному чувашскому алăлă, алăллă (*алылы*, *алыллы*), имѣющій руки, отъ алă (*алы*), рука (осман. äл). Форма براكاتلومز—„благодѣтельный нашъ“—не болгарская; мы ожидали бы вмѣсто нея براكاتلومر, т. е. съ конечною буквою ر а не ز. Весьма возможно, что это слово было при первоначальномъ списываніи эпитафіи искажено. Въ современномъ чув. языкѣ прит. суфф. 1 л. мн. ч. имѣетъ форму мăр, мӗр (*мыр*, *мӘр*), а болгарское براكاتلو соотвѣтствуетъ чувашскому перекетлӗ (*пэрэгэтлӘ*, *пэр эіэтлӘ*), „спорый“, отъ араб. بركة—„благословеніе Божіе, счастье“. Выраженіе سكر حال,

переводимое у Березина словами: „кончилъ жизнь“, а у Клапрота—termina sa carrière,—по арабски не имѣетъ смысла; я читаю здѣсь سكر جال (сăгір ӟал), 8 лѣтъ, и предполагаю, что эти слова относились на памятникѣ къ слѣдующей затѣмъ датѣ جيات جور (ćіăдį ӟӧр), 700, и были приписаны сбоку, почему переписчики и прочитали ихъ не на надлежащемъ мѣстѣ. По моему мнѣнію, здѣсь слѣдуетъ читать: تاريخ جيات جور سكر جال (ćіăдį ӟӧр сăгір ӟал=соврем. чув. çиҕĕ çĕр сакăр çул, т. е. *ćиζэ ӟэр загйр ӟул* или *ćиζэ ӟŏр загйр ӟол*), 708 годъ.

VIII. Слово بوارى у Березина оставлено безъ перевода („Ювари“), точно такъ же, какъ и у Клапрота, который пишетъ его „Youwari“. Фейзъ-Хановъ читаетъ это выраженіе يوارى „военный мужъ“ (ياو—*война*+ارى—*мужъ*). По моему мнѣнію, есть основанія думать, что слово يوارى могло явиться вслѣдствіе неправильнаго чтенія надписи первыми ея списывателями, и составлять лишь искаженіе дѣйствительной болгарской формы بولرى (изъ بولر—*Билярскъ*, и арабскаго окончанія именъ прилагательныхъ ى), что означаетъ *билярскій*, т. е. уроженецъ или коренной житель г. Билярска. Одной изъ причинъ, обусловившихъ подобное искаженіе, могло послужить то обстоятельство, что въ куфическомъ почеркѣ начальное ﻳ и начальное ﺑ пишутся совершенно одинаково; въ другихъ же, болѣе новыхъ почеркахъ все различіе между этими буквами состоитъ только въ одной лишней точкѣ при первой изъ буквъ, которую списыватели легко могли и не замѣтить. Обыкновеніе обозначать свое происхожденіе прилагательными, образованными изъ названій мѣстныхъ селеній помощью араб. окончанія ىّ, существуетъ и понынѣ у казанскихъ татаръ-магометанъ, какъ то можно видѣть, напримѣръ, изъ за-

главій многочисленныхъ татарскихъ сочиненій, гдѣ послѣ имени автора нерѣдко указано и названіе его родины [1]).

Несмотря на всю вѣроятность предлагаемаго мною чтенія, противъ него однако можно сдѣлать одно серьезное возраженіе, и именно то, что при прилагательномъ بولرى, по правиламъ араб. грамматики, долженъ бы былъ стоять членъ опред. ال (البولرى). Подобное возраженіе, конечно, можетъ имѣть рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что древніе авторы болгарскихъ надписей не могли дѣлать отступленій отъ правилъ арабскаго языка [23]).

Имя ممل, которое Березинъ транскрибируетъ: „Мамель", а Клапротъ—*Mamal*, вѣроятно слѣдуетъ читать ممل, Мäмлi̥; по крайней мѣрѣ такъ читается это имя на одномъ болгарскомъ надгробіи, которое я разсматривалъ въ Казан. Город. Музеѣ; а кромѣ того, въ указанномъ выше сочиненіи г. Шпилевскаго встрѣчается названіе одной деревни Лаишев. уѣзда *Мамли Козяковы Челны* (421 с.).

Слово آبى—*мѣсяцъ* (съ суф. прит. 3-го л.)—не болгарское, и слѣдовательно должно быть замѣнено чисто болгарскимъ آيخ (чув. ойăх, уйăх, *ojы̆х*, *ujы̆х*, мѣсяцъ), которое встрѣчается на другихъ надгробіяхъ; слѣдуетъ думать, что это слово было при списываніи „исправлено". Болгарское происхожденіе этой надписи доказывается ея датой جيات جور.

XI. Слово بلوكو на этомъ и слѣдующемъ (XII) надгробіи Клапротъ и Березинъ считаютъ за собственное имя, поэтому и читаютъ—первый: *Mohammed, fils de Hassan Beloukou*, а

---

[1]) Напр. معلم ملا كشاف الدين بن شاه مردان بن عباد الله الافاوى المنزلوى السلوكى ثم القارقار الى تلميذ العلامة المرجانى

„Учитель и мулла Кашшафъ-эдъ-Динъ сынъ Шахмардана, сына Гибадуллы, Уфимскій, Мензелинскій, Сулюкинскій, потомъ Каркаралинскій, ученикъ великаго ученаго Мерджани".

второй: „Хасанъ Бюлюкю, сынъ Мухаммеда“. На самомъ же дѣлѣ это слово означаетъ *надгробіе* (см. выше), почему я здѣсь и читаю: *надгробіе Хасана, сына Мухаммедова.*

XII. Слѣдуя только что сказанному, слова اول حواجه على я перевожу: „*Надгробіе сына Ибрагима, сына Ахмеда, сына Али-Хози*“. Имя самого покойника считаю пропущеннымъ; но можетъ быть также, что послѣднее слово اول, стоящее передъ بلوكو, здѣсь лишнее, и потому слѣдуетъ читать такъ: „Надгробіе Ибрагима, сына Ахмеда, сына Али-Ходжи“. У Березина здѣсь поставлено: Бюлюкю, сынъ Ибрагима, сына Ахмеда, сына Али-Ходжи.... У Клапрота еще ошибочнѣе: *Aly Khodja*, fils d' *Ahmed*, fils d' *Ibrahim*, fils de *Beloukou.*

XIII. Слова надписи سوار اول حسن هير بلوك Клапротъ переводитъ: *Souwar*, fils de *Hassan Heir Belouk*, что совершенно противорѣчитъ правиламъ тюркской конструкціи, а Березинъ передаетъ ихъ иначе, хотя столь же неудачно, какъ и первый: „Хасанъ Хаиръ Бюлюкъ, сынъ Сувара“. Невѣрность того и другого перевода произошла отъ незнанія переводчиками болгарскихъ выраженій, съ которыми они обошлись весьма просто, выдавая ихъ за личныя имена. Странное слово هير, которое оба ученыхъ принимаютъ за собственное имя мужчины, я отождествляю съ чувашскимъ реченіемъ хĕр (чит. *хэ̆р*), отвѣчающимъ обще-тюркскому *кыз* и означающимъ въ чув. яз. *дѣвушку* или *дочь*. Здѣсь я предлагаю слѣдующій переводъ: *Надгробіе дочери Хасана, сына Саварова* и пр., а арабское عليه (*надъ нимъ*) считаю результатомъ „исправленія“ надписи, и вмѣсто него читаю عليها (*надъ нею*). Что слово هير не арабское и не мужское имя, доказывается 1) его написаніемъ: у арабовъ подобнаго имени нѣтъ, такъ какъ они пишутъ не هير, а خير (*Хайръ*); 2) надписью на надгробіи

XVII, гдѣ читается اماة خواجه اول حسن خواجه هير: слово خواجه (*хоз́а, хуз́а*) обыкновенно оканчиваетъ собою сложныя арабскія имена, а не вставляется между ними; 3) эпитафія на камнѣ, найденномъ въ с. Байглычевѣ, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что слово هير быть мужскимъ именемъ никакимъ образомъ не могло. На байглычевскомъ камнѣ, по моему чтенію, значится слѣдующее (см. снимокъ въ началѣ статьи):

لله

الحُكم

يَلبَه هير

اَسيَه زتَارة ى

رَحمَة الله عَلَيهَا

رَحمَة وَاسعَه

مَعَ جيرانهَا

т. е.

Судъ принадлежитъ Богу. Мѣсто погребенія Асіи, дочери Ельбэ (Jäлбä). *Да будетъ милость Божія надъ нею милостью широкою, а также и надъ сосѣдями ея.*

Послѣднія два слова надписи испорчены, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ камень раскололся надвое; однако первое расколотое слово настолько сохранилось, что въ немъ можно угадать съ перваго взгляда араб. предлогъ مع *вмѣстѣ съ...*, лат. *cum*. Въ началѣ второго попорченнаго слова вмѣсто цѣлой буквы осталась только одна черта, проходящая по самому краю нижняго обломка (камень стоялъ перпендикулярно, что доказывается его нижнею частью, которая совершенно не обдѣлана, тогда какъ верхняя часть вся цѣликомъ обтесана съ лицевой стороны и самая надпись обведена бордю-

ромъ), однако, сообразуясь съ длиною черты, можно предположить, что она осталась отъ араб. буквы ج [a]. Поэтому второе слово я предположительно читаю: جيرانها, *ея сосѣдями.* Подобное же выраженіе значится также въ одной надгробной надписи, снятой въ с. Болгарахъ Березинымъ (№ 27), и прочитано имъ такъ: تَعه جيرانه; перевода этого выраженія Березинъ не сообщаетъ.

Если бы на байглычевскомъ надгробіи слово هير мы отнесли къ слову يلبه и считали يلبه هير за сложное мужское имя, то у насъ получилась бы совершенно безсмысленная конструкція; если же يلبه هير اسيه сложное женское имя, то какъ объяснить появленіе слова هير въ сложныхъ мужскихъ именахъ? Приходится прійти къ тому заключенію, что реченіе هير не собственное имя, а имя нарицательное. Что касается написанія этого имени съ звонкою согласною въ началѣ слова, а не глухою, какъ того требовали бы законы современнаго чувашскаго языка, то оно, какъ мы увидимъ дальше, объясняется чрезвычайно просто.

XIV. Имя تمراج (у Березина „Тимраджъ", у Клапрота—*Temradj*) соотвѣтствуетъ чувашскому муж. имени Тимĕреç (т*и*м*ӗ*р*эć*). Въ этомъ болгарскомъ имени мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, когда глухія согласныя (въ данномъ случаѣ—*ć*) передаются на надгробіяхъ арабскими звонкими, за неимѣніемъ другихъ болѣе подходящихъ буквъ.

XVII. Эта надпись, по моему мнѣнію, весьма испорчена. Слово بلوكو, بلوك, بلوكى, которое на надгробіяхъ всегда ставится непосредствено послѣ обозначенія личности покойнаго, здѣсь поставлено послѣ благочестивой формулы رحمه تعالى

---

a) Хотя этому предположенію мѣшаетъ отсутствіе діакритической точки подъ буквой, такъ какъ въ куфическомъ письмѣ болгарскихъ надгробій буква ج вообще пишется съ различительнымъ نقطة.

رحمة واسعة (ч. عليها) عليه („да будетъ милость Всевышняго надъ нею милостью широкою“). Кромѣ того, слово بلكو въ текстѣ снабжено суффиксомъ 3-го лица سى (بلكوسى), чего на другихъ надгробіяхъ, кромѣ XIX, мы не находимъ. Что касается послѣдняго надгробія, то форма بلكوسى, поставленная на немъ послѣ слова وفاتّ (*кончина*), не болѣе, какъ только неудачная конъектура списывателей; къ тому же слово بلكوسى на этомъ надгробіи совершенно лишнее, такъ какъ мѣсто погребенія покойника уже обозначено выше словомъ زيارتى. Разбирая три найденныя имъ древнія надписи, мулла Фейзъ-Хановъ (op. cit., 403 с.) говоритъ слѣдующее: „Какъ на второмъ и третьемъ (см. 5-ю строку въ обоихъ), такъ и на многихъ другихъ болгарскихъ надгробныхъ камняхъ есть слово, мнѣ не вполнѣ понятное; можно его читать: باطوي, باطويا, بلطوي или يلطوي. И. Н. Березинъ (см. Ученыя записки казанскаго универс. за 1852 г., кн. III, статья: *Булгаръ на Волгѣ*) принимаетъ это слово вездѣ за بلكوسى (знакъ его). Подобное объясненіе мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ. Во-первыхъ потому, что на моихъ камняхъ надъ 1-ой буквой этого слова поставленъ знакъ *фатха*. Во-вторыхъ потому, что 3-я буква не ك, а совершенно правильное ط куфическаго почерка. Она вовсе несходна съ *кяфомъ* словъ الحكم, الكبير, سكر, كوان въ моихъ снимкахъ и съ *кяфомъ* словъ الحكم, كل и اكنش въ снимкѣ первой эпитафіи у г. Березина [1]); а почеркъ всѣхъ этихъ эпитафій одинъ и тотъ же“. Указываемое Фейзъ-Хановымъ непонятное слово также можно видѣть на одномъ болгарскомъ камнѣ, находящемся въ настоящее время въ Тетюш-

---

[1]) Къ статьѣ *Булгаръ на Волгѣ* приложены снимки только съ двухъ камней, остальные списаны; во второмъ этого слова нѣтъ. *Сноска подлинника.*

скомъ Полицейскомъ Управленіи. Въ этой надписи, съ которой я имѣю фотографическій снимокъ, доставленный мнѣ профессоромъ Казанскаго Университета Н. Ѳ. Катановымъ, это странное слово читается بَلطُوى, при чемъ подъ буквою ط замѣтна очень ясно діакритическая точка. Если судить по правописанію тетюшской надписи и разобранной выше байглычевской, то нужно прійти къ тому выводу, что начальное بَ въ болгарскомъ письмѣ употреблялось одинаково, какъ въ значеніи начальной арабской буквы ب, такъ и въ значеніи начальнаго بـ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе слова (بلوكى = تلوكى — *его знакъ*) на тетюшскомъ камнѣ и زيارة (زيارة *мѣсто погребенія*) на байглычевскомъ, при чемъ оказывается, что черты буквы بَ вовсе не *фатха*, а совершенно особый отличительный знакъ. Послѣднее дѣлается еще болѣе очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе, что на байглычевскомъ камнѣ, надпись котораго замѣчательно отчетлива и весьма тщательной работы, діакритическая черта, которую Фейзъ-Хановъ принялъ въ надписяхъ за *фатху*, стоитъ гораздо ниже фатхи, поставленной надъ буквой *алифомъ* (ا), тогда какъ по правиламъ арабскаго письма всѣ отличительные гласные знаки должны писаться на одномъ уровнѣ. Кромѣ того, въ словѣ زيارة постановка *фатхи* надъ буквою بَ совершенно неумѣстна, потому что въ арабскомъ письмѣ здѣсь должна стоять *касра*; предполагать же, что эта черта относится къ *алифу* мы также не имѣемъ основанія, такъ какъ *алифъ* уже имѣетъ надъ собою черту *фатхи*, почему вторая черта была бы совершенно излишней.

Слово, читающееся въ тетюшской эпитафіи بَلطُوى, на снимкахъ съ камней, найденныхъ Фейзъ-Хановымъ, является въ формахъ بَلطُوِي и بَلطوِي. Такъ какъ присутствіе буквы ط въ этомъ словѣ можетъ служить надежнымъ доказательствомъ

въ пользу того, что это слово твердозвучное, т. е. заключаетъ въ себѣ широкія гласныя (vocales gutturales),то намъ остается рѣшить, какое звуковое значеніе принадлежитъ первой буквѣ этого слова и какой діакритическій гласный знакъ мы должны надъ нею подразумѣвать. Такъ какъ слову تلطوی въ надписяхъ всегда предшествуетъ слово وفات, то мы имѣемъ полное основаніе думать, что второе изъ этихъ словъ не что иное, какъ глагольная форма, составляющая съ существительнымъ وفات или родъ сложнаго глагола, подобно каз.-тат. وفات بولمق, или цѣлое предложеніе. На тетюшской надписи мы видимъ форму وفاتي (=каз.-тат. وفاتی), т. е. *его кончина* (съ прит. суф. 3-го лица), а потому, если предположить, что первая буква слѣдующаго слова تلطوی должна читаться какъ و и носить гласный знакъ *дамма*, то выраженіе этой надписи وفات تلطوی буквально можетъ означать: *наступленіе его кончины*. Тогда форму تلطوی слѣдуетъ объяснять какъ глагольное существительное отъ основы تل, соотвѣтствующей общетюрк. بول *быть*. Обращаясь къ современному чувашскому языку, мы находимъ тамъ глаголъ *пул, пол, быть, стать, случиться, наступить*, отъ котораго образуется употребительное только съ суф. 3-го лица имя существительное полти (полттиы), *наступленіе*, имѣющее лишь одинъ творит. падежъ. Форма „полтти“ [1]), какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ моихъ „Матеріалахъ для изслѣд. чув. яз.“ (328 с.), имѣетъ несомнѣнную связь съ *прошедшимъ дѣйствія* (praeteritum actionis) и, вѣроятно, тожественно съ тюрк. причастною формою بولدق. Не составляетъ ли болгарская форма تلطوی

[1]) Форма безъ суффикса должна была быть * полтă (*полды*); срав. пуртти (*пурттиы*), его топоръ (Буин., с. Бюрганы), отъ пуртă (*пурды*) и йантти (*йаттиы*), готовый (Козм., В. Олгаши), 3 ф. отъ йантă (*йанды*).

чего-то средняго между тюрк. بولدغی (*его наступленіе*) и чув. „полтти“? Можно даже предположить, что самое начертаніе تلطوی не фонетическое, а основанное на соображеніяхъ этимологическаго свойства, и что буква و употреблена здѣсь не для выраженія звука *у*, а для означенія конечнаго *ы*, тогда какъ суффиксъ третьяго лица, вмѣсто того, чтобы слиться съ именемъ, отдѣленъ отъ послѣдняго въ цѣляхъ большей ясности. Однимъ словомъ, мы можемъ думать, что, изображая въ письмѣ разбираемую нами глагольную форму, болгары поступали такъ же, какъ поступили бы мы, если бы вмѣсто чувашскаго „полтти“ написали бы „полтă и“, разлагая эту глагольную форму на ея этимологическіе элементы.

Что же касается діакритическаго نقطه подъ буквою ط на тет. камнѣ, то оно могло быть поставлено съ тою цѣлью, чтобы указать на *звонкое* чтеніе этой буквы (*д*), въ отличіе отъ глухого ط (т).

Возвращаясь назадъ, къ разбору XVII эпитафіи, мы должны думать, что текстъ ея былъ переписчиками испорченъ, и что вмѣсто татаризованнаго بلكوسی на памятникѣ читалось تلوكی. Такъ какъ этотъ памятникъ поставленъ надъ женщиною (чему доказательство слово هير), то вмѣсто عليه я ставлю عليها и перевожу эпитафію такъ: „Памятникъ дочери Хасанъ-Хози, сына Аматъ-Хози, да умилосердится надъ нею Всевышній“ и пр. Точно также и эпитафію XIX слѣдуетъ читать такъ:

بكتمر اول خواجه بيرام زيارتی ترور رحمه الله تعالی
رحمة واسعة وفاتِ تلطوی تاريخ جيات جور

„Мѣсто погребенія Хози-Байрама, сына Биктемирова; да умилосердится надъ нимъ Всевышній милосердіемъ обширнымъ. Наступленіе его кончины (произошло) въ 700..... г.“.

Вмѣсто имени بكتمر у соврем. чувашъ употребляется муж. имя Питтимёр (питтимэр), сложенное изъ словъ: питё (пидэ), крѣпкій; очень, весьма[1]), и тимёр (тимэр), желѣзо.

XVIII. На этомъ надгробіи читаемъ: احمد هير خواجه رحمه الله تعالى عليه الخ. Березинъ переводитъ: „Ахмедъ Хаиръ Ходжа, да умилосердится надъ нимъ Всевышній“ и т. д. У Клапрота передано: „*Ahmed Hair khodjah*; que la miséricorde de Dieu soit avec lui“ etc. Такъ какъ слово هير означаетъ *дочь*, то есть основаніе подозрѣвать, что на мѣстѣ слѣдующаго за нимъ неумѣстнаго реченія خواجه на надгробіи стояло женское имя. Однако могло случиться и такъ, что первоначальные списыватели сдѣлали здѣсь произвольную перестановку, чтобы избѣжать страннаго для ихъ слуха стеченія собственныхъ именъ съ именемъ خواجه посрединѣ (чего никогда не бываетъ), потому что нарицательное هير они ошибочно принимали за личное мужское имя. Реченіе عليه—„поправка“ вм. عليها.

XX. Имя احكى (Ахки, *Ahki*) мнѣ представляется весьма страннымъ по стеченію въ немъ согласныхъ ح и ك; я думаю, что оно было невѣрно скопировано и что буква ح попала сюда по ошибкѣ. Если допустить, что она была поставлена вмѣсто подлиннаго ا (что мало вѣроятно), то его можно сравнивать съ чув. языч. именемъ мужчины Елкей (*Элгэj*). Такъ какъ дата جيات جور болгарская, то вмѣсто آبي (*его мѣсяцъ*) слѣдуетъ читать آيخ.

XXI. Суффиксъ 3-го л. سى въ словѣ بلكوسى—добавленъ списывателями; то же самое замѣчается и въ эпитафіи XXII.

---

[1]) Каз.-тат. *бік*, запорка; узы; очень, крѣпко.

Предположеніе Березина, что въ обѣихъ этихъ надписяхъ опущено слово وفات—неосновательно.

XXIII. Имя الباك встрѣчается и у язычествующихъ чувашъ, которые произносятъ его Илпек (чит. *Илбэк*). Сравненіе слова جلبى съ осман. چلبى, *господинъ*, только неудачная конъектура. Подъ именемъ خواجه احمد мнѣ извѣстна одна чув. деревня Хоҷахмат (*Хоҷахмат*), по-русски Хочахматова, находящаяся въ Чебокс. уѣздѣ.

XXV. Эта эпитафія написана на джагат. нарѣчіи; годъ надписи 723.

XXXVI. Дата этого надгробія написана по-арабски, поэтому поставленное передъ нею болгарское числительное جيات *семь* (въ текстѣ: جيات خمس وسبعماية) слѣдуетъ считать вошедшимъ по недосмотру списывателя. Березинъ по этому поводу замѣчаетъ: „Въ датѣ есть какая-то ошибка: у Лепехина поставленъ 750 годъ, а у Клапрота прибавлено лишнее слово جيات».

XLVI. Въ концѣ этой эпитафіи, написанной по-арабски и по-джагатайски, есть непонятныя слова: يلى ات جرتان.

б) Мусульманскія надписи, видѣнныя Березинымъ.

№ 1. Эта надпись прочитана Березинымъ неправильно; Фейзъ-Хановъ внесъ въ ея чтеніе значительныя поправки.

Здѣсь я помѣщаю транскрипцію того и другого и переводъ[1]).

У Березина:	У Фейзъ-Ханова:
الحكم لله	هو الحى الذى لا يموت
هُوَ الحَى الذى لا يمُوت	وكل حى سيموت
وَكل حَى سيموت	سويارل (سوريار اول?) اجنب (?) اول

[1]) У Березина приложенъ снимокъ съ этой надписи.

صطلمش زيار	سور اول اجنَبَ اول
ت در رحمة الله	جكَلَ مُشرن بَار
عَليه رحمه وا	تَكْ رحمَه الله
سعة وفات ياطو . . .	عَلَيهِ رَحمَه وَا
تاريخ جيات جور	سعَه وَفَات باهو
جرم اكنش (انكنچ т. е.) جال ربيع	تاريخ جيات جور حرمه
الاول آيخى (آيى) و . . .	اكَشر جَال رَبيع ا
كوان ات	لاول ا ح و
	ك . . .

„Судъ принадлежитъ Богу. Онъ есть Живый, который не умираетъ. А всякій живущій умретъ. Мѣсто погребенія Сатылмыша, сына Эджнеба (?), сына Сауара (?)—да будетъ надъ нимъ милосердіе Божіе милосердіемъ обширнымъ. Кончина его случилась въ 722 г., въ .....надцат..... день мѣсяца рабі'-уль-авваля".

Слово در (*есть*, est), прибавленное у Фейзъ-Ханова,—лишнее: въ снимкѣ съ эпитафіи, приложенномъ у Березина, его нѣтъ; тамъ читается только: زَتَارتُى (زيارتُى), т. е. زيارت+ суфф. 3-го л. ى. Не понявъ смысла пятой и шестой строки надписи, Березинъ изъ имени *Сатылмышъ* и слова زيارت ى сдѣлалъ нелѣпое сложное имя *Джакаль Машрунъ Бартака*, которое, навѣрно, и самому ему казалось чѣмъ-то не совсѣмъ вѣроятнымъ, потому что въ сноскѣ подъ страницею онъ сдѣлалъ по поводу его замѣчаніе: „Имя чрезвычайно странное".

Въ этой эпитафіи мы встрѣчаемъ слѣдующія чувашскія слова: جور جيات=чув. çиҫĕ çĕр, 700; جرم=чув. çирĕм (*ćи*рӘм), двадцать; اكنش=чув. иккĕмĕш (*и*ккӘмӘш), второй;

جال=чув. çол, çул (*ćол, ćул*), годъ; آيخ (*ajйix*)=чув. ойăх, уйăх (*ojйix, ujйix*), мѣсяцъ (въ прочихъ тюрк. нарѣчіяхъ—*aj*, якут. *ый*); كوان (*кӳän*)=чув. *кон, кун*, день; ات (آت)=чув.—ҫҫĕ (—*ćićэ*,—*ćićэ*), было. Разборъ этого словеснаго матеріала послѣдуетъ ниже.

№ 10. ك, окончаніе скрытаго въ землѣ имени дочери Джа'фаръ Аги, можетъ составлять конецъ тюркскаго слова بيك (*бик*). Здѣсь можно приномнить чувашскія женскія имена Хĕрпик (*хэрбик*) и Силпик (*силбик*); кромѣ того, мы знаемъ также множество другихъ женскихъ именъ, употребительныхъ у чувашъ и имѣющихъ въ своемъ окончаніи звукъ *к*.

№ 15. На этой плохо сохранившейся эпитафіи встрѣчаются тѣ же самыя чувашскія слова: جيات, جال, كوان, ات, которыя мы уже видѣли на надгробіи № 1.

№ 19. Отъ этой надписи видѣнъ только конецъ, который слѣдуетъ читать: كوان ات (.....*дня было*).

№ 24. Буквы ...حو ووط جار составляютъ остатокъ исчезнувшей даты; первыя двѣ буквы вѣроятно сохранились отъ числительнаго جور 100, а три послѣднихъ—отъ слова جال *годъ*. Срединныя буквы ووط сомнительны; м. б. здѣсь слѣдуетъ читать ووط (въ чув. вăтăр—*вӳдӳр*, *выдыр*—30), но мы этого числительнаго на другихъ памятникахъ не встрѣчаемъ.

№ 27. Эта эпитафія была разобрана Березинымъ очень недостаточно; смыслъ первыхъ трехъ строкъ ея совершенно непонятенъ; далѣе читаются слова:

(у Березина: حنيارَان) دنيارَان واسعه رحمه الله عليه رحمه
(у Березина: وز) تاريخ جيات جورون (?) فعر كبندوه
جكر (سكر?) جال سوال (? شوال слѣдуетъ) [آيخ] فعر(?)كوان

слѣдуетъ انه جير مع?) ات تعه حمر انه (у Березина: كواز)

т. е.

„...да умилосердится надъ нимъ Богъ милосердіемъ обширнымъ! Отшествіе (?) его отъ міра случилось ...дня мѣсяца шавваля (?) семь сотъ восем(?)надцатаго года. Съ сосѣдями его (?)“.

Относительно смысла словъ دمركبندو я буду говорить ниже.

№ 35. У Березина здѣсь значится: Я читаю:

رحمه الله	رحمه الله
سعه وفات تلطوى	سعه وفات بلكوسى
جيات جور ون طحرم (?) (جال)	جيات جور ور كهرك
صفر آيخ ون بيالم	حمر ايح وز سالا
كوان ات و مات	كواز ات و مات
غريبا (?)	غريبا

Слова جيات جور (700) Березинъ, какъ и вездѣ, переводитъ здѣсь словами: пришествіе угнетенія. Остальныя болгарскія слова ему непонятны. Я перевожу: „Милость Божія .....обширною. Наступленіе его кончины произошло въ 15-ый день мѣсяца сафара семьсотъ девят(?)надцатаго года. Онъ умеръ на чужбинѣ“. О встрѣчающихся въ этой надписи числительныхъ طحرم(?), *девятый* (?) и بيالم, *пятый*, будетъ сказано дальше.

Кромѣ надписей, снятыхъ въ XVIII в., и тѣхъ, которыя онъ встрѣтилъ въ с. Болгарахъ, Березинъ также приводитъ слѣдующіе отрывки изъ „татарскихъ“ надписей Казанской губерніи, снимки съ которыхъ были сдѣланы врачемъ Казанской Градской Больницы Н. А. Толмачевымъ:

1. جيات جور *семьсотъ*

جيرم توا تم جال شوا *двадцать четвертаго года, шавва-*

لا *ля м (пъсяца)*.....

У Березина числительныя имена этой надписи не переведены. Послѣдній ا алифъ въ словѣ شوالا вѣроятно принадлежитъ слѣдовавшему за нимъ слову آيخ (*мъсяца*).

2. جو روز ـ دلال

جال ثو اخ وز

Реставрируя, насколько возможно, надпись, я читаю:

(?) جور ون بيالم ...*сотъ пят(?)надцатаго*

جال ثو(?) آيخ ون *года, мъсяца шаввaля(?) .....надцатаго (дня).*

Числительное دلال ـ настолько испорчено, что его трудно прочесть; слово ثو въ названіи мѣсяца напоминаетъ названіе мѣсяца شوّال

3. جور

احا حسر حا ا ا ه

Здѣсь я разбираю только слова جور (100) и حال, вѣроятно جال *годъ*.

4. جيرو تواتو كوازات....ح

جيات جورم از جياسر جال

Этотъ отрывокъ слѣдуетъ реставрировать такъ:

جيرم تواتم كوان ات تاريخ ...*двадцать четвертаго дня было,*

جيات‌جوروان‌جياتم‌جال *семьсотъ семнадцатаго года.*

5. يخ جيات جور ا ا الدجا ا

ور سراح وازسكر دكوازات

Я могъ реставрировать эту надпись только отчасти:

تاريخ جيات جور بيالم(?) جال *семьсотъ пятаго (?) года,*

آيخ وان سكرم (quid?) ور سر ? *мъсяца восемнадцатаго*

كوان ات *дня было.*

6. حیات *семь.....*

حر حال از ...? *года...*

У Березина также приводится эпитафія, вырѣзанная на камнѣ у рѣки Зая, близъ татарской деревни Кызылъ Кыпчакъ, въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Изъ этой эпитафіи я помѣщаю здѣсь только болгарскій текстъ, опуская благочестивое арабское изреченіе, стоящее въ ея началѣ.

حلیم

اول حسن بیلوك رحمه

الله علیه رحمة واسعه

ربیع الاول ایندا وفات بیلکوسی

تاریخ جیات جور حمرو

تولتد حال ۰۱۰ ر

Форма ایندا (*въ мѣсяцѣ*) не болгарская; надо предполагать, что въ оригиналѣ стояло нѣчто подобное ایخندا; вмѣсто وفات بیلکوسی вѣроятно значилось وفات تلطوی; вмѣсто حمرو слѣдуетъ читать جیرم и вмѣсто تولتد—توانم. Исправляя такимъ образомъ текстъ надписи, я перевожу: „Памятникъ Хасана, сына Халимова—да будетъ надъ нимъ милосердіе Божіе милосердіемъ обширнымъ! Наступленіе кончины его (случилось) въ мѣсяцѣ рабі'-уль-аввалѣ 724-го года". Вмѣсто словъ: „памятникъ Хасана"—въ переводѣ Березина читаемъ: *Хасанъ Билюкъ*, а дата эпитафіи у него оставлена безъ перевода.

II. Фейзъ-Хановскія надписи.

Изъ трехъ надписей, снимки и переводъ которыхъ напечатаны Фейзъ-Хановымъ, одна эпитафія составлена по-джагатайски, а текстъ двухъ другихъ заключаетъ въ себѣ, помимо арабскихъ реченій, также и формы чувашскія. Я говорю здѣсь только о двухъ послѣднихъ.

II. Фейзъ-Хановъ читаетъ и переводитъ эту надпись такъ:

الحكم لله العلى الكبير	Власть (принадлежитъ) Богу высокому, великому
مير ابراهيم انال اول شهيد	Миръ Ибрагимъ, сынъ Инала, мученикъ
حاج بلوب (...) رحمة	(по возвращеніи?) изъ Мекки, да помилуетъ его
(الله عليه رحمةً واسعة	Господь своею великою милостью.
وفات ياطوى تاريخ	Смерть его лѣта (т. е. по лѣтосчисленію)
جيات جور جيارمنش	720-го
جال محرم ايخى	году, мѣсяца мухаррема
ايكنج كون	во 2-й день
اى	приключилась.

Вмѣсто بلوب я читаю здѣсь بلوكى и перевожу: *памятникъ Миръ-Ибрагима, сына Инала, мученика и хаджи* и пр. Такъ какъ конецъ слова بلوكى, слѣдующаго за именемъ покойника, въ надписи сохранился весьма плохо, то Фейзъ-Хановъ ошибочно счелъ его за тюрк. дѣепричастіе بلوب (بولوب) *будучи, ставши*, отъ гл. بولمق *быть, стать*, и полученное имъ такимъ образомъ выраженіе حاج بلوب перевелъ словами: „(по возвращеніи?) изъ Мекки“.—Объясненіе выраженія „وفات ياطوى“ уже было приведено выше.

Въ этой надписи интересны болгарскія порядковыя числительныя جيارمنش, *двадцатый*, и ايكنج, *второй*; такъ какъ на другихъ болгарскихъ надписяхъ эти числительныя охарактеризованы другимъ афиксомъ م (*м*), а не نش, نج, то можно предположить, что въ болгарскомъ языкѣ того времени существовали мѣстные говоры, отличавшіеся одинъ отъ другого нѣкоторыми особенностями.

---

a) На снимкѣ—ايخ.

Въ чувашскомъ языкѣ окончанія порядковыхъ числительныхъ являются въ формахъ: ăм, ĕм (*ӑм*, *ӗ*м), *ӑн*, *ӗ*н, ăмăш, ĕмĕш (*ӑмӑш*, *ӗ*м*ӗ*ш), при этомъ двѣ послѣднія формы представляютъ собою вторичныя образованія изъ двухъ первыхъ, получившіяся помощью прибавленія суфф. 3-го лица „ăш, ĕш“ (см. „Матер. для изслѣд. чув. яз.“, стр. 181, 368). Такимъ образомъ болгарское числительное توانم, *четвертый*, точно соотвѣтствуетъ чувашскому тăватăм (*тӑвадӑм*), болгарское بيالم, *пятый*,—чувашскому пиллĕкĕм (п*иллӗ*г*ӗ*м). Такъ какъ вмѣсто аффикса *м* въ порядк. числительныхъ у чувашъ встрѣчается также и *н* (напр. тăватăм кун—*тӑвадӑм гун*— и *туадӑн ӷон*, „четвертаго дня“), то вмѣсто обычныхъ формъ съ суфф. 4-го лица: иккĕмĕш, виҫҫĕмĕш, тăваттăмĕш (тăваттăмăш, тăватăмăш чит. *и*кк*ӗ*м*ӗ*ш, в*ис́с́ӗ*м*ӗ*ш, *тӑватты*м*ӗ*ш, *тӑваттӑмӑш*, *тӑвадӑмӑш*)—мы могли бы ожидать у чувашъ также и формъ: * иккĕнĕш (*и*кк*ӗ́нӗ*ш), * виҫҫĕнĕш (в*ис́с́ӗ́нӗ*ш), * тăваттăнĕш (*тӑватты́нӗ*ш), которыя вполнѣ соотвѣтствовали бы по ихъ аффиксу вышеприведеннымъ болгарскимъ ايكنج (ايكنش. см. эпитафію № 1 у Березина) и ييارمنش [a]; однако этихъ формъ, насколько я знаю, въ современномъ чув. языкѣ нѣтъ, или онѣ не сохранились.

III. Въ этой надписи есть непонятное выраженіе: احمد آغان الغجس اتى زيارة (*Ахмеда..... мѣсто погребенія*). Фейзъ-Хановъ переписалъ непереводимыя слова русскими буквами: „Ахмедъ Аганъ Эльгыхисъ Ютей“. Въ той же эпитафіи заслуживаетъ вниманія болгарская дата: تاريخ جيات جور, جيرم بيالم جال محرم جيرم سكركوان آت которая означаетъ: „лѣта

---

[a]) Числит. *двадцатый* у чувашъ произносится çирĕммĕш или çирĕмĕш (ć*и*р*ӗ*мм*ӗ*ш, ć*и*р*ӗ*м*ӗ*ш); оно получилось изъ первоначальнаго * çирĕмĕмĕш.

725-го года, мухаррема въ 28-ой день случилось". Н. И. Ильминскій, въ своей статьѣ „О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскимъ языками", напечатанной въ V т. Извѣстій Имп. Арх. Общ. (1865 г.), считаетъ болгарское порядковое числительное بيالم („пятый") за числительное количественное, предполагая въ аффиксѣ م (*м*) только фонетическую разновидность окончанія чувашскаго числительнаго пиллёк (п*иллэ̆*к, п*иллэ̆к*), „пять",—„*к*". Однако подобное объясненіе невѣрно, такъ какъ мы знаемъ и другія порядковыя имена, которыя въ болгарскихъ эпитафіяхъ являются съ аффиксомъ م; таковы, напр., تواتم, 4-й, وانم, 10-й, и пр. Все это заставляетъ насъ думать, что количественное числит. имя *пять* болгары должны были писать не بيالم, что означало бы *пятый*, а بيال, гдѣ конечное ل (*л*) соотвѣтствуетъ обще-тюркскому *ш* (каз.-тат. *біш*, осман. *бäш*, пять), какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ современнаго чувашскаго языка.

III. Ахмаровскія надписи.

Эти надписи, до сихъ поръ не изданныя (кромѣ одной тетюшской) [24], я помѣщаю въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онѣ переданы въ составленномъ г. Ахмаровымъ отчетѣ; исключеніе сдѣлано мною лишь для тетюшской надписи, съ которой я имѣю фотографическій снимокъ.

I. Тетюшская надпись [a]). Камень, на которомъ высѣчена эта надпись, раскололся на двѣ части, при чемъ повредилась нижняя строка эпитафіи. Кромѣ того, фотографія надписи вышла не очень удачной, такъ что письмо ея не вездѣ вышло отчетливо. Эпитафія обведена бордюромъ, а надъ нею вырѣзана фигура, въ формѣ звѣзды. Почеркъ надписи—куфическій.

---

a) Находится въ г. Тетюшахъ, во дворѣ Полицейскаго Управленія.

На камнѣ читается слѣдующее:

الحُكمُ لله العلى الكبير Судъ (принадлежитъ) Богу Высокому, Великому.

علاى الله اول عيسى تلوكى Памятникъ 'Исы, сына 'Алайуллы—да

رحمه الله عليه رحمة واسعه будетъ надъ нимъ милость Божія милостью широкою.

وفات تلطوى تاريخ جيات Наступленіе кончины его по лѣтосчисле-

جو.ر وان طجر جال ابشر нію въ 7-19 году.....

Вмѣсто означенной на памятникѣ даты 719 Ахмаровъ читаетъ только 710, а слѣдующія слова طجر جال ابشر онъ транскрибируетъ هجرة عظيم الشأن и переводитъ: „переселенія великой личности (т. е. отъ бѣгства Магомета)“. Однако слово طجر (9) читается на камнѣ очень явственно, точно такъ же, какъ и слово جال (*годъ*); затрудненіе представляетъ только самое послѣдное слово ابشر, смыслъ котораго совсѣмъ теменъ. Здѣсь пока возможны только одни гадательныя предположенія, которыя рѣдко ведутъ къ истинѣ.

2. Надписи Спасскаго уѣзда.

а) Надписи села Матвѣевки.

Изъ этихъ надписей, которыхъ всего было 7, доступною для прочтенія оказалась только одна; изъ остальныхъ надписей четыре стесаны какимъ то острымъ орудіемъ, одна находится въ землѣ, а отъ одной остался только обломокъ. Почеркъ надписей третной (خط ثلثى), а не куфическій.

Сохранившаяся надпись и ея переводъ, сдѣланный г. Ахмаровымъ, гласятъ:

هو الحى الذى لا يموت * (.....) (.....) * حاجى

الحرمين محمود * بن حسين البلغارى * قدس الله روحه ونور ضريحه *

اللهم ارحمه رحمة واسعة * توفيت (?)الى رحمه الله * تعالى فى غرة شهر رمضان سنه سبع وثلثن * وسبعماية *

„Онъ живой, безсмертный..... Посѣтитель двухъ святыхъ городовъ (Мекки и Медины) Махмудъ, сынъ Хусейна, Булгари. Да сдѣлаетъ Богъ душу его святой и просвѣтитъ его могилу. Боже! окажи ему милость свою, милость широкую. Отдалъ онъ свою душу милостивой волѣ Бога Всевышняго въ началѣ мѣсяца рамазана 737 г. (что въ 1337 г. по Р. Х.)“.

Надпись заключаетъ въ себѣ десять строкъ, означенныхъ здѣсь звѣздочками; строки 2-я и 3-я у г. Ахмарова обозначены пунктиромъ.

б). Три надписи древняго магометанскаго кладбища въ д. Старомъ Баранѣ (по-тат. Рәҷәб). извѣстнаго у татаръ подъ наименованіемъ „Таш-Білгі“ (Каменный-Знакъ).

1. На этомъ камнѣ читаются слѣдующія 5 строкъ куфическаго письма:

الحكم لله العلى الكبير * اَجنَبْ اول * احمد بلوك * رحمة الله عليه * رحمة واسعة *

Г. Ахмаровъ переводитъ: „Судъ Богу Всевышнему, Великому. Азнябовъ сынъ Ахмадъ, его могила. Да будетъ ему милость Бога, милость широкая“.

2. Надпись этого камня заключаетъ въ себѣ слѣдующія 5 строкъ, написанныхъ почеркомъ ثلثى:

هو الحي الذى لا يموت * آنبال اوعلى حسن * زيارتى تزور رحمه الله * عليه رحمة واسعة * رجب آى‌ننك اوچنچى كونى ايردى

Переводъ г. Ахмарова слѣдующій: „Онъ живой, безсмертный. Сынъ Анбаля Хесенъ, его могила. Милость Бога ему, милость широкая. Былъ 3-й день мѣсяца разяба“. Тюркскія формы надписи принадлежатъ джагатайскому нарѣчію.

3. На этомъ камнѣ читается эпитафія, состоящая изъ 5 строкъ куфическаго письма.

Надпись на немъ гласитъ:

الحكم لله العلى * الكبير احمال اول * جعفر اول حاجى يونس * بلكوى * وفاتى * تاريخ

Г. Ахмаровъ переводитъ: „Судъ Богу Всевышнему, Великому. Сынъ Ахмала, сына Зягафара—Хази-Юнусъ [1]), его могила. Смерть въ году . . . .“ По поводу этой эпитафіи переводчикъ замѣчаетъ: „Съ нижняго конца, гдѣ слѣдуетъ по обыкновенію годъ и число мѣсяца, камень сломанъ. По характеру письма тоже относится къ началу XIV вѣка“.

в) Эпитафіи на древнемъ кладбищѣ въ тат. деревнѣ Таш-Білгі.

1. Этотъ камень имѣетъ на себѣ три слѣдующихъ строки куф. письма: الحكم لله العلى الكبير * ايرك اول محمد شريح * الجى

Г. Ахмаровъ переводитъ: „Судъ Богу Великому. Сынъ Ирека Мухаммедъ Шарихъ Ильчи (посланникъ)“.

2. Куфическое письмо этой 6-тистрочной эпитафіи гласитъ:

هو الحى الذى لايموت * وكل حى سيموت * عمر اول اسماعيل اول * حسن اول رحبز باب * تاريخ جيات جور * جورمو جال

Переводъ г. Ахмарова: „Онъ живой, безсмертный, все живое умираетъ. Сынъ Гумера Исмагилова, сына Хасена, Рахбезбабъ [2]). Годъ 720“.

Имя *Рахбезбабъ* мнѣ кажется сомнительнымъ; вм. جورمو (20) можетъ быть слѣдуетъ читать или جيرم, какъ и на другихъ надписяхъ, или جيرم—*двадцатый*.

3. Этотъ камень содержитъ на себѣ слѣдующія 9 строкъ куф. письма:

الحكم لله العلى الكبير * الياس اول اسماعيل * اول محمد بكويك *

---

[1]) Слѣдуетъ перевести: «Хаджи-Юнусъ, сынъ Джа'фара, сына Ахмала».

[2]) Слѣд. перевести: «Рахбезбабъ(?), сынъ Хасана, сына Исмаила, сына 'Умара».

رحمة الله عليه * رحمة واسعة * تاريخ جيات جور * الطسس جال (.....) ايح * اشزاج چرمس * شوز بر سروت

Г. Ахмаровъ переводитъ это такъ: „Судъ Богу Всевышнему, Великому. Сынъ Ильясова Исмагилова сына Мухаммедъ. Милость Бога ему, милость широкая. Годъ 760 ..... мѣсяца“,..... Я перевожу иначе: „Судъ (принадлежитъ) Богу Всевышнему, Великому. Памятникъ Мухаммеда, сына Исмаила, сына Ильяса. (Да будетъ) надъ нимъ милость Божія милостью широкою. По лѣтосчисленію 706 года .... мѣсяца (*преставился?*)..... Слово بكويك въ 3-строкѣ эпитафіи я чит. بَلوكى („его знакъ“); числительное الطسس, мнѣ кажется, слѣдуетъ читать آلطنش, *шестой* (срав. ايكنش, جيارمنش), а не آلطمش, *шестьдесятъ*, потому что въ болгарской формѣ послѣдняго числительнаго мы въ правѣ ожидать въ концѣ ل (*л*) а не ش (*ш*), какъ и въ современномъ чувашскомъ языкѣ, гдѣ вмѣсто обще-тюрк. *алтмыш* мы видимъ утмăл, отмăл (*утмыл, отмыл*, вм. * *ултмыл*, * *олтмыл*); а намъ извѣстно, что замѣна тюркскаго *ш* звукомъ *л* была свойственна и болгарскому языку, какъ это доказывается числительнымъ بيالم. Начало 8-й строки اشزاج напоминаетъ конецъ тетюшской надписи, въ которой какъ мы видѣли выше (93 с.), послѣднее слово читается إشز, но смыслъ этой строки, такъ же, какъ и послѣдней, остается совершенно загадочнымъ.

3. Надписи Тетюшскаго уѣзда.

а) Надписи на кладбищѣ при деревнѣ Атрась (по тат. Äträч).

На этомъ кладбищѣ, называемомъ мѣстными татарами „Шунгаты-Östö“ (мѣсто бывшаго здѣсь, по преданію, города Шунгаты), г. Ахмаровъ нашелъ болѣе 20 камней съ арабскими надписями куфическаго и третного письма. Изъ этихъ надписей ему удалось прочитать съ начала до конца лишь двѣ слѣдующихъ, написанныхъ почеркомъ ثلثى:

1. هو الحی الذی لایموت * وکل حی سیموت * مصطفی اول محمد * اول ابراهیم بلوك * رحمة الله علیه * رحمة واسعة * تاریخ جیات جور * جیات جال.

Переводъ г. Ахмарова: „Онъ живой, безсмертный, все живое умираетъ. Сынъ Мустафы, сына Мухаммеда, Ибрагимъ, его могила. Милость Бога ему, милость широкая. Годъ 707 (т. е. 1308 по Р. Х.)“.

Я перевожу второе предложеніе иначе: „Памятникъ Ибрагима, сына Мухаммеда, сына Мустафы“.

2. هو الحی الذی لا یموت * یوسف اول محمد * اول اسماعیل * زیارتی تورور * رحمة الله علیه رحمة واسعة * فانی دنیادین باقی اخرتکا رحلت طندوی * تاریخ جیات جور * وان تواتو

Переводъ г. Ахмарова: „Онъ живой, безсмертный. Юсуфа, сына Мухаммеда Исмаилъ, его могила. Милость Бога ему, милость широкая. Отъ непостояннаго (не вѣчнаго) міра въ вѣчный будущій міръ переселился онъ въ году 714 (что 1315 г. по Р. Х.)“.

Я перевожу второе предложеніе такъ: „Мѣсто погребенія Исмаила, сына Мухаммеда, сына Юсуфа“. Въ этой эпитафіи (если она списана вѣрно) чувашскія формы перемѣшаны съ джагатайскими; къ послѣднимъ относятся слова: تورور (*есть*), دنیادین (*отъ міра*), اخرتکا (*въ будущую жизнь*).

На этомъ камнѣ весьма любопытна форма طنروی (или طندوی), которая, очевидно, взята отъ какого-то вспомогательнаго глагола и составляетъ вмѣстѣ съ существительнымъ رحلت сложный глаголъ. Мнѣ кажется, что аффиксъ этой формы аналогиченъ аффиксу реченія تلطوی, которое, по своему мѣсту въ надписяхъ и вспомогательному значенію, находится въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и слово طنروی. Послѣднее реченіе, кромѣ разбираемой здѣсь надписи, я вижу

также въ одной эпитафіи, напечатанной у Березина (№ 27), гдѣ оно является въ очевидно искаженномъ выраженіи قبلدو, и еще въ двухъ надписяхъ (см. табл.) у г. Ахмарова, гдѣ ему предшествуетъ какое-то арабское слово, которое можно читать سعد (счастье). Что касается первыхъ двухъ буквъ этого арабскаго слова, то онѣ въ снимкахъ, сдѣланныхъ г. Ахмаровымъ, читаются совершенно ясно, въ особенности вторая изъ нихъ, которая на одномъ изъ камней изображена знакомъ $\triangle_{|}$; остается сомнительной только послѣдняя буква ر, которая можетъ представлять собою или د или ر. Такъ какъ въ одной изъ Ахмаровскихъ эпитафій подъ буквою ر въ словѣ طنروی поставлена діакритическая точка, употребляющаяся въ болгарскихъ письменахъ для отличенія буквы ر (*p*), то мнѣ кажется, что относительно значенія этой буквы сомнѣнія быть не можетъ; точно также я почти не сомнѣваюсь, что діакритическая точка стоящая надъ зубцомъ между этою буквою и начальнымъ ط [a)] (у Березина и на одной надписи у г. Ахмарова), занимаетъ это мѣсто не по какой либо случайности или ошибкѣ. Такъ какъ одна діакритическая точка ставилась въ болгарскихъ надписяхъ не только надъ буквою ن, но также и надъ буквою ت (см. тет. надпись), и такъ какъ куфическія буквы ط и ك при чтеніи могутъ быть весьма легко смѣшиваемы, то мнѣ кажется, что слово طنروی (?) допускаетъ нѣсколько различныхъ толкованій. Принимая окончаніе этого слова روی за аффиксъ того же самаго происхожденія, что и афф. طوی въ словѣ تلطوی (перемѣна ط-д-на ر-р- въ прошед. вр. дѣйствія—чувашизмъ), я тѣмъ не менѣе воздерживаюсь отъ всякихъ предположеній относительно смыслового значенія

---

a) كلا?

этой глагольной формы, которое пока остается для меня загадкой.

Кромѣ того, на трехъ камняхъ г. Ахмаровъ разобралъ слѣдующія слова: 1) تاريخ يتى يوزاىكى ده, *въ году 702 (1303)*; 2) تاريخ يتى يوزقرق يدى, *годъ 747 (1346)* и 3) تاريخ يتى يوز, اوچ ده, *въ году 703 (1304)*.

б) Надписи въ с. Ямбухтинѣ.

Здѣсь г. Ахмаровымъ найдены два камня съ эпитафіями; одну изъ этихъ эпитафій ему удалось разобрать лишь отчасти.

1. رحمه الله عليه * رحمة واسعه تار * يخ جياتِ جور * تواتِه جيات

Онъ переводитъ: „Милость Бога ему, милость широкая. Годъ 707 (1305 г.)“. Слово تواته (توانم, *четвертый?*), страннымъ образомъ поставленное между числительными جور и جيات, оставлено г. Ахмаровымъ безъ перевода. Письмо эпитафіи—куфическое.

2. الدند ا عم ٨ ياشنده * عدد تاريخ آلتى يوز قرق * ايكى ده ٢ عم ٦

Г. Ахмаровъ переводитъ: „въ семьдесятъ четвертомъ году. Число года—въ 642-мъ (т. е. 1244 г.)“. Начальное слово الدندا (*передъ?*) оставлено имъ безъ перевода. Число 84 (не 74) вѣроятно означало возрастъ покойника. Почеркъ надписи—تلثى, нарѣчіе—джагатайское.

в) Надпись въ с. Монастырскомъ (по-тат. *Каратун*) [a].

Эта надпись вырѣзана куфическимъ почеркомъ и сохранилась лишь съ боковой стороны камня. Оставшіяся на камнѣ слова г. Ахмаровъ изображаетъ такъ, какъ показано на таблицѣ (№ 1).

Перевода этой надписи г. Ахмаровъ не сообщаетъ. Можно предполагать, что 4-я и 6-я группы буквъ въ надписи

---

[a] *Кара-тун*—черноризецъ, монахъ (по-чув. хора-том, *хора-дом*).

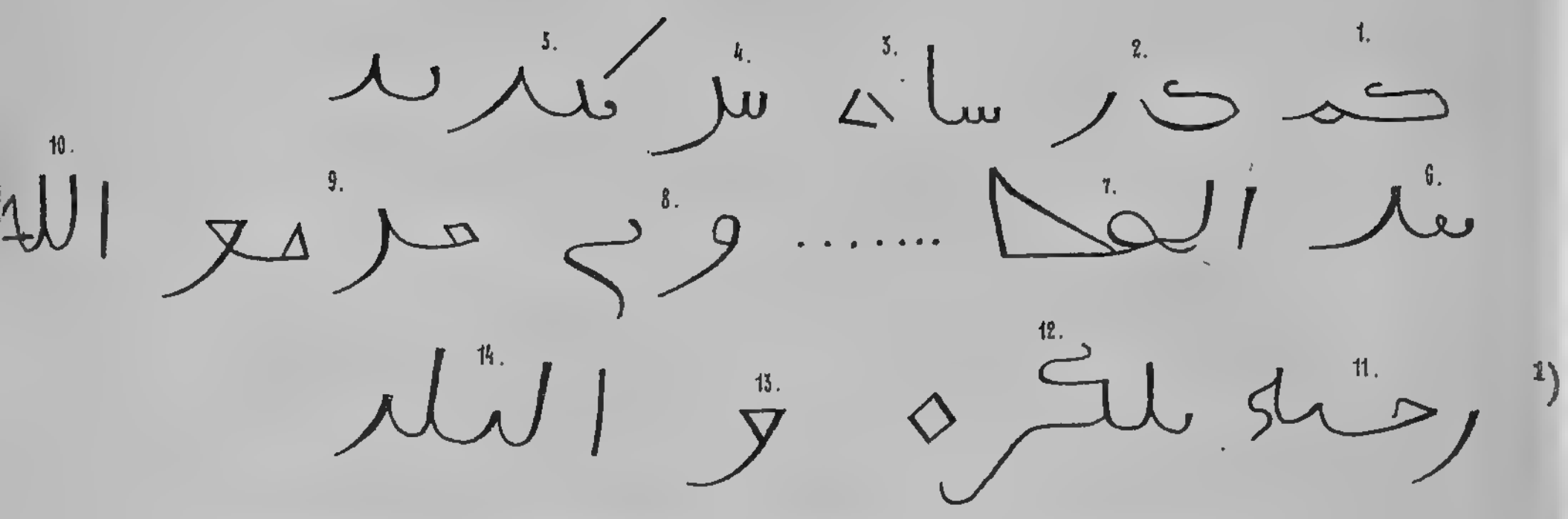
изображаютъ слово اول (*сынъ*), а восьмая группа составляетъ остатокъ реченія تلوكى (*памятникъ*).

г) Надписи на кладбищѣ при д. Салтыгановой (по-тат. *Сатлыѕан*).

„При д. Салтыгановой (Богородской вол.) есть древнее кладбище, называемое мѣстными татарами „Ташбильги“. На этомъ кладбищѣ находятся три надгробныхъ памятника съ арабскою надписью. Всѣ три камня съ верхней половины поломаны, поэтому при настоящемъ спискѣ сверху не хватаетъ обычной арабской формулы الحكم لله العلى الكبير. Почеркъ надписи куфическій и весьма плохой работы“.

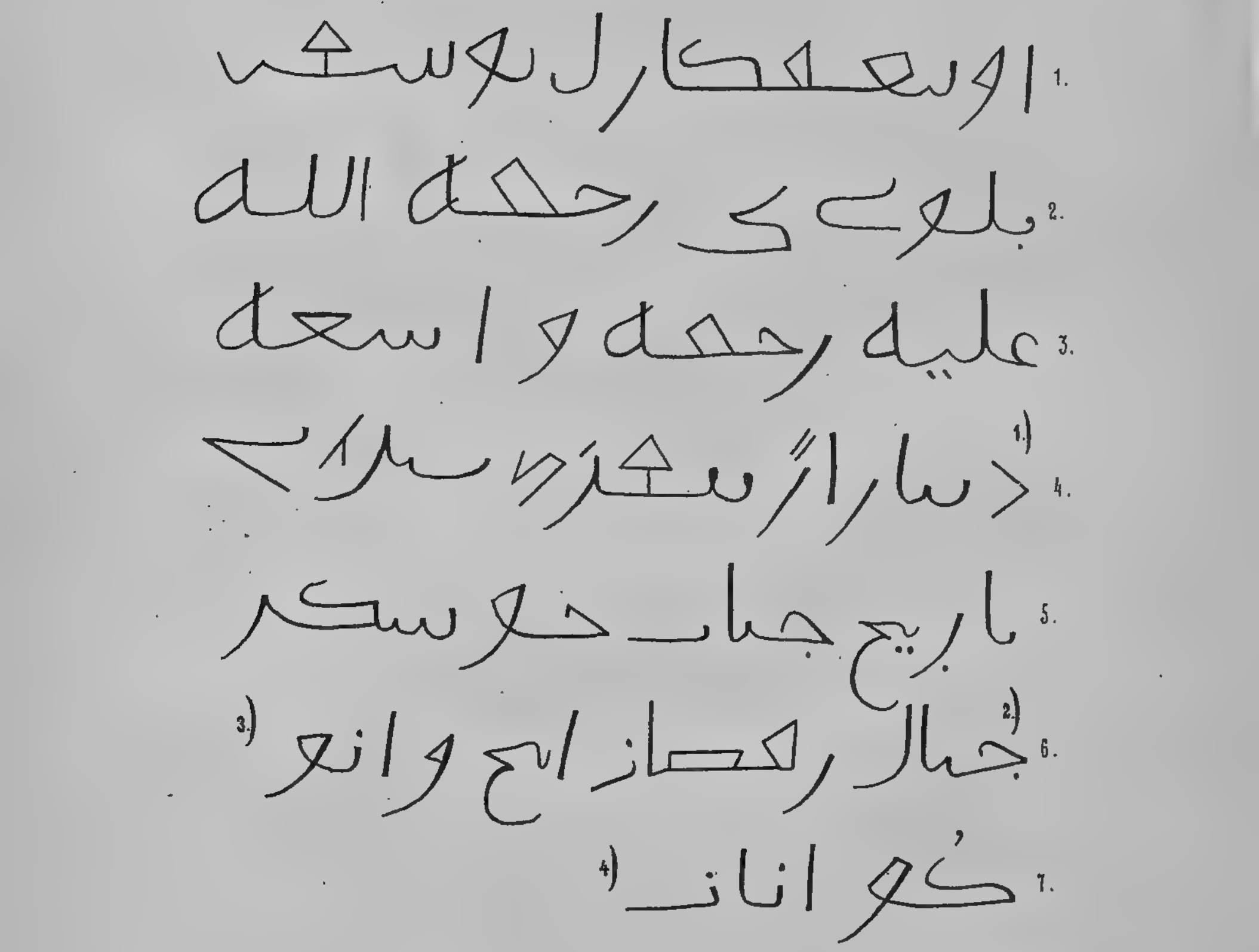
Здѣсь я представляю какъ самыя эпитафіи, такъ и сдѣланный мною переводъ этихъ эпитафій, котораго у г. Ахмарова нѣтъ.

№ 1.



[1]) Цифры надъ отдѣльными группами буквъ поставлены мною.

№ 2.



[1]) Слѣдуетъ: دنياران سعد طنروی? [2]) Слѣд. جال? [3]) Слѣд. وانم? [4]) Слѣд. كوان اَتِ.

№ 3.

1. عيلَ اولِ ارحبنَب
2. بلوُ..... بتِ نَ رَحمه
3. اللهِ عليهِ رَحمَةً واسعةً
4. دُ نيَارَا سعدرَكندرِبي
5. تارِيخَ جيَاتِ جَور
6. اشرَ خالَ نلو الغجَ [1]

[1]) Въ послѣдней строкѣ 1-е, 3-е и 4-е слова по смыслу неясны.

№ 4.

1. اَولَ اَلِبِ خَاج زِيَا
2. روك رَحمَهُ الله عَليهِ
3. رَحمَه واسعَه نارِخ
4. جبار حوُر ال سر[1]اِحال
5. رَمضان اىح رر[2]دأكرا[3]
6. ات

[1]) Слѣд. * التم, *шестой?* или الم, *пятидесятый?*
[2]) · Слѣд. وان, *десять?* [3]) Слѣд. كوان, *день.*

Къ № 2.

1. .... сына Мемека, сына ....
2. памятникъ. Да будетъ милосердіе Божіе
3. надъ нимъ милосердіемъ обширнымъ.
4. ..... счастья (?) отъ міра
5. по лѣтосчисленію въ 708
6. году, рамазана мѣсяца въ 10-й
7. день совершилось.

Къ № 3.

1. ....., сына (Исма) ила (?)
2. памят(никъ). Да будетъ милость
3. Бога надъ нимъ милостью обширною.
4. ..... счастья(?) отъ міра (совершилось)
5. По лѣтосчисленію въ семьсотъ
6. ? году ? ?

Къ № 4.

1. ..... сына, Алыпъ-Хаджи мо-
2. гила. Да будетъ милость Божія надъ нимъ
3. милостью обширною. По лѣтосчисленію
4. семьсотъ шестого(?) года,
5. рамазана мѣсяца 10-й(?) день
6. былъ.

Здѣсь оканчиваются надписи, приводимыя въ отчетѣ г. Ахмарова. Насколько отсюда можно видѣть, всѣ снимки и списки съ болгарскихъ надгробій, какіе были сдѣланы до сихъ поръ (за исключеніемъ трехъ точныхъ(?) снимковъ у Фейзъ-Ханова и двухъ у Березина) никакъ не могутъ считаться вполнѣ достаточными. Намъ остается только пожелать, чтобы на будущее время тѣ, кто имѣетъ къ тому возможность, озаботились изготовленіемъ болѣе точныхъ копій, съ возможно

бо̀льшаго числа древнихъ памятниковъ, оставшихся отъ болгарской эпохи, такъ какъ заключающійся въ нихъ лингвистическій матеріалъ, въ виду отсутствія иныхъ письменныхъ документовъ, имѣетъ для изслѣдователя болгарскихъ древностей особенную цѣнность.

Правописаніе болгарскихъ надписей.

Надписи, въ которыхъ замѣтны слѣды чувашизма, изображены всѣ безъ исключенія чисто арабскимъ алфавитомъ, безъ добавленія какихъ бы то ни было дополнительныхъ буквенныхъ знаковъ, какіе приняли въ свою письменность татары, турки, персы, афганцы и другіе народы, исповѣдующіе исламъ. Отсутствіе подобныхъ знаковъ могло, по моему мнѣнію, быть слѣдствіемъ того религіознаго уваженія, какое питаютъ всѣ вѣрующіе магометане къ священному для нихъ арабскому алфавиту, который, по существующимъ у мусульманъ преданіямъ, имѣетъ высшее, неземное происхожденіе [a].

Такъ какъ алфавитъ, употребляемый арабами, не заключаетъ въ себѣ нѣкоторыхъ знаковъ, необходимыхъ для выраженія особыхъ звуковъ, свойственныхъ тюркскимъ нарѣчіямъ, то волжскіе болгары были принуждены изображать слова своего языка только приблизительно, примѣняя тѣ арабскія буквы, которыя, по ихъ звукому значенію, представлялись до извѣстной степени пригодными для передачи болгарской рѣчи. Этимъ самымъ обстоятельствомъ я и объясняю то странное явленіе, что извѣстный законъ употребленія парныхъ согласныхъ, который свойственъ чувашскому языку и котораго, слѣдовательно, мы могли бы ожидать и отъ языка болгарскаго, не находитъ себѣ полнаго подтвержденія въ тѣхъ болгарскихъ словахъ, которыя мы видимъ на древнихъ памятникахъ. Дѣло заключается въ томъ, что, не находя въ арабскомъ алфавитѣ

---

a) См. по этому поводу любопытныя разсужденія въ соч. النصول الحديده فى خلاف الاصول الجديده („Острые наконечники противъ новыхъ методовъ“), Казань, Типогр. Универс., 1899. Стр. ١٠١—٩٥.

буквъ для выраженія нѣкоторыхъ глухихъ согласныхъ, каковы чув. *п*, *ć* и *х́*, волжскіе болгары стали изображать эти звуки другими арабскими буквами, пользуясь для изображенія перваго изъ нихъ арабскимъ ب, для изображенія второго—буквою ج и для передачи третьяго—буквою ه. Что касается тѣхъ случаевъ, когда наличность соотвѣтствующаго арабскаг знака давала возможность изображать болгарскіе звуки съ достаточною точностью, то въ этихъ случаяхъ, какъ мы видимъ изъ надписей, болгарскія глухія согласныя передавались тѣми арабскими буквами, которыя соотвѣтствуютъ глухимъ согласнымъ и въ арабскомъ языкѣ.

Все это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Правописаніе надписей.	*Предполагаемое произношеніе.*	*Чувашскія слова.*
جال *годъ*	ćал	çол, çул (*ćол*, *ćул*).
جور *сто*	ćӧр	çӗр (*ćӧ̆р*, *ćӘр*).
جيرم 20	ćірі̥м (ćіäрі̥м?)	çирӗм (*ćирӘм*).
جيات 7	ćіäді̥	çиҕҕӗ (*ćиц́ц́Ә*, *ćич́ч́Ә*).
جيارمنش 20-й	ćіäрмі̥ні̥ш	çирӗммӗш (*ćирӘммӘш*).
تمراج (личн. имя)	Тімрäć	Тимӗреç (*тимӘрэć*).
بيالم 5-й	піäлі̥м	пиллӗкӗм(ӗш), чит. *пил́л́ӘгӘмӘш*.
بلوك *знакъ*	пäлі̥к	палкӑ (*палгы̆*), *валҕы̆*. См. раньше.
هير *дочь*	хі̥р	хӗр (*х́Әр*).
آيخ *мѣсяцъ*	ајы̆х	ойӑх, уйӑх (*ојы̆х*, *ујы̆х*)
طحر 9	төһөр [a]	тӑххӑр (*тӧххӧр*, *ты̆ххы̆р*), тӑхӑр (*тӧһӧр*, *ты̆һы̆р*).
تواتم 4-й	тӱäді̥м	тӑватӑм (*ты̆вады̆м*).
ات *онъ былъ*	äді̥	ҕӗ (*ц́Ә*), ҕҕӗ (*ц́ц́Ә*, *ч́ч́Ә*)

[a] Ѳ, ѳ = чув. *ӧ*, ӧ = *ӧ̆*.

Относительно этихъ болгарскихъ написаній можно сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія.

Буква ج. Казанскіе татары пишутъ эту букву также и въ заимствованныхъ ими русскихъ словахъ, гдѣ по-русски слышится звукъ *з́*, напр. كاجوننى (кäцӯннī), *казённый*. اوجم (уцым), *оземь*; тогда какъ вмѣсто русскаго *с́* они иногда пишутъ по-татарски چ.

Такъ какъ болгары послѣдней буквы не употребляли, то они и замѣняли ее соотвѣтствующею звонкою ج.

Буквы ت и ط. Первая изъ этихъ буквъ, повидимому, употреблялась въ словахъ съ узкими гласными (мягкозвучныхъ), вторая же—въ словахъ съ гласными широкими (твердозвучныхъ). Поводъ къ такому предположенію подаютъ болгарскія начертанія تمراج, تواتم съ одной стороны и слово طحر—съ другой. Послѣдняя изъ этихъ буквъ употреблена на тетюшской надписи съ діакритическою точкою (ط̣), можетъ быть для означенія звонкости изображаемой ею въ этомъ словѣ согласной или же для отличія отъ похожаго на нее по начертанію куфическаго ك.

Буквы ه и خ. Первая буква соотвѣтствуетъ чувашскому смягченному *х́*, вторая—твердому *х*; это замѣчается въ начертаніяхъ ايخ и هير, встрѣчающихся въ этомъ видѣ на нѣсколькихъ болгарскихъ камняхъ.

Такъ какъ чувашскій языкъ не имѣетъ ни одного парнаго согласнаго звука, который былъ бы совершенно звонкимъ, но всѣ парныя звонкія согласныя этого языка представляютъ собою лишь нѣчто среднее между вполнѣ глухими и вполнѣ звонкими звуками, то въ современномъ чувашскомъ письмѣ, принятомъ въ чувашскихъ изданіяхъ и повсемѣстно распространившемся среди чувашъ, парныя звонкія вездѣ передаются буквами, употребляющимися также и для означенія парныхъ глухихъ согласныхъ. Этотъ принципъ правописанія, какъ ка-

жется, существовалъ и у ихъ древнихъ предковъ, волжскихъ болгаръ, съ тою только разницею, что послѣдніе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ недоставало соотвѣтствующаго глухого знака у арабовъ, въ силу необходимости ставили тѣ буквы, которыя въ арабской письменности выражаютъ не глухіе, а звонкіе звуки. Доказательствомъ этому могутъ служить съ одной стороны написанія: توانم, جيات, ات, съ другой—слова: هير, تمراج, جيرم и др. [25]).

Примѣчанія.

1. У Θеофана: *Ὀργανᾶς, ὁ τῶν Οὔννων κύριος* (619), *Κούβρατος, ὁ ἀνεψιὸς Ὀργανᾶ, ὁ τῶν Οὐννογουνδούρων κύριος* (635) и *Κούβρατος* или *Κροβάτος, κύριος τῆς Βουλγαρίας καὶ τῶν Κοτράγων.* У Nagy Géza, въ Ethnographia, 1894, II f., 93 l.

2. „Въ половинѣ V в. готскій историкъ Іорданисъ (552) помѣщаетъ булгаръ на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря, восточными сосѣдями живущихъ въ Дакіи славянъ“. Иречекъ, Исторія булгаръ, перев. съ нѣм. подъ ред. Яковлева. Варшава, 1877, 119 с.

3. Имя *Берсула*, которому нѣкоторые давали превратное толкованіе, сближая его съ именемъ *барзилеевъ*, народа, жившаго около Волги въ сосѣдствѣ съ хазарами, я отожествляю съ названіемъ рѣки *Берсулы*, праваго притока р. Камы, впадающаго въ послѣднюю нѣсколько выше г. Чистополя. Относительно названія Эсегель существуетъ предположеніе, сближающее его съ именемъ венгерскихъ секлеровъ (székely; см. Б. Мункачи, A magyar fémnevek őstört. vallomásai, 25 l.).

4. Найденныя до сихъ поръ болгарскія монеты весьма немногочисленны. Есть основанія думать, что чеканка монетъ у болгаръ была дѣломъ совершенно случайнымъ. См. Шпилевскій, op. cit. 44—45.

5. Срав. алт. „*пулгайры* юфть (кожа) (изстари называется юфть отъ города Болгара, на Камѣ)“ [1]); калм. *булиҗāра*, мадьяр. bagaria, юфть.

---

[1]) См. „Грамм. алт. языка, сост. членами Алт. Миссіи“. Казань, 1869. 242 стр. (словаря).

6. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, гл. I, стр. 76.

7. Шпилевскій, op. cit., 488 стр.

8. См. E. Bretschneider, Mediaeval researches from eastern asiat. sources. London, 1888, vol. II, p. 83, но также и Шишмановъ, op. cit. 724, XXX.

Замѣчательно, что способъ выраженія почтительности, заключающійся въ держаніи шапки подъ-мышкой, составляетъ непремѣнную особенность чувашскихъ моленій, гдѣ бы послѣднія ни происходили, въ полѣ или дома, въ холодное или въ теплое время года. Такъ, напр., въ д. Н. Шинкусахъ Тет. у., во время языческаго моленія о дождѣ (çумăр ӱҕӱкĕ, *ćумы̆р ӱ́ζӱ́гэ̆*), совершаемаго весною, около семика, когда сварится жертвенная каша, то старикъ, варившій жертвенное кушанье, „черпаетъ изъ котла ложку каши и, снявъ шапку и заткнувъ ее подъ-мышку, начинаетъ молиться, обратившись на востокъ“ („хурантан кашăкпа пăтă ăсса илет те, çĕлĕкне хывса хул-хушшине хĕстерсе, мал йеннелле пăхса кĕл-тума пуçлат“). Точно также въ описаніи моленія „ҕӱклеме“, совершаемаго въ д. Чувашской Менчѣ Чист. у., мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „Çапла вара пурне те майлаштарса çитерсен, ҕӱклеме кĕлли пĕлекен çын питне-куçне çăват, çине тумтир тăхăнат, çĕлĕкне сулахай хул-хушшине хĕстерет, ҕӱклеме хурĕ ҕашкине аллине илет те, тĕне кĕни пулсан Турă кĕтессине пăхса, тĕне кĕменни пулсан алăк патнелле пăхса, тата хăшĕхăшĕ тула тухса мал йенпе пăхса кĕл-тăваççĕ“,—т. е.: „Когда такимъ образомъ все будетъ устроено, какъ слѣдуетъ, то человѣкъ, знающій молитву, читаемую при обрядѣ *ц́ӱ́*к*л́э*м*э*, умывается, надѣваетъ на себя (верхнюю) одежду, затыкаетъ шапку подъ-мышку, подъ лѣвую руку, беретъ въ руки блюдо съ жертвеннымъ гусемъ и, обратившись, если онъ крещеный, то къ божницѣ, а если некрещеный, то къ двери (иные также выходятъ и на дворъ и обращаются къ востоку), начинаетъ молиться“. (Чувашскій текстъ описанія моленій сообщенъ П. В. о. Васильевымъ).

Хотя слово *сычевка* и вошло въ извѣстный „Словарь живого великорусскаго языка“, составленный Далемъ, однако въ силу неопредѣленности его указаній на районъ, гдѣ употребляется это слово (въ „Словарѣ“ сказано только: „*волж.*“), можно легко заподозрить, что это сомнительное реченіе было взято составителемъ „Словаря“ не изъ живой народной рѣчи, а лишь изъ нѣкоторыхъ сочиненій о болгарахъ, для авторовъ которыхъ указанная Сенковскимъ „сычевка“ была чуть ли не цѣлымъ откровеніемъ.

9. См. Корн. чуваш.-рус. словарь Н. И. Золотницкаго, 261—263 сс. Керменчукъ образовано изъ * кärмäн [соврем. чув. въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ—*карман*; половец. *kärmän*, крѣпость, городъ; срав. чув. языческія имена мужчинъ: *Карман*, Кармантей, чит. *Карман*$_{дэj}$ („крѣпости подобный“, отъ *карман* + тюрк.-*тай*, -*дай*, подобно?), *Кармаш* (уменьшительное отъ *Карман*?)] и диминутивнаго аффикса—„чi̇к“.

10. У Куника, въ сочин. „Извѣстія Ал-Бекри и др. авторовъ о руси и славянахъ“, стр. 153.

11. Г. Мункачи говоритъ: „Имя *угоръ*, *огуръ*, по своему происхожденію, представляетъ древнее собирательное обозначеніе западныхъ тюркскихъ племенъ, въ противоположность съ жившими восточнѣе отъ нихъ и отличавшимися отъ нихъ также и по нарѣчію *огузами*, которые также называли себя вообще именемъ *тюркъ*, какъ продолжаютъ себя называть и до сихъ поръ“ (Az „ugor“ népnevez. eredete, 387 l.).

12. О чувашскихъ элементахъ въ мадьярскомъ языкѣ много писалъ г. Мункачи; онъ же разсматривалъ чувашскія слова, вошедшія въ вотскій и нѣкоторые славянскіе языки. Статьи этого ученаго, касающіяся чувашскаго языка, помѣщались имъ главнымъ образомъ на страницахъ венгерскихъ журналовъ Ethnographia, Nyelvtudományi Közlemények и Keleti Szemle; изъ нихъ можно отмѣтить: A magyar fémnevek őstörténeti vallomásai („Первобытно-историческія показанія названій металловъ у мадьяръ“), Ethnographia; 1894, 1 sz.; Az „ugor“ népnevezet eredete („Происхожденіе племенного

наименованія „угры“), Ethn., 1895, 5—6 sz., 349 l.; A magyar-szláv ethnikai érintkezés kezdetei („Начала мадьяро-славянскихъ этническихъ сношеній“), Ethn., 1897, 1—2 sz.; Csuvas nyelvészeti jegyzetek („Замѣтки, касающіяся изученія чувашскаго языка“), Nyelvtud. Közlemények, 1887, 1 f.; „A magyar népies halászat műnyelve („Народная терминологія по рыболовству у мадьяръ“), Ethnogr. 1893, 7—12 sz., и др. Заимствованія, сдѣланныя изъ чувашскаго языка вотяками, подробно разбираются тѣмъ же ученымъ въ статьѣ „Idegen elemek a votjak nyelvben („Чуждые элементы въ вотскомъ языкѣ“), Nyelvtud. Közl., 1883, XVIII k., 1 f., а нѣкоторыя чувашскія слова, перешедшія въ языкъ мордвы, представлены у г. Паасонена, въ его очеркѣ „Die türkischen Lehnwörter im mordwinischen“, напечатанномъ въ Journal de la Société Finno-Ougrienne за 1897 г.

Относительно тюркскихъ элементовъ въ мордовскомъ языкѣ, указанныхъ у г. Паасонена, я считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія дополнительныя замѣчанія:

1. Чувашское айта (*ajda*), идемъ, айда, которое поставлено г. Паасоненомъ въ соотвѣтствіе мордовскому *ad'a*, *ad'ä*, употребляется лишь въ нѣкоторыхъ чув. мѣстностяхъ; обыкновенное же произношеніе этого слова у чувашъ—аҳа (*ad'a*, *aдa*). Русскіе въ Курм. у. Симб. губ. произносятъ нерѣдко: *адя*, вмѣсто обще-рус. *айда*.

2. Слово *ajel*, *aʲel'*, *ajəl*, sattelgurt; bauchgurt, о которомъ въ статьѣ сказано: „Im tat. und tschuw. nicht belegt“, я нашелъ въ говорѣ чувашъ д. д. В. Олгашей и *Пошкырт* Козм. у., которые произносятъ это слово ойăл (*ojъ̆л*)—подпруга.

3. Мишар. *akaźźa*, eigentümlich, wunderlich, которое г. Паасоненъ склоненъ считать за арабское, на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ рус. *оказія* (въ акающихъ говорахъ—*аказіа*), отъ лат. occasio, случай, приключеніе. Срав. выраженіе: что за оказія!

4. Мордовское *ańćak*, только, слѣдуетъ считать не древнемишарскимъ, какъ это дѣлаетъ г. Паасоненъ, а чувашскимъ,

такъ какъ мордов. *ć* (*ц́*) въ этомъ словѣ составляетъ передачу полузвонкаго чувашскаго *ʒ́* (у чувашъ анҕах, низ. *ан́ʒ́ах*, верх. *ан́ц̆ах*, только); срав. мордов. *кац́ага* и чув. каҕака, низ. *каʒ́ага*, верх. *кац̆ага*, коза. Послѣдняго слова у г. Паасонена нѣтъ.

5. Слово *asu* (изъ болѣе древняго *asuv*), nutzen; fähigkeit, стоитъ всего ближе къ чувашскому осă, усă (чит. *озы̆*, *узы̆*), польза.

6. Въ соотвѣтствіе морд. *azar*, wütend, böse, я нахожу въ чувашскомъ реченія асар-писер (*азар-бизэр*), хасар-писер (*хасар-бизэр*), злой, ожесточенный.

7. Мордовскому *jabun'ća*, filz, filzdecke, отвѣчаетъ чувашское йупăнҕă, йопăнҕă (*јубы̆н́ʒ́ы̆*, *јобы̆н́ц̆ы̆*), особый родъ покрывала.

8. Морд. *kot'än'*, *kot'ana* и пр., hinterteil, after, созвучно съ чув. котана (*кодана*, курм.), прямая кишка (котана тохат̆, *кодана доhат́*, „выпадаетъ прямая кишка").

9. Мишар. *noγît*, „ein gesträuch mit nussähnlichen früchten", соотвѣтствуетъ у чувашъ Белеб. у. Уфимской губ. реченію нухăт-йывăççи (*нуhы̆т-јывы̆ćći*), бобовникъ, amygdalus nana.

10. Мордовское *borsuk*, барсукъ, заимствованное мордвою или изъ тюрк. нарѣчій или же изъ русскаго языка, соотвѣтствуетъ чувашскому *поржы̆*, порăш (*поры̆ш*), пурăш (*пуры̆ш*), idem; послѣднее слово перешло къ мадьярамъ, въ формѣ *borz*, der Dachs.

11. Морд. форму *samana*, zeit, судя по глухому *с* въ ея началѣ, слѣдуетъ считать принятою отъ чувашъ (чув. *самана*, время, въ смыслѣ совокупности обстоятельствъ, отъ араб. زمانه)

12. Морд. *sapə̂n'*, *sapun'*, *sapon'*, мыло, слѣдуетъ считать заимствованнымъ отъ чувашъ, которые произносятъ эти слова: *собы̆н́*, *субы̆н́*, *субы̆н* (сопăҕ, супăҕ, супăн); въ пользу такого сближенія говоритъ конечное мягкое *н́* въ томъ и дру-

гомъ языкѣ; что касается глухого *р* въ морд. словахъ, то оно могло возникнуть изъ полузвонкаго чувашскаго *б*.

13. Морд. *s'ukun'ams*, sich bücken etc., произошло отъ чув. çăкăн (*ćŏгŏн*) присѣдать, faire la révérence [а]).

14. Морд. *s'ućä*, *ćuće*, eine gefährliche hautkrankheit, krebs, соотвѣтствуетъ чув. ђĕђĕ, *ч'ŏцŏ*, цынга? См. Матеріалы, 353 [б]).

15. Съ словомъ *čavka*, dohle, также слѣдуетъ сопоставить низ. чув. ђавка (*ц́авга*), др.-слав. чавъка, галка (См. Словарь др.-слав. языка А. В. Старчевскаго, изданный А. С. Суворинымъ. СПБ., 1899.).

16. *takə̂r*, rein, ausgetreten (vom wege) = чув. такăр, таккăр (*тагы̆р*, *таккы̆р*), ровный.

17. *Toba*; *ṕežət' t.*, bei gott! wahrhaftig, соот. чув. тупа, топа (*туба*, *тоба*), клятва (въ реченіи тупа ту, *туба ду*, клясться), тупа-та-Турăшăн, тупă-та-Турăшăн (чит. *туба-да-Туры̆жы̆н*, *тубы̆-да-Туры̆жы̆н*), „ей Богу!“

18. Въ соотвѣтствіе съ морд. *t'oba*, hügel, мы находимъ въ чув. языкѣ тӳпе (*т́ӳ*$_б$*э*, *т*$_ӳ$$_б$*э*), верхъ, вершина; пуç тӳпи (*пуć т́ӳ*$_б$*и*), темя.

13. Къ подобнымъ словамъ относятся слѣдующія, замѣченныя мною лишь случайно: нѣм. alp, *домовой*, чув. улăп (*улы̆п*, см. „Матеріалы“, стр. 70); нѣм. Barte, *сѣкира*, чув. пуртă, портă (чит. *пурды̆*, *порды̆*), ср. мадьяр. *bárd*, топоръ; нѣм. Bilse, Bilsenkraut, *бѣлена*, чув. пиçен (п*из́эн́*), каз.-тыт. *білчäн*, мордвинникъ; нѣм. Kunkel, фр. quenouille, *прялка*, чув. кĕнђеле (к*ӭн́ζэл́э*), кăнђала (*кы̆н́ц̆ала*), кудель, мочка, кĕнђеле йывăççи (к*ӭн́ζэл́э jывы̆ćći*) кăнђалаççи (*кы̆н́ц̆алаćći*), *кы̆н́цалуć*, прялка (срав. слав. кѫдѣль, рус. кудель); нѣм. Wermuth, чув. ерĕм (эр*ӭ*м), арăм-ути (*ары̆м-уδи*ы), полынь; нѣм. Egge, Ege, *борона*, чув. ака (*ага*), плугъ; нѣм. Eichel, чув. йĕкел (*jӭ*г*эл́*, *jӭ́iэл́*), каз.-тат. äкäлi̥, жолудь.

а) Çăкăнат, *присѣдаетъ*, — говорится о новобрачной, когда она, на другой день послѣ свадьбы, идетъ въ первый разъ за водою, при чемъ на обратномъ пути народъ забѣгаетъ впередъ и требуетъ отъ нея поклона. См. также В. К. Магницкаго, Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры, 205.

б) Каз.-тат. „тӧчӧ зäхмäтi̥“, цынга?

Было бы весьма интересно прослѣдить, не встрѣчаются ли въ германскихъ нарѣчіяхъ также и другія слова, имѣющія сходство съ чувашскими, и опредѣлить ближе причины подобнаго сходства. Мнѣ кажется, можно думать, что нѣкоторыя изъ тюркскихъ словъ, вошедшихъ въ нѣмецкій языкъ, были туда заимствованы весьма рано, вѣроятно въ эпоху переселенія народовъ. Также любопытно выяснить, изъ какого общаго источника могло бы происходить названіе *глины*, которое встрѣчается въ почти одинаковой формѣ у нѣмцевъ, славянъ, мадьяръ, чувашъ и арабовъ: нѣм. *Thon*, мадьяр. *tim*, чув. тӑн, тӑм (*тӑ̆н*, *тӑ̆н*, *тӑ̆м*), араб. طين (грязь, глина), срав. слав. тина (грязь, глина, тина) и рус. *тина*.

Кромѣ тѣхъ славянскихъ словъ, которыя показаны у г. Мункачи заимствованными изъ какого-то тюркскаго нарѣчія [1]), близкаго къ чувашскому, я, просматривая цитованный выше Слов. др. слав. яз. А. В. Старчевскаго, нашелъ въ немъ слѣдующія слова, сравненіе которыхъ съ чувашскими, можетъ быть, окажется не излишнимъ:

Батогъ, бичъ, рус. *падогъ*, палка (носимая въ рукахъ), чув. патак (чит. *падак*), палка; *баканъ*, камень, чув. пукан (*пуган*), отрубокъ, стулъ, гиря; *боляръ*, бояринъ, чув. пӳлӗ ар (п*ӳ́лӗ̆ ар*), высокій мужъ, откуда, можетъ быть, „Пӳлер“, Билярскъ; *верба*, верба, срав. чув. в*ӗ*рв*ӑ̈* (въ Большомъ Карачкинѣ Козм. у.), вирём (в*и*р*э̆*м), названіе языческаго обряда, во время котораго бьютъ каждаго находящагося въ домѣ *вербою* (см. В. К. Магницкій, Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры, 126, 127 стр.), каз.-тат. бӓрмӓчi̯к, бӓрмӓчлi̯к, бӓрмӓчлi̯кi̯j, бӓрмӓчлi̯кi̯jаӷачы, верба; слав. *видро*, мадьяр. *Vidra*, нѣм. *Otter*, чув. ӑтӑр (*ӑ̆дӑ̆р*, *ы̆ды̆р*), цив. чув. вӑтӑр (*вӑ̆дӑ̆р*), чебокс. хӑтӑр (*хӑ̆дӑ̆р*), выдра? (козм.= кротъ?); *восъкъ*, нѣм. *Wachs*, чув. ӑвӑс (*ы̆вы̆с*), *вус*, *выс*, воскъ; *гомоля*, комъ, катышекъ, чув. козм. кумаӆа (*кумаӆа*), неразмѣшанные комочки муки въ киселѣ; *гренги*, бѣлый (о масти коня), чув. кӗрен (*кӗ̆*р*э̆н́*, к*э̆*р*э̆н́*), игренiй; *жемчугъ*, чув. ӗнӷӗ̆

[1]) Въ ст. A magyar szláv ethnikai érintkezés kezdetei, 2—29 ll.

(*Әӈ́ʒӘ*), жемчугъ; *жесть*, чув. шăвăç, шуç (*шы̆вы̆с́*, *шус́*), жесть; *зѣкръ*, голубоватый, голубоглазый, чув. ђакăр (*ч́агы̆р*, *ц́агы̆р*), голубоглазый, имѣющій разноцвѣтную радужную оболочку глазъ; *огаръ*, охотничья собака, польск. *ogar*, мадьяр. *agár*, борзая собака, чув. акар (*агар*), въ загадкѣ: „Акар йыттăм ашса пыраť, айакки витĕр хĕвел пăхаť.—Çара çуна". *Моя борзая* (?) *собачка бѣжитъ рысью, а сквозь ея бока свѣтитъ солнышко.—Дровни.—Капь*, изображеніе, *капище*, идолъ, кумиръ, храмъ, мадьяр. *kép*, картина, изображеніе, чув. козм. *кап*, обще-чув. пек, пак (пэќ, пэк, *пак*), подобный, подобно [1]), алт. *кäп*, образецъ, форма; *кърста*, *корста*, *керста*, чув. кистеп (*ќист́эн́*, кистэн), гробъ (=обще-чув. тупăк, топăк, топăт, чит. *тубы̆к*, *тобы̆к*, *тобы̆т*, отъ араб. تابوت, гробъ); *кичири*, чув. кишĕр (*ќижӘр*), морковь; *лоугъ*, низменное мѣсто, заливной лугъ, чув. олăх, улăх (*олы̆х*, *улы̆х*), заливной лугъ; *лѣха*, гряда, рядъ, порядокъ, чув. лекке, лика, ђакка (*л́эккэ*, *л́акка*, *л́ига*), *л́иђä*, лѣха, рядъ посѣянныхъ въ полѣ сѣмянъ; *лѫгъ*, лужа, дебрь, роща, чув. курм. лонкă(?) çĕр (*логгы̆ з́Әр*), долъ, долина; *пыро*, пырей, горохъ, мука, *пырѣнъ*, полба, чув. пăри (*пы̆ρи*ы), каз.-тат. бөраj, полба; *сагчии*, какой-то сановникъ, *сагъчий*, родъ должности, чина, чув. сыхђи (*сыхч́и*, вѣроятно съ суф. 3-го л.), хранитель (въ названіяхъ божествъ; см., напр., В. К. Магницкаго, op. cit., 88 с.), луг. черем. *суксы̆*, *сукчы̆*, *сакчы̆*, ангелъ, каз.-тат. *саkчы*, стражникъ; *сани*, чув. çуна, çона (*с́уна*, *с́она*), каз.-тат. *чана*, алт. *чанаk*, авар. чанађ, сани; *срѣний*, сѣрый, *срѣнъ*, бѣлый, чув. çӳрен (*с́ӳрэн́*), рыжій (о лошади), каз.-тат. ц̣ірäн; *соуръна*, труба, дудка, зурна, чув. сăрнай (*сы̆рнаj*), волынка; *тинь*, чув. ђĕн (*ц́ӘН́*, *ч́ӘН́*), ремень; *тенето*, петля, *тоното*, тенета, сѣть, чув. таната (*танада*), сѣть; *оулий*, чув. вĕлле (вӘл́л́э), улей; *чара*, родъ сосуда, чув. ђара (*ц́ара*, *ч́ара*), большая деревянная чашка; *шаръ*, чув. сăр (*сы̆р*), краска; *ꙗчьмыкъ*, ячмень, чув. йасмăк (*jасмы̆к*), чечевица; *опица*, *опыни*, чув. упăте, опăте, опăťа, ӳпĕте (чит.

---

[1]) Чув. „пек, пак"—метатезисъ вм. * „кеп, кап".

ӱбы̆дэ, обы̆д'э, обы̆д'а, ӱ́бэ̆дэ), обезьяна; *орь*, чув. ӑйӑр (*ы̆jы̆р*), ыр̥ӑ (*ыр́ы̆*), жеребецъ. Также замѣтимъ у Даля: **ча́канъ** м. *астрах. дон.* сочное болотное растеніе typha=чув. ђакан (см. выше стр. 47); **осла́мъ** м. *каз.* комъ растопленнаго русскаго масла, пахтусъ. || Барышъ, ростъ, взятка, могарычи. *Осламщики* (перекупщики, барышники). Срав. чув. уçлам (*ус́лам*), комъ пахтанаго масла (отъ „уçла"—пахтать); *услам, ослам*, барышъ, процентъ, усламçӑ (*усламз́ы̆*), коробейникъ, мелкій разъѣзжій торговецъ (каз.-тат. *асламчы*).

Здѣсь я ограничиваюсь только однимъ указаніемъ на сходныя слова, найденныя мною въ славянскомъ и чувашскомъ языкахъ, не пускаясь въ опредѣленіе того, какой языкъ служилъ источникомъ для заимствованія того или другого слова, такъ какъ рѣшеніе подобнаго вопроса потребовало бы особыхъ изысканій и выходило бы изъ рамокъ настоящей статьи.

Однако я позволю себѣ отмѣтить одно слово, именно польск. chmura, русск. *хмура, хмара*, туча, русск. *хмурый*, зырян. *кымӧр*, туча, темный, которое г. Мункачи считаетъ славянскаго происхожденія, но которое, какъ мнѣ кажется, носитъ на себѣ нѣкоторые весьма характерные признаки „чувашизма" (См. выше, стр. 63; срав. нѣм. *Kummer*, печаль).

14. К. С. Сергѣевъ пишетъ мнѣ о жителяхъ этихъ деревень слѣдующее: „Пирӗн патра икӗ йал пур; пӗрне *Хурӑнсур-Çармӑс*, теппӗрне *Ту-çи-Çармӑс* тиççӗ. Вӑл йалсене ђӑваша тухнӑ çу-çармӑссам тиççӗ. Калаçасса вӑсам ђӑвашла калаçаççӗ (только съ нѣсколько инымъ акцентомъ [a]), çу-çармӑсла пӗлмеççӗ [b]", т. е. „У насъ (около с. Ораушъ) есть двѣ деревни, одну изъ нихъ называютъ *Хуры̆нзур-З'армы̆с*, а другую *Тузи-З'армы̆с*. Утверждаютъ, что жители этихъ деревень—очувашившіеся черемисы. Говорятъ они по-чувашски, только съ нѣсколько инымъ акцентомъ, а по-черемисски не знаютъ". Эти свѣдѣнія говорятъ въ пользу того, что среди

---

a) Слова въ скобкахъ въ письмѣ написаны по-русски.
b) Нарѣчіе этого отрывка—ядринское.

торныхъ черемисъ бывали случаи полнаго очувашенія цѣлыми деревнями; насколько они были часты и сколь великъ былъ районъ, захваченный этимъ процессомъ, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о чувашахъ и черемисахъ опредѣлить едва ли возможно. Большую помощь въ этомъ случаѣ могло бы оказать изученіе топографическихъ наименованій, но одного такового было бы недостаточно, такъ какъ жители того или другого чувашскаго селенія, носящаго черемисское названіе, не всегда могутъ оказаться очувашившимися черемисами: здѣсь могутъ встрѣтиться и такія селенія, гдѣ чуваши поселились позднѣе, послѣ эмиграціи первоначальныхъ обитателей, черемисъ.

15. Что начальное мадьярское *gy* (*д'*) въ словѣ gyász развилось изъ болѣе ранняго *j*, доказывается также тѣмъ обстоятельствомъ, что у одного древняго мадьярскаго писателя это слово встрѣчается также въ формѣ *jasz* (см. Munkácsi B., A török műveltséghatás kora, Ethnographia, 1895, 2 sz., 136 l.); кромѣ того, мы имѣемъ и другія доказательства въ пользу того, что мадьярское „gy“ нерѣдко служитъ къ выраженію первоначальнаго j; таковы, напр., слова: *Gyula*, Юлій; фин. *jalka*, нога, мадьяр. *gyalog*, пѣшкомъ; мадьяр. *jön*, и *gyön*, онъ приходитъ; мадьяр. *jer* и *gyer*, иди, и пр. (См. A. Riedl, Magyarische Grammatik, S. 68). Поэтому нѣтъ основанія думать, что начальное „gy“ въ реченіяхъ *gyékény*, *gyermek*, *gyertya*, *gyom* и др. развилось изъ какого-то другого звука, помимо *j*, какъ это думаетъ г. Мункачи, и предполагать, что происхожденіемъ своимъ этотъ звукъ обязанъ особенностямъ какого-то особаго, не чувашскаго нарѣчія, оказавшаго воздѣйствіе на мадьярскій языкъ (см. Keleti Szemle, 1901, 4 sz., 310 l.). Надо имѣть въ виду, что угро-тюркское *j* въ мадьярскомъ языкѣ не обращается въ *gy* только въ томъ случаѣ, когда за нимъ слѣдуютъ звуки, относящіеся къ группѣ *i* (*ír-*, *íker*), а потому тѣ слова, гдѣ наблюдается подобное явленіе, не могутъ представлять достаточнаго основанія къ отнесенію ихъ въ разрядъ особыхъ заимствованій, сдѣланныхъ

изъ другого нарѣчія. По моему мнѣнію, причину различія въ выраженіи обще- тюркскаго *j* въ началѣ мадьярскихъ словъ слѣдуетъ искать не въ томъ обстоятельствѣ, что эти слова были заимствованы изъ трехъ различныхъ тюркскихъ нарѣчій, какъ это дѣлаетъ г. Мункачи, а въ томъ, что подобное различіе уже было свойственно тому „древне-чувашскому“ нарѣчію, откуда мадьяры заимствовали значительную часть тюркскихъ элементовъ своего языка. Историческую послѣдовательность начальныхъ звуковъ *j*—*ć*—*ǵ* (*ǵ*) въ чув. языкѣ, мнѣ кажется, можно считать за вполнѣ достовѣрный фактъ, но эта послѣдовательность не была правильной: въ то время, какъ одни слова перемѣнили древній начальный *j* на *ć* и въ дальнѣйшемъ развитіи на *ǵ*, *ǵ*, другія реченія сохранили его безъ перемѣны даже до настоящаго времени. При этомъ мы можемъ замѣтить, что нѣкоторыя „чувашскія“ реченія, вошедшія въ древности въ мадьярскій языкъ, очевидно начинались тогда звукомъ *j*, но впослѣдствіи развили его въ *ć* и *ǵ*; къ такимъ реченіямъ относятся слова *gyom*, *gyékény*, *gyertya*, *gyermek*, *gyűrű* и нѣкоторыя другія.

16. Луговые черемисы, какъ извѣстно, называютъ въ настоящее время чувашъ *чувашъ*; усвоеніе этого наименованія черемисами я считаю позднѣйшаго происхожденія, при чемъ въ данномъ реченіи оно доказывается присутствіемъ между гласными *у* и *а* соединительнаго согласнаго *в*. Въ другихъ чувашскихъ словахъ, вошедшихъ въ черемисскій языкъ, мы этого явленія не замѣчаемъ. Срав. *туан*, чув. тăван (*тӳван*, *туан*), родственникъ; *туарэм*, чув. тăвар (*тӳвар*, *туар*), отпрягать; *уа*, чув. хăва (*хӳва*, *хуа*), тальникъ; *суап*, чув. сăвап (*сӳвап*, отъ араб. ثواب), награда за доброе дѣло; *суарлӹк*, *сорлӹк*, чув. çăварлăх (*ćӳварлӹх*, *ćуарлӹх*), удила, и др. Сравненіе черемисскихъ формъ *суас*, *чувашъ* и другихъ, приводимыхъ здѣсь, заставляетъ насъ думать, что въ эпоху чувашскаго вліянія на черемисъ чувашскому языку были свойственны дифтонги *уа*, *ӱэ*, которые впослѣдствіи всюду измѣнились въ *ӹва*, *ӓ*$_{в}$*э*, сохранившись только въ нѣко-

торыхъ западныхъ говорахъ. См. „Матеріалы“, 366—367 сс. Нѣкоторые примѣры „угорскихъ“ заимствованій въ языкѣ мадьяръ также доказываютъ намъ, что современное общечувашское *в* раньше представляло собою гласный (или полугласный) звукъ; таковы реченія, сходство которыхъ съ чувашскими замѣчено г. Мункачи: мадьяр. kék, чув. кӑвак (*кӳвак*, *куак*), синій; мад. kőris, чув. каврӑҫ, карӑш (*каврӳс́*, *карӳш*), въ с. Пошкыртѣ Козм. у.—*карӳс́ йӳс́*, ясень; мадьяр. őrleni, чув. авӑр, ар (*авӳр*, *ар*), молоть. Долгія гласныя *é* и *ő* мадьярскихъ словъ могли произойти здѣсь только отъ „древне-угорскихъ“ дифтонговъ.

17. Оспаривая теорію болгарскаго происхожденія чувашъ, г. Шишмановъ говоритъ:

«Всички тия противурѣчиви показания ни принудиха да провѣримъ на самото мѣсто, кой е правъ: да ли тия, които твърдятъ, че чувашитѣ сж *потурчени фини* или че тѣ сж искони *турско племе*? За тая цѣль прѣзъ ваканциитѣ на 1897 година, ние посѣтихме Казань, отгдѣто прѣдприехме една екскурсия до чувашитѣ въ съдружие съ професора Смирнова.

Непосрѣдното ни наблюдение върху физичния типъ и материалната култура на чувашитѣ закрѣпи и у насъ напълно мнѣнието, че имаме въ мнимитѣ потомци на прабългаритѣ—фини, което се потвърждава отъ цѣлата тѣхна езическа митология, обичаи и нрави. Тъй като сегашното нарѣчие на чувашитѣ е обаче несъмнѣнно турско, то е очевидно, че тукъ имаме работа съ доста късно потурчени фини (вѣроятно черемиси [a]), както прѣдполага Ильминскій възъ основа на поменатитѣ надгробни надписи, както мисли и Хоуортъ.

Личнитѣ ни наблюдения и всички показания на разгледанитѣ погорѣ езикови категории *потвърдиха прѣди всичко напълно изказаното отъ Вамбери мнѣние за расовата принадлежность и езика на днешнитѣ чуваши*. Дѣйствително всичко което може да се признае Куніку, то е, че чувашкото нарѣчие прѣдставя *едно по-ново развитие на единъ турски диалектъ върху чужда, финска почва*, нѣщо което, както ще видимъ по-долу, прѣдполага и Радловъ въ по-ново врѣме. Само въ туй, *чисто езиково отношение*, може да се допустне, че чувашитѣ сж наслѣдници на древнитѣ, изчезнали турско-татарски българи, които сж се поселили въ областьта на финитѣ по срѣдното течение на Волга едва ли по-рано отъ VI вѣкъ».

По поводу словъ г. Шишманова я нахожу нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Мнѣ представляется непонятнымъ, почему допуская возможность того, что чуваши унаслѣдовали языкъ древнихъ болгаръ, онъ такъ категорически

---

a) Почему именно черемисы?

отрицаетъ всякую племенную, кровную связь первыхъ съ послѣдними. Были ли произведены кѣмъ-либо антропологическія изслѣдованія, на основаніи которыхъ можно бы было утверждать такъ рѣшительно, что чуваши—чистые финны, безъ всякой примѣси болгарской крови? Мы такихъ изслѣдованій не знаемъ. Однако, если г. Шишмановъ имѣлъ случай наблюдать чувашъ непосредственно, то отъ его наблюденія не должно было ускользнуть, напримѣръ, то обстоятельство, что въ чувашской массѣ обращаютъ на себя вниманіе два рѣзко выраженныхъ типа: между тѣмъ какъ съ одной стороны мы встрѣчаемъ среди чувашъ индивидуумовъ съ совершенно свѣтлыми (русыми) волосами, съ другой стороны у нихъ нерѣдко можно наблюдать и настоящихъ брюнетовъ, съ смуглымъ цвѣтомъ кожи и черными, какъ смоль, волосами. Такимъ образомъ, даже поверхностное наблюденіе надъ чувашскою массою можетъ навести насъ на сомнѣніе относительно однородности племенного состава чувашскаго народа. Что касается особенностей матеріальной культуры, обычаевъ, нравовъ и языческой миѳологіи чувашъ, то въ этомъ отношеніи до сихъ поръ произведено столь мало изслѣдованій, что всякія рѣшительныя заключенія по этому предмету пока были бы слишкомъ поспѣшными и неосновательными.—„Всякій бы ожидалъ, говоритъ г. Шишмановъ, что потомки такого фанатичнаго мусульманскаго народа, какимъ были волжскіе болгары,—ревностные мусульмане. Ничего подобнаго. Чуваши и въ религіозномъ отношеніи финны“. Очевидно онъ забываетъ, что по показаніямъ арабскихъ источниковъ (Ибнъ-Даста) мы знаемъ совершенно опредѣленно, что часть болгаръ была язычниками уже въ то время, когда другіе болгары, мусульмане, имѣли у себя и мечети и религіозныя школы. Если послѣдніе и были весьма привержены къ своей религіи, такъ что даже высылали своихъ миссіонеровъ съ проповѣдью къ другимъ народамъ, то это еще не означаетъ, чтобы они, при ихъ сравнительно мирномъ характерѣ, прибѣгали для распространенія ислама къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ. Съ

другой стороны, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Куникъ (Ал-Бекри, 159), богатство лѣсовъ, которое обратило на себя вниманіе даже арабовъ, представляло препятствіе для примѣненія строго-восточнаго деспотизма. Однако при всемъ томъ мы не имѣемъ основаній утверждать, чтобы мусульманскія вѣрованія не оказали никакого вліянія на религіозныя воззрѣнія чувашъ,—наоборотъ, эти вѣрованія, повидимому, уже начинали проникать въ массу чувашскаго населенія, что видно изъ того обстоятельства, что мусульманская религіозная терминологія, въ главнѣйшихъ и притомъ наиболѣе элементарныхъ ея чертахъ, оставила явные слѣды въ религіозныхъ наименованіяхъ чувашъ. Къ числу подобныхъ наименованій и изреченій мы можемъ отнести: Турă Тала (*Турă Дала*) = тюрк. تنكرى تعالى, Всевышній Богъ; Атам Турă (*Адам Дурă*), богъ Адамъ [a]? Пихампар (*пиhамбар*), богъ, повелитель волковъ (см. Золотницкаго, стр. 202), отъ персид. پیغمبر, *пророкъ*; Кепе (кэбэ), „духъ, управляющій судьбами человѣческаго рода“ (ibid.) [b], вѣроятно отъ араб. كعبة, *Кааба*; Хăрпан (*Хŏрбан*,

---

[a] Вѣроятно отъ араб. آدم, *Адамъ*, едва ли отъ евр. אָדוֹן *господинъ*, *Господь*, אֲדֹנָי, *Господь*.

[b] Едва ли подобное слишкомъ отвлеченное объясненіе названія „Кепе“ справедливо. Въ записи чувашскихъ божествъ, сдѣланной въ с. Сунчелеевѣ, Старо-Мокшин. вол. Чистоп. уѣз., помѣщены: Кепĕ амăшĕ (слѣдуетъ читать: Кепе амăшĕ), Кепи“, *Мать Кебе, и самъ Кебе*; „Кепалă куçан (слѣдуетъ: Кепе алăкĕ уçан) ырă амăшĕ,—ырри“, *мать святого, отворяющаго дверь Кебе и самъ этотъ святой*. Встрѣчается также „Кепе кпремеҫĕ“, киреметь Кебе (kirèmète de Kèbè), и „Кепе-ту“, гора Кебе (la montagne de Kèbè). Послѣднее наименованіе записано мною отъ чувашина с. Б. Карачкина Козм. у., который сообщилъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: „Кепе-ту—это большая гора; гдѣ она—я не знаю, на Аѳонской горѣ, что-ли. На горѣ Кепе-ту медъ, говорятъ, течетъ между камнями, и пчелъ тамъ многое множество. Нигдѣ нѣтъ

Хъ̆ырбан), особый духъ, которому чуваши Белеб. у. Уфим. губ. молятся: Хăрпан, ан хăрт, ан типĕт (*Хъ̆ырбан! ан hъ̆ырт, ан дибэ̆т*), т. е. „Хурбанъ! не суши, не насылай засухи“, отъ араб. قربان, *жертва*; киремет (*ки́рэмэ́т*, кирэмэт), названіе особо почитаемыхъ духовъ предковъ, отъ араб. كرامة *кäрāмāт*, „чудо, сверхъестественная сила, приписываемая святому человѣку, лучъ милости, чудесное дѣйствіе, въ которомъ Богъ обнаруживаетъ святость своихъ служителей“ (см. также В. К. Магницкаго, „Клады изъ мелкой серебр. монеты въ Вятской губ.“, Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XVII, вып. 2—3, 138 с.); асамçă, асамăç, асаймăç (*азамзы̆, азамы̆с́, азаjмы̆с́*), колдунъ, волшебникъ, отъ араб. اذان, „призывъ къ молитвѣ (въ мечети)“, откуда каз.-тат. *азанчы*, мюэззинъ, азанча [1]); масар (*мазар*), кладбище, отъ араб. مزار (соб. „мѣсто посѣщенія“); пĕсмĕлле (пэ̆смэ̆ля́лэ), сĕмĕле (сэ̆мэ̆ля́лэ), изреченіе, произносимое въ началѣ языческихъ молитвъ, отъ араб. بسم الله, *во имя Бога*; *халал*, законно пріобрѣтенный, отъ араб. حلال; *харам*, тщетный, отъ араб. حرام, запрещенный; Есрелĕ, Есрейлĕ (*Эсрэля́э, Эсрэjля́э*), духъ, умерщвляющій человѣка, отъ араб. عزرائيل, *ангелъ смерти*; пирĕшти, белеб., тет. пирĕште, тюрлем. пиште (пирэ̆шти́, пирэ̆штэ, пишти́э) (отъ перс. فرشته), ангелъ; саламалик (*саламали́к*), отъ араб. سلام عليك (que le salut vous soit accordé!) и др. Такъ какъ всѣ эти слова находятся въ употребленіи даже у чувашъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они живутъ совершен-

---

столько пчелъ и меду, какъ на этой горѣ. Гору эту поминаютъ тѣ люди, которые держатъ пчелъ; они говорятъ: „Боже, дай и мнѣ столько же пчелъ, сколько ихъ на горѣ „Кепету“.

[1]) Произнесеніе *азана* имѣетъ, по воззрѣніямъ мусульманъ, чудесныя свойства; между прочимъ его произносятъ у постели опасно больного, когда уже остается мало надежды на выздоровленіе.

но изолированно отъ татаръ, то предполагать, чтобы всѣ эти реченія были обязаны своимъ происхожденіемъ татарскому вліянію, нѣтъ основанія. Кромѣ того, мы также должны имѣть въ виду и то, что въ нѣкоторыхъ словахъ арабскаго и персидскаго происхожденія, заимствованныхъ въ чувашскій языкъ, иногда замѣчаются такія звуковыя особенности, которыя никакъ не могутъ быть объяснены ихъ передачею отъ татаръ. Къ числу реченій подобнаго рода слѣдуетъ отнести: чув. хакăл (въ сочетаніи ăс-хакăл, *ŏс-хагӣл*, умъ-разумъ), но тат. *акыл*, умъ, отъ араб. عقل; чувашское начальное *х* отражаетъ араб. ع. || Чув. техĕмлĕ (*т́эh'ӭмл́ӭ*), тат. „тäмнi̥“, вкусный, отъ араб. طعم (тат. *тäм*), вкусъ, чув. „х“ (*h'*) здѣсь соотвѣтствуетъ арабскому ع, тогда какъ въ татарскомъ заимствованіи послѣдній звукъ не выраженъ ничѣмъ. || Чув. харсăр (*харзӣр*), смѣлый, озорной [a], тат. „äрсi̥з“, безстыжій, дерзкій, отъ араб. عار, *стыдъ*; чув. хисеп (*х́изэп*), тат. *iсäб*, отъ араб. حساب, *счетъ*; чув. халĕ (*хал́ӭ*), тат. „äлi̥“, отъ ар. حالا (теперь); чув. *хавас*, тат. *äӱäс*, склонный, отъ ар. هوس (желаніе). || Персид. بها, чув. паха (*паhа*), но тат. *бäјä*, цѣнный. || Ар. حاضر, тат. „äзi̥р“, чув. хатĕр (*хадӭр*, *хад'ӭр*), готовый. || Чув. *Тала* (см. выше—Турă Тала), но тат. *Тäҕäлä*, отъ араб. تعالى. Нѣкоторыхъ араб. и персид. словъ, имѣющихся у чувашъ, мы въ каз.-тат. нарѣчіи не находимъ совсѣмъ; образцами такихъ словъ могутъ служить: араб. تابوت, *гробъ*, откуда чув. тупăк, топăк, въ с. Тюрлемѣ Чеб. уѣз.—топăт (чит. *тубӣк*, *тобӣк*, *тобӣт*), гробъ; перс. ترازو алт. *тäрäзä*, чув. тараса (*тараза*), вѣсы (курм.), откуда çăл тараси, оцѣпъ, журавъ (у колодца), почему и самый колодецъ

---

[a] Въ нарѣчіи анатри—ĕçлеме харсăр, *работящій*.

мѣстами зовется „тараса“; араб. كبير, *большой*, *важный*, откуда верх. чув. капăр (*кабăр*), щеголеватый, qui aspire à être élégant; араб. عناية, soin, effort. Application. Sollicitude. Providence, grâce, faveur, откуда курмыш. чув. *ынатла*, ласкать, *ынатлан*, ласкаться (къ кому). Вліянію распространявшихся между чувашими мусульманскихъ вѣрованій слѣдуетъ также приписать празднованіе пятницы (ерне-кун, *эрнэгун*), почитаніе названнаго нами выше (стр. 20) билярскаго святого Маалюмъ-Ходжи, а также и вообще распространенный у язычествующихъ чувашъ культъ *святыхъ*, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ ырăсем (*ырăзэм*) [1]).

Что касается утвержденія г. Шишманова, что „чуваши и въ религіозномъ отношеніи финны“, то оно высказано имъ совершенно голословно, а потому, въ виду между прочимъ и того обстоятельства, что наименованія чувашскихъ божествъ, за ничтожными исключеніями, или тюркскія или арабскія, оно для насъ не имѣетъ никакого значенія. Кромѣ того, мы знаемъ у чувашъ такіе ингредіенты языческаго культа, каковы: Пӳлĕх, Пӳлĕхçĕ (*пӳлӗх*, *пӳлӗхсӗ*), Распредѣлитель судьбы, йĕрĕх (*йӗрӗх*), названіе особаго духа (см. Слов. Золотн., 150), тӳрĕ или тӳр-кĕлли [2]), особый духъ (срав. алт. *төс*, названіе бѣса [3]), ҫӳк (*ӳк*, *ӳк*), жертва (срав. алт. *чок*!—жертвенное восклицаніе [3]), йумçă, йумăç, йомăç (*йумзы*, *йумыс*, *йомыс*), йомзя, = тюрк. *кам*, шаманъ, и другіе, которые скорѣе могутъ служить для насъ доказательствомъ въ пользу того, что языческія вѣрованія чувашъ имѣютъ непосредственную связь съ религіозными представленіями другихъ тюркскихъ племенъ и, вѣроятно, exceptis excipiendis, нѣкогда были общимъ достояніемъ всего болгарскаго народа.

---

[1]) Что чувашское слово „ырă“ иногда означаетъ именно *святого*, я пытаюсь доказать въ одномъ своемъ сочиненіи, уже приготовленномъ для печати.

[2]) Тӳр-кĕлли = Тӳрĕ + кĕлли, соб. „моленіе духу тӳрĕ“.

[3]) См. Словарь В. Вербицкаго, стр. 370 и 430.

Относительно племенного состава болгаръ, жившихъ на Волгѣ, я позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Такъ какъ арабскіе писатели называютъ болгаръ въ очень древнюю эпоху صقالبة, т. е. наименованіемъ, которое они давали вообще бѣлокожимъ жителямъ сѣверовосточной Европы, то это заставляетъ насъ думать, что смѣшеніе тюркскихъ болгаръ съ жившими по сосѣдству съ ними финнами и обращеніе ихъ въ особую смѣшанную расу, которая однако сохранила болгарскій языкъ и болгарское національное названіе (*чувашъ*), началось весьма рано, во всякомъ случаѣ ранѣе X вѣка. Но даже если мы оставимъ показанія арабовъ въ сторонѣ, то и тогда у насъ не будетъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы считать тѣхъ болгаръ, которые жили на Волгѣ на исторической памяти русскаго народа, весьма близкими по ихъ этническому составу къ современнымъ чувашамъ. Если сравнивать языкъ болгарскихъ надгробій съ нынѣшнимъ чувашскимъ нарѣчіемъ, то разница между обоими оказывается весьма несущественной. Ктому же надо имѣть въ виду, что въ продолженіе пяти столѣтій, отдѣляющихъ современное чувашское нарѣчіе отъ языка болгарскихъ эпитафій XIV вѣка, въ языкѣ естественно могли произойти большія измѣненія, въ особенности если принять въ разсчетъ, что языкъ этотъ издревле былъ смѣшаннымъ, разбитымъ въ своемъ строеніи, и слѣдовательно носилъ въ самомъ себѣ задатки усиленнаго броженія, которое впослѣдствіи не имѣло предъ собою никакого препятствія, благодаря исчезновенію письменности и полной утратѣ національной самостоятельности. Кромѣ того, можно также предположить, зная общую наклонность мусульманскихъ народовъ къ застою, рутинѣ и сохраненію старыхъ традицій, что самое нарѣчіе, на которомъ писались надписи на древнихъ памятникахъ, уже не было живымъ народнымъ говоромъ, но представляло собою особый литературный языкъ, отражавшій въ себѣ еще болѣе древнюю эпоху въ жизни болгарскаго языка.

Насколько можно видѣть изъ сочиненія г. Шишманова, орѳографія болгарскихъ надгробій, въ силу которой нѣкоторые глухіе звуки чувашскаго языка передавались арабскими звонкими буквами, ввела его въ заблужденіе и заставила думать, что по своему фонетическому строенію болгарскій языкъ существенно отличался отъ чувашскаго и скорѣе приближался къ нарѣчію джагатайскому. Какъ мы уже видѣли выше, подобная мысль ошибочна, такъ какъ, употребляя иногда арабскія звонкія въ замѣнъ дѣйствительно свойственныхъ языку глухихъ согласныхъ, болгары подчинялись не особенностямъ своего нарѣчія, а только скудости арабскаго алфавита. Такимъ же образомъ ошибался г. Шишмановъ, а вмѣстѣ съ нимъ и г. Мункачи, въ своихъ заключеніяхъ, касающихся древнеболгарскихъ словъ, сохранившихся въ болгарскомъ именникѣ, а также у греческихъ авторовъ и, въ качествѣ заимствованій, въ языкѣ мадьяръ. Находя въ названныхъ здѣсь письменныхъ памятникахъ болгарскія слова, начинающіяся въ греческой и славянской передачѣ звонкими согласными *д*, *г* и *б* (*Дуло*, *диломъ*, *дохсъ*, *Гостунъ*, *горалемъ* (?), *Безмиръ*, *Ват-Ваїáн*, *Ваїανος*, *Βόγορις*, *Δριστρος*, *Βαγαϊνοι*, *Βολιάς* (*Воїлас*), *βαγατουρ*), что совершенно противорѣчитъ законамъ чувашской фонетики, которые требовали бы здѣсь начальныхъ глухихъ (*т*, *к* и *п*), г. Шишмановъ дѣлаетъ заключеніе, что „по своимъ фонетическимъ особенностямъ праболгарскій языкъ, кажется, вообще приближается болѣе къ джагатайскому, нежели къ алтайскому нарѣчію, которое въ нѣкоторомъ отношеніи сходится съ чувашскимъ“. Какъ мы увидимъ ниже, подобный выводъ ошибоченъ, такъ же, какъ и тотъ, который дѣлаетъ г. Мункачи. Обращая вниманіе на слова „угорскаго“ звукостроенія, встрѣчающіяся въ мадьярскомъ языкѣ, каковы *béka*, *békó*, *besenyő*, *bika*, *bilincs*, *birka*, *borju*, *borsó*, *bölcső* и др., имѣющія въ своемъ началѣ звонкій звукъ *б*, послѣдній приходитъ къ тому заключенію, что въ „угорскомъ“, а также вѣроятно и въ „древне-чувашскомъ нарѣчіи“, начальное тюркское *б* произносилось какъ *б*, а не какъ *п* (Keleti Szemle,

1901, 4 sz., 311 l.). Всѣ эти примѣры, на которыхъ оба ученыхъ пытаются основать свое сужденіе о фонетическихъ свойствахъ „древне-чувашскаго“ языка, на самомъ дѣлѣ могутъ получить совершенно иное освѣщеніе, если мы возьмемъ для сравненія съ ними выговоръ словъ современнаго чувашскаго языка въ устахъ живущихъ по сосѣдству съ чувашами иноязычныхъ народностей. Если кто-нибудь вслушивался, напримѣръ, въ чувашскій выговоръ русскаго человѣка, не родившагося въ чувашахъ и усвоившаго чувашскій языкъ лишь въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ, то онъ, вѣроятно, имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что въ произношеніи подобнаго субъекта чувашскія глухія согласныя (и именно *п* и *т*) иногда замѣняются въ началѣ словъ соотвѣтствующими звонкими при тѣхъ фонетическихъ условіяхъ, когда выговоръ этихъ звонкихъ для чистаго чувашина невозможенъ. Такъ, отъ русскихъ мы слышимъ нерѣдко: *билеть*, вм. чув. пĕлет (пӗ́л́эт́, пӗ́л́эт), онъ знаетъ; *бильместыпъ*, вм. чув. пĕлместĕп (пӗ́л́мэстӗп, пӗ́л́мэст́эп), не знаю; *боръ*, вм. чув. пур, пор, есть; *бачесь*, вм. чув. паҕĕç (*паζ́ӗс́*, *пац̆ӗс́*), они дали; *болать*, вм. пулаť, полаť (*пулат́*, *пулат*, *полат́*); *дватта*, вм. чув. тăваттă (*тыватты*), четыре; *досъ*, вм. чув. *тус*, *тос*, другъ; Дуваново, по чув. Тăван-йел (вм. * йалĕ), дер. Буин. у., и пр. Примѣры подобныхъ искаженій можно встрѣтить въ изобиліи также и въ старыхъ чувашскихъ переводахъ священнаго писанія и другихъ вѣроучительныхъ книгъ, составленныхъ лицами, мало знавшими языкъ и искажавшими его на русскій ладъ. Нѣчто подобное я усматриваю также и въ вотскомъ языкѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя чувашскія слова съ начальнымъ звукомъ *б* вм. *п*. Образцами подобныхъ словъ могутъ служить: вот. *бус́оно*, чув. пуçана (*пуз́ана*, *поз́ана*), своякъ; вот. *бултыр*, шуринъ, свояченица; чув. пултăр, полтăр (*пулды́р*, *полды́р*), младшая свояченица, млад. братъ мужа; вот. *бул́цо*, чув. пăлҕав (*пы́л́ц̆ав*), уговоръ о днѣ свадьбы; вот. *бусы*, чув. *пос*, поле (ыраш посси, *ыраш побби*ы, озимое поле) и др. Аналогичные случаи обнаружены мною также и въ нарѣчіи такъ называемыхъ

„крещеныхъ изъ татаръ чувашъ“ [1]), гдѣ я нашелъ слова чувашскаго происхожденія, въ которыхъ чувашскія глухія замѣнены звонкими звуками. Къ такимъ словамъ я отношу: чув. (пи́лэш), ТЧ білäш (но каз.-тат. *мілäш*), рябина; чув. ерешмен (эрэшмэ́н), ТЧ іräжмäн, паукъ (каз.-тат. *ӱрмäкӱч*) и чув. нӳхреп (нӳ́хрэп), ТЧ нӳгräб, погребъ (каз.-тат. *баз*). Такая странная передача глухихъ звуковъ звонкими, мнѣ кажется, вытекаетъ отчасти изъ того обстоятельства, что чувашскіе начальные глухіе въ извѣстныхъ положеніяхъ могутъ обращаться также и въ звонкіе, такъ что одно и то же слово, смотря по нѣкоторымъ фонетическимъ условіямъ, можетъ являться то съ глухою, то съ звонкою согласною въ своемъ началѣ (см. „Матеріалы“, 16—17), а также частью и изъ того, что чувашскій языкъ *повидимому* не имѣетъ вполнѣ глухихъ начальныхъ звуковъ (какъ онъ не имѣетъ и звуковъ вполнѣ звонкихъ). Послѣднее я высказываю только въ видѣ предположенія, такъ какъ до сихъ поръ еще не пришелъ къ достаточному въ этомъ убѣжденію путемъ соотвѣтствующихъ наблюденій.

Что касается теоріи г. Радлова, который раздѣляетъ потурченіе чувашъ на три періода, которые, слѣдуя одинъ за другимъ, отличаются между собою неодинаковымъ выговоромъ тюркскихъ звуковъ, то благодаря позднѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области чувашскаго языка, а также обнаруженію источниковъ древняго чувашскаго языка на надписяхъ и въ заимствованныхъ реченіяхъ, найденныхъ въ другихъ языкахъ, въ особенности въ мадьярскомъ (чѣмъ мы весьма обязаны г. Мункачи), эта теорія, какъ мнѣ кажется, потребуетъ коренныхъ измѣненій, къ которымъ я и имѣю намѣреніе обратиться впослѣдствіи.

18. Эта пѣсня помѣщена въ „Ознакомленіи съ фонет. и форм. чув. яз.“ А. Добролюбова. Подъ названіемъ Йарăслав (*Јарӳслав*) мнѣ извѣстна одна чув. деревня Буин. у. Симб. губ. (по-русски—Верхнее Буяново, Ярославка тожъ); это на-

---

[1]) См. Словарь Золотницкаго, 223 с.

званіе вѣроятно происходитъ отъ языческаго имени мужчины, такъ какъ въ спискѣ чув. именъ, приведенныхъ у А. Фуксъ, въ „Запискахъ о чувашахъ и черем. Каз. губ. (Казань, 1840)“, значится на 31 стр. мужское имя *Ярославъ* (здѣсь конечное ъ попало по ошибкѣ).

19. Такъ какъ слово *сум*, счетъ, встрѣчается, повидимому, не у всѣхъ чувашъ, то я нахожу нужнымъ привести слѣдующіе отрывки изъ пѣсенъ, гдѣ встрѣчается это слово:

Ах аннеҫӗм, аннеҫӗм!
Вуникӗ пус пӗр укҫа,
Сума тӑрсан, *сум* ҫитмӗ;
Кунтан епӗ кайсассӑн,
Хушма тӑрӑн, еп пулмӑп.

„Ахъ, матушка, матушка! Двѣнадцать копеекъ съ денежкою, а станешь считать—счета не достанетъ. Когда я уйду отсюда, ты станешь мнѣ приказывать (работать), а меня здѣсь уже не будетъ“. (Изъ хӗр-йӗрри, *плача невѣсты*, записаннаго въ д. Альшиховой, Рунгинской вол. Буин. у.).

Мӗн пӑхатӑн ҫӳлелле,
Маҫҫа хӑми сӑватни?
Мӗн пӑхатӑн ҫӗрелле,
Урай хӑми сӑватни?
Суса сумне кӑлараймӑн.

„Что ты смотришь вверхъ, или считаешь доски на потолкѣ? Что ты смотришь внизъ, или считаешь половыя доски? Хоть и будешь считать, все равно не пересчитаешь“. (Изъ свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ д. Новой Лебежайкѣ, Хвалын. у. Саратов. губ.).

20. Это названіе напоминаетъ своимъ окончаніемъ имена чув. селеній: Пикшик (п*иќ*ш*иќ*), дер. Сидѣлев. вол. Цив. у., и Токшик (*Ток*ш*и*к), дер. Татаръ-кас. вол. Козм. у. Казан. губ.

21. Слово *услан*, мнѣ кажется, древне-чувашское, и въ настоящее время, насколько я знаю, встрѣчается только въ

одной чувашской загадкѣ; потому и смыслъ его чувашамъ уже непонятенъ. Загадка эта слѣдующая: услан-кайăк шыв ĕҫет, икĕ текерлĕк вăйă-выльăт. *Усланъ-звѣрь воду пьетъ, а двѣ пигалицы игру играютъ.* Эта загадка, намекающая на лошадь, которая пьетъ воду, прядя ушами, ходитъ между чувашами въ различныхъ варіантахъ. Впрочемъ, различіе между варіантами касается исключительно только перваго слова—„услан". Такъ, въ одной редакціи загадки вмѣсто *услан* употреблено *аслан*, въ другой—*арăслан*, въ третьей—*услам*, въ четвертой—*ăсан* и, наконецъ, въ пятой—*ăмăрт*. Слова „аслан" и „арăслан", поставленныя въ первой и второй редакціяхъ, даютъ намъ ключъ къ объясненію загадочнаго слова *услан*: слова эти тюркскаго происхожденія и означаютъ на различныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ *льва*. Второе слово, арăслан (*арӳслан*), въ томъ же самомъ значеніи встрѣчается въ чув. языкѣ и понынѣ, но не повсемѣстно, а только у чувашъ низовыхъ, имѣющихъ частыя сношенія съ татарами; а такъ какъ, кромѣ того, обще-тюркское *а* перваго слога въ чув. нарѣчіи почти никогда не остается не измѣненнымъ, но переходитъ или въ *у* (*о*) или *ы* и ă (*ӳ*), то слово „арăслан" я считаю позднѣйшимъ заимствованіемъ, сдѣланнымъ чувашами у татаръ (тат. *арыслан*, левъ). Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ левъ также называется *аслан*, и изъ этого то слова, если обратить вниманіе на указанное выше измѣненіе начальнаго гласнаго, и получается совершенно правильно, по свойству чувашской фонетики, реченіе *услан*. Что же касается чувашской редакціи *аслан*, гдѣ начальное *а*, какъ будто вопреки всеобщему обыкновенію языка, сохранилось въ его первичномъ видѣ, то это сохраненіе (если только не возвращеніе къ первоначальной формѣ) я приписываю не чему другому, какъ только вліянію ассоціаціи названнаго слова съ его заимствованнымъ изъ другого тюркскаго нарѣчія эквивалентомъ „арăслан". Впрочемъ, замѣченный здѣсь процессъ превращенія гласнаго *а* перваго слога въ лабіальные *у* или *о*, насколько я знаю, еще не достигъ въ чувашскомъ языкѣ своего полнаго завершенія,

и въ различныхъ чувашскихъ говорахъ до сихъ поръ можно встрѣтить нѣкоторыя, правда немногочисленныя, слова, которыя избѣжали вліянія этого процесса. Въ видѣ примѣра, я могу указать на слѣдующія изъ подобныхъ словъ: обще-чув. *хуп-хура*, пречерный, но тетюш. *хап-хура*; верхов. шопшорă (*шоп-шоры*), низов. шап-шурă (*шап-шуры*) и *шап-шар*, пребѣлый; лупашка, лопашка (*лубашка*, *лобашка*), яма, углубленіе, ямка, но *лап*, долина; обще-чув. *вула*, *вола*, читай, но курм. и тетюш. *вала*; курм. вăлак (*вылак*), козм. *волак*, но буин. *валак*, жолобъ (мадьяр. *vályu*). Объ остальныхъ варіаціяхъ слова *услан* въ помѣщенной выше загадкѣ надо сказать слѣдующее: *услам* есть фонетически правильное измѣненіе слова „услан“ (срав. ылттăн—*ылттын*—и ылтăм—*ылдым*—золото; сулхăн—*сулхын*—и солхăм, сохăм—*солхым*, *сохым*—прохлада); слово „ăсан“—*ӧзан*, *ӱзан*, *ӧзӑн* (въ загадкѣ: ăсан-кайăк) означаетъ тетерева, а реченіе „ăмăрт-кайăк“ (*ӧмӧрт-кайӱк*, *ӱмӱрт-кайӱк*) —орла. Здѣсь я не могу не прибавить, что есть основанія предполагать, что отъ указаннаго нами здѣсь чувашскаго реченія *услан* могло произойти наименованіе двухъ приволжскихъ русскихъ селеній, *Верхняго* и *Нижняго Услона* (близъ Казани), изъ которыхъ первое извѣстно у чувашъ и татаръ подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ *Услан*. Хотя слово *услонъ*, насколько это извѣстно изъ словаря Даля [1]), существуетъ и въ русскомъ языкѣ, однако, принимая въ разсчетъ мѣстныя этническія условія, я нахожу вполнѣ допустимымъ, что наименованіе названныхъ селеній могло относиться и къ стародавней болгарской эпохѣ. Это мнѣ представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что противъ одного изъ этихъ селеній лежалъ на Волгѣ островъ, извѣстный подъ названіемъ *Ирехова острова*; самое наименованіе этого острова носитъ совершенно чувашскій характеръ и можетъ быть произведено отъ

---

[1]) „**Услонъ**, *тмб.* спускъ или подъемъ, изволокъ, покатость подъ гору или въ гору. || **Услонъ**, *пск.* затулье, затишь, защита“.

слова йёрёх, тет. йӑрӑх (*jəрəх*, *jъыръых*), наименованія одного изъ представителей чувашскаго Олимпа. (См. также Словарь Золотницкаго, 150).

Возвращаясь къ названію с. Услона, можно предположить, что оно произошло отъ собственнаго имени человѣка, который былъ его первоначальнымъ основателемъ, такъ какъ существительное *левъ* издревле употребляется у различныхъ тюркскихъ народовъ въ значеніи личнаго имени [1]) или фамильнаго прозвища.

22. Напр. чув.: еккей, çӑва патне кайманскер! Ме итлеместӗн? Экій, чтобы тебѣ на кладбище отправиться (букв. „къ кладбищу не пошедшій“)! Почему ты не слушаешься? (Козм.).—Вот.: *Эj*, *шаjэ пъырон!* Ахъ, чтобы тебѣ околѣть!—*Шаjэ мъынiсkод-а-ма?* Куда ты къ чорту лѣзешь?—См. также „Матеріалы“, стр. 231.

23. Мнѣ также кажется, что выраженіе на первомъ камнѣ у Фейзъ-Ханова معاهی هم السواری, которое онъ читаетъ مغاچی هم الشواری (?) „Тамгачи и воинъ“, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ обозначенія мѣста, откуда происходилъ покойный: ..*мгачинскій и суварскій*, тѣмъ болѣе, что надъ буквою س въ словѣ السواری никакихъ діакритическихъ точекъ нѣтъ, а кромѣ того, и самое существованіе словосочетанія آلشواری („мужъ схватки“, т. е. воинъ) никакими другими источниками не подтверждается.

---

[1]) Напр., подъ этимъ именемъ (A-sa-lan) упоминаются у китайскихъ писателей уйгурскіе князья, имѣвшіе въ X и XI сс. сношенія съ китайскою династіею Ліао, а въ 1219 г. къ войскамъ Чингиза, занятаго экипированіемъ и пополненіемъ своей конницы на р. Иртышѣ, присоединился, вмѣстѣ съ другими вождями, князь карлуковъ *Арсланъ* (См. E. Bretschneider, op. cit., vol I, pp. 242, 277.). То же самое имя (Арӑслан) значится въ спискѣ чувашскихъ языческихъ именъ, любезно сообщенномъ мнѣ священникомъ с. Байглычева А. В. Рекеевымъ. Ср. также фамиліи: *Арасланов*ъ, *Асланов*ъ, *Асланиди*.

24. Эта надпись также помѣщена въ „Указателѣ г. Казани и достопримѣчательностей съ краткимъ очеркомъ древностей Каз. губ. Изд. 2-е А. С. Дубровина. Казань. Тип. Имп. Каз. Унив. 1890“, на стр. 46, но она тамъ воспроизведена съ большими неточностями и совершенно фантастическими измѣненіями. Напр., вм. двухъ послѣднихъ строкъ эпитафіи въ „Указателѣ“ читаемъ:

وفات كلدى بتاريخ جيات جوريك هجرة العظيم الشان

„Померъ по году исчисленія, жіятъ журъ, что значитъ 623 г. отъ переселенія великой личности (т. е. Магомета)“ а)!

25. Что касается извѣстныхъ болгарскихъ числительныхъ именъ, заключающихся въ „Именикѣ болгарскихъ кагановъ“ (см. статью А. Куника въ соч. „Извѣстія Ал-Бекри и друг. авторовъ о руси и славянахъ“, стр. 118; Шишмановъ, op. cit., стр. 682), то я позволю себѣ воздержаться отъ подробнаго разсмотрѣнія этого лингвистическаго матеріала и ограничусь лишь слѣдующими о немъ замѣчаніями:

а. Болгарскія числительныя названнаго „Именика“ могли подвергнуться при ихъ неоднократномъ переписываніи значительнымъ искаженіямъ или *сокращеніямъ*, благодаря выпуску цѣлыхъ буквъ и даже слоговъ.

б. Такъ какъ существуетъ весьма основательное предположеніе, что этотъ „Именикъ“ переведенъ съ греческаго подлинника, но такъ какъ въ болгарскихъ словахъ его встрѣчаются звуки, которыхъ нѣтъ въ греческомъ языкѣ и которые не могли быть изображены греческимъ алфавитомъ (напр. *ч* въ *вечемь*, *ш* въ *шегоръ*), то отсюда явствуетъ, что звуки эти могли попасть сюда ошибочно, вслѣдствіе неудачной переписки манускриптовъ.

в. Весьма возможно, что знаніе греческой и славянской палеографіи могло бы принести большую пользу изслѣдователю болгарскихъ древностей, показавъ ему, какія буквы греческаго

а) Кромѣ этого перевода, въ книгѣ помѣщенъ и другой, также невѣрный.

и славянскаго письма той или другой эпохи представляли возможность для ихъ смѣшенія съ другими буквами при переписываніи малопонятныхъ или совсѣмъ непонятныхъ текстовъ.

г. Окончанія *ом* и *ем* въ числительныхъ Именика могутъ представлять собою аффиксы числительныхъ порядковыхъ, подобно чувашскимъ „ăм“ и „ĕм“ (чит. *ъ̆м*, *ӗм*).

Н. Ашмаринъ.

Опечатки и дополненія.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
36	7 сн.	*ӗнʹзӗ*	*ӗнʹзӗ.*
46	15 сн.	*сʹуав*	*сʹуас.*
49	3 св.	Шибулгинской	Шибылгинской.
56	13 св.	Йуманĕка	Йуманкка, уменьш. отъ муж. имени „Йуман“ (нарич. „йуман“ означаетъ *дубъ*; срав. муж. имя Йумантей, *Гумандэй*).
81	3 сн.	с. Бюрганы	дер. Бюрганы.
96	5 сн.	„Шунгаты-Östö“	„Шунгаты [a]-Östö“.
116	къ 15 св.	. . . . .	Въ общемъ можно думать, что слово „ҫăваш“ послѣдовательно прошло черезъ стадіи: *ҫуаć*, *сʹуаć*, *ćуаć*, *ćуаш*, (*ćуаш*) *ćъ̆ваш* (*ćъ̆ваш*).

a) شونغاطی.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА